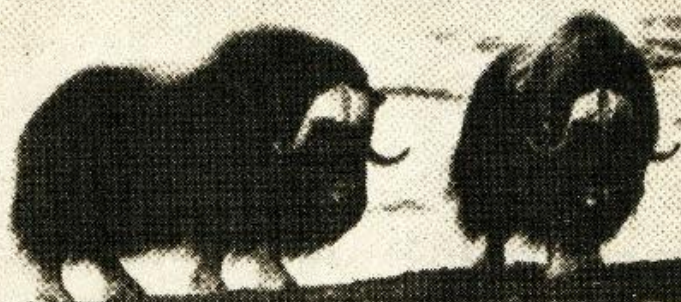

ЛЕОНИД
СТАШКЕВИЧ

АРКТИЧЕСКАЯ ЗАПОВЕДЬ

• ЗАПИСКИ ДИРЕКТОРА ЗАПОВЕДНИКА •

***ДОБРОЙ ПАМЯТИ
СЫНА МОЕГО
И ДРУГА
КОНСТАНТИНА
ПОСВЯЩАЮ...***

Robert -

ЛЕОНИД
СТАШКЕВИЧ

АРКТИЧЕСКАЯ ЗАПОВЕДЬ

ЗАПИСКИ ДИРЕКТОРА ЗАПОВЕДНИКА

МАГАДАНСКОЕ
КНИЖНОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
1991

Редактор Н. А. СУСЛОВА

Фото **Е. Н. Баркуна**
В. Д. Казьмина
Ю. Н. Кривецкого
Л. Ф. Сташкевича
В. П. Шумкова

Сташкевич Л. Ф.
С78 Арктическая заповедь: Записки директора заповедника.— Магадан: Кн. изд-во, 1991.— 158 с.: ил.
ISBN 5-7581-0121-4

В основе книги — уважительный диалог с Арктикой, эмоциональное и практическое отношение человека к северной природе, которое приводит его к осознанию необходимости рационального природопользования, созданию заповедных территорий на особо ценных и ранимых землях.

Книга состоит из десяти глав, каждая из которых представляет своеобразную страничку из арктической заповеди.

1900504000—013
С 24—91
М— 149(03)—91

ББК 65.9(2Р-УМ-64 ук)

ISBN 5-7581-0121-4

ББК 65.9 (2Р-УМ-64ук)

®: Магаданское книжное
издательство

С78

К ЧИТАТЕЛЮ

Последнее десятилетие (общеизвестный факт) характерно резко возросшим интересом читательской публики к произведениям популяризаторского толка — популярной биологии, зоологии, природоведению. Это относится как к переводной литературе (например, Моуэт, Серая Сова, Лесли, Адамсон и др.), так и отечественной (Песков, Онегов, Формозов и др.). С книжных прилавков магазинов такая литература расходуется в считанные часы.

Феномен вполне объясним. Задерганный, затурканный, урбанизированный, насквозь политизированный, разочарованный темпами перестройки, советский человек стосковался по общению с природой, его тянет туда, куда он попасть не может, — «па волю, в пампасы», и он жадно осуществляет свою мечту либо с книгой в руках, либо перед телеэкраном, если идут «В мире животных», «Клуб путешественников» или «Природа Севера».

Как правило, лучшие книги на тему «Человек и природа» несут не только заряд необходимой информации (информации исподволь, ненавязчивой), но и высокие воспитательные идеи, идеи нравственного порядка, добра и справедливости, то есть о роли человека в общем круговороте природы, а если точнее — в общем Круге Жизни.

Вот к таким интересным книгам и относится труд Леонида Сташкевича «Арктическая заповедь».

Есть такая географическая загадка-шутка: «Какой остров находится в трех полушариях?»

Правильно, остров Врангеля. Уникальная часть суши, окруженная со всех сторон водой. Одна часть острова в Западном полушарии, другая — в Восточном, а сам он целиком в Северном.

Попасть на остров (впрочем, как и выбраться с него) не просто: погода не балует островитян своими прелестями, а вот каверзами и капризами — с лихвой.

Это уникальное на Земле место знаменито своим единственным в Арктике заповедником, а сам остров поэты и ученые единодушно зовут «жемчужиной Арктики».

Но жизнь тут далеко не сахар. Не спешат сюда комсомольцы-добровольцы, и длинных очередей у билетных касс этого направления нет.

Автор книги «Арктическая заповедь» Леонид Сташкевич работал на острове директором заповедника. Он был четвер-

тым по счету директором — предыдущие трое не выдержали. И проработал Сташкевич больше всех — семь лет. А сейчас он работает на самом дальнем, только южном острове. Сюда тоже, кроме него и японцев, никого не заманишь. Вот уж романтическая душа — директорствует на острове Кунашире, что в Курильской цепочке. Будем ждать от него книги и об этом острове.

Альберт МИФТАХУТДИНОВ,
член Союза писателей СССР,
г. Магадан

ОТ АВТОРА

Об Арктике написано много. Каждый, кому пришлось жить и работать в этой необъятной стране, помнит и видит ее в преломлении своего опыта и переживаний. Там нет легких путей для человека. И для меня это были годы испытаний, невосполнимых потерь, когда казалось, легче сойти с тропы, чем продолжать идти по ней...

Размышления о единстве природы и человека привели меня к мысли, что никакой другой край света не отражает внутреннюю суть человеческой жизни с такой полнотой и откровенностью, как Арктика. Там нежность красок и грубость шквальных ветров, грандиозность горных ландшафтов и унылость покрытых снегом тундр, буйный расцвет жизни и не менее стремительное угасание ее... Не состоит ли и наша жизнь из подобных контрастов! Об этом я хочу рассказать тебе, неизвестный читатель.

Семь лет жизни на заповедном острове Врангеля дали мне возможность увидеть «мою Арктику», в которой осмысление реальности бытия соседствовало с очарованностью Крайним Севером. Я, внимательно наблюдал за поведением людей и животных, населяющих арктический остров, и находил такие особенности, каких не смог бы заметить нигде. Мои знакомые островитяне при всех достоинствах и недостатках, присущих человеческому роду, отличались особыми свойствами характеров, определившими в конечном счете место их проживания. Все они становились островитянами раньше, чем покидали Большую землю. И никогда не могли они объяснить, ради каких призрачных целей избрали этот путь. Даже те немногие, кто родился на острове, сохраняли простодушие своих отцов. Трудно писать о живых, близко знакомых людях, тяжело писать о тех, кто ушел по ту сторону черты жизни... Не суди меня за неловкое слово, читатель.

Мир диких животных, населяющих заповедную землю, богат и так же своеобразен. Это они — звери и птицы — заселили самые отдаленные уголки Арктики гораздо ранее, чем туда проник человек. Они подлинные хозяева и первооткрыватели, но только на отдаленных клочках заповедных земель им предоставлено право жить в наш век по своим законам. Да, эти законы суровы, как сама арктическая земля и холодное море. И извечная борьба за суще-

ствование здесь более откровенно. Но есть нечто объединяющее животных мир Арктики, идущее от далеких предков тех современных видов, которые мы наблюдаем сейчас. Избрав главной стратегией в борьбе за существование не выталкивание соседа из его собственной экологической ниши, а поиск свободных пространств, они приспосабливались к экстремальным условиям природной среды. Не есть ли это путь к более полному совершенствованию?! Мне представляется, что в далекие доисторические времена предки наших зверей и птиц не слишком настойчиво отстаивали исконно свои места обитания, предпочитая открывать новые земли Великого Севера. Мне нравилось думать так и находить в этом начало, объединяющее человека и диких животных, населяющих край Ойкумены.

Вот с таким настроением я писал свои записки. Не стану обманывать доверчивого читателя (как сделал это один арктиковед), что книга писалась под свист пурги коченеющими от мороза пальцами. И полевые дневники мои не мокли и не смерзались, потому что берег я их, как собственные ноги, уведившие меня от зимовий и научных стационаров без тропы по белому острову и возвращавшие назад к людям. А время находилось, и я садился за пишущую машинку — чтобы рассказать об «арктической заповеди», как я ее понимал.

Некоторые редакторы, которым я передавал что-то из того, что считал готовым к печати, приветствовали мои старания, но спешили пригладить стиль. Особенно их не устраивало то, что обыденные, на их взгляд, слова я писал с заглавной буквы. Но я ничего не мог с собой поделать и переписывал для тебя, читатель, эти слова в первоначальном виде. Может быть, так происходило потому, что «моя Арктика» нашептывала мне одну простую истину: «Все, к чему прикасается внимательный взгляд человека, одухотворяется его разумом и теплом его души, если окружающий мир воспринимается им как Великое Произведение Природы. Только человек может назвать именем собственным и Птицу, и Зверя, и Землю, и Небо... В раннем детстве мы чувствуем это и забываем с возрастом...» Давайте вспомним.

ЗАПОВЕДНЫЕ ТРОПЫ

Не поторапливая судьбу, я жил в краю Сосьвинского Приобья — одном из самых глухих районов девственной тайги Северного Зауралья. Железнодорожная магистраль Ивдель — Обь прошла через топкие болота, крепи, желтые пески с борами-беломошниками и открыла доступ к богатым кладовым, накопленным экономной природой за столетия. Недавно созданный административный район Советский быстро превращался в современный центр лесной промышленности. До пяти миллионов кубометров высокосортной древесины ежегодно доставлялось с лесосек на разделку, распиловку, и все, что не уходило в отходы, не сжигалось, не сгнивало, — укладывалось на плечи железнодорожных составов и отправлялось на Большую землю.

Падала кондовая сосна в чистых борах, по крутым берегам затуманной реки Конды, по Нюриху, Ейтье, Олтому и святой реке Ух. Высокие темпы освоения тайги впечатляли, а богатства ее были неисчерпаемыми.

Со временем мое отношение к происходящему изменилось. Как и многие таежные жители, я понял, что кроется за такой мягкой фразой: освоение тайги. Как только сложнейший саморегулируемый природный комплекс начинают именовать лесосырьевой базой, это означает близкую гибель больших массивов леса с населяющими их травами, зверями и птицами, обмеление окрест рек и ручьев. Так человек поступал и поступает повсеместно на территориях, занятых лесами, — в Южной Америке и Европе, в Канаде и Северной Азии.

Промышляя охотой, я время от времени встречался в тайге с коренными жителями этих мест — ханты и манси, — теми, кто не спешил перебираться с паулей и юрт — одиноких поселений по берегам Тапсуя, Малой Сосьвы и Конды — в благоустроенные рабочие поселки, вырастающие вдоль железной дороги. Они хранили древнюю — и недавнюю — историю своего края, без знания которой пришлый человек навсегда останется глух и слеп к новой земле.

И поныне по реке Малая Сосьва у юрт Хангокуртских на кордоне, носящем то же название, живет манси Кирилл Андреевич Дунаев. Мы познакомились с ним в тот год, когда я белковал с собаками близ Худюмских болот. Места глухие и малознакомые, расположение ближайших избушек-зимовий

неизвестно. Каждую ночь приходилось подыскивать прямо в лесу удобное место для ночлега. В верховьях реки Як-Еган я устроил небольшой настил из жердей и лапника на самом краю старого горельника, запасся дровами и решил хотя бы несколько дней не удаляться далеко от своей базы.

Кедрачи вдоль берегов таежной речки приглянулись мне настолько, что я начал подумывать о строительстве охотничьей избушки — благо, сухой лес на горельнике был под рукой. Как-то раз, когда в ожидании вечернего чая я размышлял об этом, собаки глухим осторожным рычанием дали понять, что кто-то приближается к стоянке от противоположного берега.

Бурый медведь в позднюю осеннюю пору сыт и спокоен. Если натолкнется на охотника случаем, поторопится уйти в сторону. Собаки продолжали тихонько урчать, я отошел от костра в темноту и увидел человека, идущего семенящей походкой прямо на свет. Собаки бросились к нему и, позевывая и виляя хвостами, возвратились к стоянке. Ночной гость, кажется, нисколько не опасался недружелюбного приема и вышел прямо на меня.

— Вуся, вуся! — поздоровался он по-хантыйски. — Я Кирилл Дунаев. — Низкорослый мужичок в нелепой кацавейке подал мне, здороваясь мимоходом, узкую ладонь, быстро уселся на валежину у костра и уставился колючим взглядом на котелок с закипевшей водой.

Что-то я слышал о Дунаеве-охотнике. Он отказался от переселения из Хангокурта, хотя ему предлагали квартиру и работу в поселках Пантынг и Самза. О нем говорили разное: некоторые считали его браконьером, обставившим темный промысел так, что к нему за пушниной, камусом, мясом залетали вертолеты; другие уверяли, будто Кирилл Дунаев, напротив, охраняет от чужого глаза в глухой тайге святые лабазы, и не будет прощения тому, кто прикоснется к ним.

У таежного костра мы о многом успели переговорить. Дунаев оказался интересным собеседником, а я все больше слушал, задавал вопросы да подливал в кружки чай, настоящий на брусничном листе. В ту ночь от Кирилла Андреевича я узнал о трагической судьбе азиатского речного бобра-инквоя.

...Когда-то сибирский бобр-абориген обитал в ручьях и реках, стекающих к Иртышу, Оби, Енисею. Речной народец жил, никому не мешая, прилежно трудился над строительством крепких плотин, избушек-хаток по-над крутыми берегами. Он с большим доверием относился к людям, а люди с интересом наблюдали за его жизнью, оберегали от дикого зверя и считали бобров своими дальними предками. Старики учили внуков: если охотник убьет бобра-инквоя, в его юрте умрет ребенок. Каждое поколение молодых охотников помнило предостережение стариков, а состарившись, передавало его внукам и правнукам...

Но появились в тайге пришлые люди, стали предлагать жителям хорошие товары — ружья, порох, красный шелк и спирт — за бобровые шкурки, и многие остяки и вогулы перестали бояться запрета. Бобр быстро начал исчезать из водоемов.

Будто сговорившись, из тайги уходил зверь, улетала птица, в реках пропадала рыба. Тайга стала скудной, люди страдали от голода. Рядом с юртами и паулями на ветвях деревьев появлялись все новые лоскутки красной материи — знак того, что в этих семьях умирали дети.

Только в верховьях рек Малой Сосьвы и Конды за непроходимыми топкими болотами, вековыми речными перекатами коренные жители еще держали в строгой тайне места обитания священного зверя, передавая из поколения в поколение заповедь отцов: *когда исчезнет из этих мест бобр-инквой — тайга оскудеет, обмелеют реки и степные ветры разрушат человеческое жилье...*

Дунаев рассказал все это так, будто вспоминал полузабытую сказку из своего детства. Тем неожиданнее был его ответ на вопрос о причине нежелания переселиться поближе к железной дороге. Он ответил:

— Я охраняю бобра. Его осталось совсем мало, быть может, скоро совсем исчезнет.

«Неужели этот манси до сих пор верит в страшное предсказание предков и решил посвятить жизнь сохранению нескольких семей бобра-аборигена?» — подумал я, но вопрос задал иначе.

— Кто же тебе поручил в одиночку заниматься таким делом?

— Большой начальник из Москвы просил меня об этом, — ответил Кирилл Андреевич. — Каждую осень я сообщаю ему письмом, где еще живут по нашим речкам бобры.

— Но чтобы охранять бобра, если он еще остался где-нибудь в глухих местах, нужны определенные полномочия, — настаивал я, — тебя приняли бы на должность. Ты же, как известно всем, живешь только промыслом*

— Скоро меня назначат егерем, — с большим простодушием серьезно сказал охотник, — а пока, видишь: ты появился на Як-Егане, и манси — тут как тут!

Он хитро, но по-доброму взглянул на меня. От отца манси Дунаев унаследовал живой и выразительный взгляд карих глаз, от матери хантэйки досталась ему мягкая и добрая улыбка.

С рассветом мы расстались с Кириллом Андреевичем Дунаевым. Я обещал не заходить больше в его владения, хотя он и не просил об этом.

Ночной рассказ охотника-манси не выходил у меня из головы, и по возвращении из тайги я принялся искать литературу по

истории края, записывать рассказы старожилов. Тайга Сосьвинского Приобья давно уже не казалась мне слепой и дикой силой, враждебной человеку, пытающемуся якобы на законных правах изъять лес из ее кладовых. Она все больше теперь вызвала чувство жалости, которое можно испытывать к живому обиженному существу...

Через год более двухсот сорока тысяч гектаров северной тайги от истоков Конды до озера Турсунский Туман были объявлены республиканским заказником. И хотя по-прежнему рубили лес по берегам притоков Конды — Олтуму, Ейтье, Эсс и Святому Уху, охотничий промысел попал под запрет. Я рад был узнать, что Дунаев стал егерем заказника. Более того, его участок специальным распоряжением Главного управления охотничьего хозяйства и заповедников при Совете Министров РСФСР определили на реке Малой Сосьве, формально не «заказанной», и теперь егерь Кирилл Андреевич Дунаев имел все права, встретив на Як-Егане случайного человека с ружьем, потребовать от него оставить тихую речку с бобрами в покое. До организации государственного заповедника «Малая Сосьва» оставалось еще пять лет...

Сосьвинское Приобье — древняя страна вогулов. Русский летописец поведал, как в зиму 1364/65 года «с Югры Новгородци приидоша дети боярския и молодые люди...» Но и это не самое первое слово об открытии русскими ходоками диких племен, населяющих Зауралье. Ипатьевская летопись донесла до нашего времени рассказ посадника Павла, датированный одиннадцатым веком, о посланце из Новгорода в страну Югру, у которой «язык нем». Он искал путь в Китай и Индию, который, по слухам, был уже кем-то в прежние времена пройден...

Тот, кто в стародавние времена переваливал через темный Урал в поисках новых земель у таинственного Лукоморья, поражался суровости и богатству азиатской земли, простодушную населявших ее народов. Рассказы о безбрежной таежной стране будоражили сознание людей, скорых на ногу и алчных до наживы.

Каждый век отправлял в дальний путь своих первопроходцев. Шли они в одиночку и тайком или большим отрядом Семена Курбского — кто с мечом, а кто со святым крестом — но с одним желанием: прикоснуться к золотой пушнине таежных кладовых. Мало добра приносили пришлые люди на эту землю.

Нынешнему веку досталась беспросветная нищета народностей Севера. Вымирали от голода и болезней целые племена. Тайга оскудела, запасы дичи и пушного зверя, чем славилась Россия еще несколько веков назад, оказались подорванными настолько, что некоторым видам животных угрожало полное исчезновение.

Новые принципы освоения Севера принесла советская власть. Их проводником в Сосьвинском Приобье стал Кондо-Сосьвинский заповедник. На протяжении четверти века здесь развились научные традиции охраны природы, внимательно изучалась жизнь таежных обитателей, охранялись леса и травы, птицы и звери. Коллективу заповедника удалось привлечь к этой работе коренное население.

С большим тактом в заповедном краю относились к истории маленького народа, к его обычаям, своеобразной культуре. Ни у кого не возникало желания переделать на свой лад названия рек, озер, урочищ, даже если они были труднопроизносимыми или малопонятными.

Ханты и манси вспомнили заповедь своих отцов и оберегали теперь бобра-инквоя, редкие поселения которого можно было еще встретить по глухим притокам таежных рек. И удавалось людям видеть в весенней синеве северного неба силуэт редкой птицы — белого журавля-стерха на пролете к ближнему урочищу. Тайга Сосьвинского Приобья вновь стала богатой и щедрой. И за пределами заповедной территории человек брал от нее только то, что нужно было для жизни. Человек и Дикая Природа вместе трудились над своим будущим...

В 1951 году Кондо-Сосьвинский заповедник был ликвидирован.

За сорок лет до начала развития лесной промышленности — в 1927 году — организатор и первый директор Кондо-Сосьвинского заповедника В. В. Васильев писал: «Эксплуатация лесов в данном районе возможна — но в сторону Урала при проведении железной дороги от Никито-Ивделя, до которого от юрт Тимофеевых считается двести пятьдесят верст...»

Массивы спелых лесов привлекали теперь людей гораздо больше, чем в давние времена населявшие северную тайгу соболь и бобр.

Первопроходцы моего поколения пришли через десять лет на бывшую заповедную землю не для того, чтобы взять лес только «в сторону Урала». Железнодорожная магистраль протянется от Урала до Оби, сделав глухой таежный край доступным для интенсивной эксплуатации.

Основной задачей того времени считалось освоение современными промышленными методами лесных запасов, в скором будущем предвиделись разработки земных недр — нефть и газ. Герб молодого Советского района украсили нефтяная вышка, кирпичная стена строящегося здания, тени деревьев, олицетворяющие богатство лесосырьевой базы. И не нашлось на нем места для голубого неба и белой птицы-стерха...

Поколение покорителей природы спешило заполнить новые страницы истории. Они действительно могут рассказать о героическом труде строителя, геолога, лесоруба, школьного учителя, лесника. Но кто расскажет о том, как был срублен

самый старый кедр? Был он так велик, что ни одна пилорама не смогла бы перепилить его на брус и доску. Он встал поперек дороги человека — и остался лежать розовым комлем у своих корней — будто найдутся чьи-то силы поднять и оживить его снова!

Лес не берегли. Рубили широко — от плеча, полагаясь на хорошее лесовосстановление в будущем. Но кто скажет — что станет с нынешним подростком к концу двадцать первого века! Не повторяем ли мы судьбу европейских лесов прошлых столетий, открывая настежь двери тундрам с севера и степям с юга?

Вопрос не в том: рубить или не рубить? — а как правильно и бережно использовать принадлежащие человеку по праву богатства Дикой Природы.

С годами лес отступал все дальше от рабочих поселков, зверь погибал от руки браконьера или перекочевывал в более глухие места. Теперь тайга не казалась безбрежной в пространстве и бездонной в своем богатстве.

И тогда человек вновь стал искать первопричину происходящего. Он принялся восстанавливать историю края, в который так решительно ступил на правах первопроходца и покорителя, поднял из недавнего прошлого память о Кондо-Сосьвинском заповеднике, прислушался к словам далеких предков, которые донес до них манси с реки Малая Сосьва Кирилл Андреевич Дунаев: *...тайга оскудеет, обмелеют реки, и степные ветры разрушат человеческое жильё...*

Борьба за восстановление заповедника, хотя бы в тех реальных границах, где еще осталось что сохранять, затянулась на долгие годы. За спасение жемчужины Зауралья — реки Малая Сосьва выступили академики А. Б. Жуков, В. Б. Сочава, профессора В. Г. Гептнер, Г. А. Новиков, А. Г. Воронов, А. Н. Формозов, в правительство республики обратились академик С. С. Шварц и бывший научный руководитель Кондо-Сосьвинского заповедника профессор В. Н. Скалон.

Время шло. Каждую осень реки покрывались льдом, тайга укутывалась в белоснежное покрывало — мир и покой обещала им суровая сибирская зима. Но к следующей весне, когда освобождались ото льда реки, им приходилось сбрасывать с себя временные деревянные мосты зимников — лесовозных дорог, хлысты брошенного по берегам леса. В верховьях Малой Сосьвы и на ее притоках лес превращался в древесину, из водоемов исчезали последние бобры-аборигены, о сохранении на Земле которых люди думали в течение последних ста лет.

В конце прошлого века зоолог И. С. Поляков направил из Берёзова на Малую Сосьву охотника-остяка, чтобы тот обследовал бассейны рек до Пельыма и вывез хоть один экземпляр азиатского бобра. Это удалось сделать только через восемь лет известному путешественнику и писателю К. Д. Носилкову.

В 1924 году, когда стали распространяться слухи о том, что где-то в Кондо-Сосьвинском бассейне сохранился «речной человек», профессор Г. А. Кожевников писал: «Стыд и позор будет, если мы не уберем уральского бобра».

И вот в то время, когда многим ученым казалось, что уже поздно, река Малая Сосьва стала вновь заповедной рекой. В начале 1976 года в среднем ее течении на территории, занимающей около ста тысяч гектаров лесов и болот, был организован государственный заповедник «Малая Сосьва».

В должности директора я и принял тогда заповедник. Мне очень нужно было оказаться полезным и этой тайге, и живущим в ожидании чего-то по берегам рек людям, и, конечно, бобру-инквою — я надеялся, что он еще хоронился на глухих притоках заповедной реки. Тогда я не задумывался о трудностях избранного пути: о разочарованиях, о дальних дорогах, о невозможных утратах, ждущих мою долю, и о том, что близость к Дикой Природе — это источник той силы, которая должна помочь выжить человеку в современном цивилизованном мире...

По первой лёгкой погоде я вылетел в Хангокорт к Кириллу Андреевичу Дунаеву. Тетя Поля — его жена — встретила меня, по своему обычаю, приветливо.

— Он на рыбалке,— сказала она, придерживая злых и почти отвыкших от запаха посторонних людей собак. На моих глазах она быстро обменяла мешок пушнины и камуса на муку и сахар, и, довольный сделкой, предприимчивый бортмеханик поволок «добычу» к машине. Вертолет улетел, над заброшенным поселком опустилась заповедная тишина. Собаки сразу успокоились, посчитав теперь меня за «своего».

Тетя Поля пристроила на место муку и сахар и повела меня на берег.

— Ждать хозяина придется долго,— сказала она,— бери лодку и поезжай до седьмого плёса.

Через час я вышел на глухую старицу и увидел Дунаева. На узкой долбленной лодке-калданке, мастерски изготовляемой таежными жителями, он ставил сети. Мимо него с достоинством грациозно проплывала пара лебедей. Манси неторопливо закончил свое занятие и только потом направился ко мне.

Мы молча посидели у маленькой коптильни, устроенной здесь же на старице. Он по радио уже слышал об организации заповедника и ни о чем не спрашивал меня. Разглядывал поновому, догадываясь, что я получил какие-то полномочия и приехал к нему по делу.

— Надо работать на заповедник,— сказал я Кириллу Андреевичу.

Он еще помолчал и неуверенно ответил:

— Поздно, однако. Григорий Смолин в Тузингорте был в гостях недавно. Сильно смеялся. Прошел, говорит, всю реку

до верховьев — нет бобра, а встретил бы, так забрал с собой на Обь, все равно здесь ему не прожить. Сильно шумят.

— Надо работать,— повторил я свои слова, и Кирилл Андреевич вдруг заторопился в Хангокурт.

Через несколько дней мы вышли на лодке через Ем-Еган к железной дороге. На весенней половодной реке у Конфетного переката на притопленном тальнике показал мне манси свежие погрызы бобра.

— Здесь была большая семья,— объяснил он.— Детей задавили собаки сборщика живицы, а жирную мать-бобреху человек поймал в капкан. Остался только бобр-отец, я его Боблём называю. Теперь, может быть, новую семью найдет...

В эту поездку Дунаев забрал с собой всех своих охотничьих собак. Он сам так решил. У железнодорожного полустанка мы расстались.

— Теперь мы на своем вертолете будем завозить продукты,— сказал Кирилл Андреевич. Простодушная улыбка засветилась на скуластом лице охотника-манси. Удерживая на привязи собак, он быстрым семенящим шагом направился в сторону ближайшего рабочего поселка.

Так вошли в мою жизнь заботы о заповедной земле.

Много за пять лет было пройдено хантыйскими тропами-юшами. Но оказалось, что главная тропа впереди.

Одновременно с заповедником «Малая Сосьва» в азиатской части России были организованы заповедники «Саяно-Шушенский» и «Остров Врангеля». Три близнеца занимали громадную (более полутора миллионов гектаров) территорию. По представлениям ученых, именно такая площадь имеет шанс сохранить самостоятельность в условиях интенсивно развивающейся хозяйственной деятельности, которая сильно угнетает и трансформирует малые по площади заповедники.

Наиболее независимой экологической единицей многим казался арктический Остров. Географическая изолированность, суровые климатические условия и сравнительно недавняя история заселения его человеком давали основания надеяться, что именно здесь «на краю света» живой природе нанесен наименьший урон...

В Дании хорошо известна формула доктора Христиана Вибе. Основатель Национального парка в Гренландии заметил, что «...когда охрана природы становится необходимостью, значит, уже поздно». Может быть, на датском языке это звучит менее категорично, но, к сожалению, найти в мире природный комплекс, на который человек еще не оказал своего воздействия, невозможно. Но все-таки тот, что нарушен минимально, должен стать особым достоянием народов и государств, и бороться за его сохранение никогда не поздно...

Из частых встреч на совещаниях в Москве с работниками арктического заповедника я составил довольно четкое пред-

ставление о его уникальной природе и о тех совсем не уникальных сложностях в небольшом и замкнутом мирке островитян, которые так не соответствовали чистоте окружающей их природы.

В начале 1981 года моему руководству было угодно направить меня в составе комиссии Главохоты РСФСР на Остров. Решался вопрос об освобождении третьего по счету директора. За пять дней жизни на Острове я продумал о многом, сомневаясь и не доверяя своим ощущениям, искал компромиссы и, найдя их, тут же отвергал. Когда же пришла пора расставания с заповедным Островом, я согласился с предложением Главохоты и остался на нем работать и жить...

Перечитывая недавно книгу первого начальника «Острова метелей» Георгия Алексеевича Ушакова, я подивился простоте и чистосердечности признания, с которым он обратился к уполномоченному Наркомвнешторга и Госторга РСФСР, убеждая направить его на наш Остров: «Мне кажется, что моя просьба произвела на Вас впечатление поступка необдуманного, решения, принятого наспех, питаемого ребяческим романтизмом. Мне хочется попытаться доказать Вам, что мое решение глубоко продумано».

За семь лет жизни на Земле Врангеля у меня не раз возникла потребность доказать самому себе, что решение мое «глубоко продумано». Это было необходимо тогда, когда заповедная тропа становилась непомерно тяжелой, когда хотелось тихо сойти с нее. Ведь есть же где-то прямые асфальтовые дороги...

ПУТЬ К ОСТРОВУ

Достичь пределов земли в наше время не так уж сложно. В распоряжении современного человека скоростная авиация, мощные морские суда, наземная вездеходная техника — перевернувшие представления о расстояниях, о самих размерах нашей планеты. Вряд ли кого заинтересуют подробности перелета рядового пассажира из Москвы на остров Врангеля, скорее последуют расспросы, с какой целью он направляется в страну метелей, что побудило его к такому путешествию.

В нынешней доступности Острова кроется некоторая опасность расслабления перед «обыкновенной Арктикой», забвения величия ее силы, своенравия, духа свободы и борьбы. Много сменится поколений, а путь к Острову будет всегда тернист.

Есть другая мера доступности его. Она определяет, насколько человек готов отдать годы своей жизни арктической земле, оставив далеко в родных краях шумный и привычный цивилизованный мир. Многие из того, что он сохранит в памяти как неизменное, станет при встрече неузнаваемым, кто-то из близких людей не дожидается его... И сам человек станет другим, постигая с годами спокойную мудрость северянина. Путь к Острову у каждого человека особенный и неповторимый, и каждый, каков бы он ни был, тонкой нитью короткой человеческой жизни вплетается в полотно истории арктического Острова.

Подготавливая себя к размышлениям о нашем современнике, осилившем путь к «краю земли», отдадим должное тем, кто открывал этот осколок древней Берингии и, даже не ступив на него ногой, мог сказать словами лейтенанта русского флота Фердинанда Петровича Врангеля: «С горестным удостоверением в невозможности преодолеть поставленные природою препятствия исчезла и последняя надежда открыть предполагаемую землю, в существовании которой мы уже не могли сомневаться. Должно было отказаться от идеи, достигнуть которой постоянно стремились мы в течение трех лет, презирая все лишения, трудности и опасности».

Было время открытия новых земель...

Уже более трехсот лет назад русские землепроходцы знали о существовании «матёрой земли» в Студеном море к северу от Чукотского побережья.

В известной «скаске», поданной якутскому воеводе в 1646 году, основатель Нижнеколымского острога Михайло Стадухин сообщает о «Большой Земле» за океаном «со снежными кручами и реками знатными». Стадухинская Земля долгое время представлялась как единый массив суши, соединенный где-то с Аляской и Камчаткой. Открытие Медвежьих островов, Большого Ляховского острова лишь укрепило уверенность в правдивости «скаски» и побудило не одно поколение отчаянных землепроходцев пуститься в тяжелые и опасные путешествия.

Остров Врангеля был открыт гораздо позже — в середине девятнадцатого столетия, и не случайно именно с ним связаны наиболее упорные надежды отыскать загадочную землю.

В разные времена его называли Землей Китиген, Большой Землей, островом Сомнительным, Землей Андреева, Землей Келлета, Новой Колумбией, Землей Врангеля. Он никогда не стоял на перекрестке дорог цивилизованного мира, но к нему рвались самые сильные и лучшие представители племени Первопроходцев.

Человек всегда стремился достичь пределов земли, но всегда — когда он уже был близок к цели — неведомые народы или следы далеких предков пересекали его путь. Предела не существовало.

Три тысячи с лишним лет назад люди уже побывали на Острове. Вечная мерзлота сохранила следы, и магаданские археологи в наше время обнаружили их на стоянке у Чёртового оврага на южном побережье. Наконечники стрел и копий, гарпуны поворотного типа для промысла морского зверя, большое количество костей моржа, лахтака, нерпы, белого медведя свидетельствовали об активной жизни древнего народа, умеющего противостоять арктической стихии. Не случаем гонимый, но подчиняясь единому закону живой природы, осваивал ой новые территории и попадал в страну вечного холода.

Археологам еще предстоит отыскать следы других — более ранних или более поздних поселений, а пока мы довольствуемся легендами о таинственных онкилонах.

Когда Степан Андреев с северо-восточного берега Медвежьего острова, увидев «в великой отдаленности» землю, рвался к ней на собачьих упряжках, не остановился ли он перед множеством следов оленьих упряжек? Быть может, то была выдумка, больная фантазия воспаленного от крайней усталости мозга, но она не одного исследователя подтолкнула к поискам обетованной земли и многим из них стоила тяжелых лишений, разочарований и самой жизни. Даже если и так, то возникла легенда не на пустом месте — память поколений передавала таким способом знания прошлых времен о реально существующей земле.

Что-то было известно прибрежным чукчам. Чаунский тойон Нухай поведал, как в далекие годы его детства в один из январских дней

«пришли к нему в юрту с Ледовитого моря пешком два незнакомца, имевшие по две собаки на поводках, в платьях из оленьих шкур, подобно чукотскому». Чукчи Гачолин и Леут говорили, что им «известно наверно о земле, видимой с мыса Якан, к северу лежащей...» Тойон Ятыргин сообщил, что жители Чукотки неоднократно видели оленей, переходивших по льду с той земли.

Такие сведения в свое время собирал руководитель работ по исследованию северо-востока России Гавриил Андреевич Сарычев.

Русские землепроходцы твердо верили в реальность неведомой земли, но проходили десятилетия, а достичь ее никому не удавалось. В 1822 году возвратился из третьего путешествия по морским льдам Ф. П. Врангель. «Трудность путешествия превосходила всё, доселе нами испытанное. Помощью пешней пробивались мы через груды плотных торосов невероятной вышины»,— такие записи делал он в дневнике, пока широкие разводья льдов не остановили продвижения к северу.

Ко второй половине девятнадцатого века торговые, китобойные, научно-исследовательские суда все чаще уходили в малоисследованные районы Арктики. Многие не возвращались, но вслед за пропавшими шли другие. И кому-то открывались новые пути и новые земли...

В осенние дни 1849 года в поисках исчезнувшей экспедиции Джона Франклина спасательное судно «Геральд» под командованием Г. Келлета шло к северу от чукотских берегов. Вечером семнадцатого августа экипаж заметил небольшой скалистый островок, которому капитан дал имя в честь своего судна. К западу от острова Геральд просматривались в разрывах облаков высокие вершины гор. Координаты земли совпадали с теми, что нанес на карту, обозначая недоступную землю, Ф. П. Врангель. Тяжелые льды помешали судну подойти к Острову.

Позднее рядом с его берегами проходили американское гидрографическое судно «Винсент», барк «Нил», русский клипер «Всадник», парусно-моторная шхуна «Жаннетта».

В тот день, когда зажата льдами «Жаннетта» дрейфовала к северо-западу навстречу своей гибели, капитан Де-Лонг сделал запись о том, что они прошли севернее Земли Врангеля.

В поисках пропавшей экспедиции Де-Лонга в августе 1881 года к Острову подошли два американских парохода «Томас Корвин» и «Роджерс». Двенадцатого августа шлюпка с матросами «Корвина» причалила к берегу в устье реки, получившей название Кларк. Поверхностное обследование показало, что один из самых таинственных островов Арктики обитаем.

В 1911 году к острову Врангеля в составе русской правительственной

экспедиции по описанию берегов Сибири направился ледокольный пароход «Вайгач». На невысоком берегу в устье реки Неожиданной команда установила российский флаг и приступила к обследованию северо-западной береговой линии.

Судно канадской экспедиции «Карлук», дрейфуя во льдах, было раздавлено и затонуло вблизи острова Геральд. Из двадцати пяти человек только семнадцать с большим трудом добрались до острова Врангеля. Знаменитый капитан Роберт Бартлетт пересек с легкими нартами пролив Лонга и организовал спасение оставшихся на суровой земле членов экипажа. За время зимовки на Острове погибло еще два человека, один сошел с ума.

С именем известного полярного исследователя Вильялмура Стефансона связано несколько неудачных и трагических экспедиций.

Проводка судов у острова Врангеля

Через семь лет после экспедиции Бартлетта В. Стефансов организует свою последнюю — специальную экспедицию под руководством Аллана Крауфорда, в задачу которой входило отторжение Острова от молодой советской республики.

Их было пять человек и предстояло им прожить на чужом арктическом Острове всего один год. Большую полярную ночь и большой полярный день. Уже в первую зиму 1921/22 года они испытывали нехватку продовольствия. Теория Стефансона о «гостеприимной Арктике» оказалась несостоятельной для тех, кто, с беззаботностью ожидая от нее милости, не был способен добыть морского зверя, подготовить жилище, выдер-

жать суровые условия страны вечных снегов, не власть в отчаяние от одиночества. Арктика не признает слабости и не прощает панибратского отношения к себе.

Тяжелая ледовая обстановка не позволила снять зимовщиков в назначенный срок. К следующей зиме начался голод. Пытаясь повторить путь знаменитого Капитана, Аллан Крауфорд с двумя спутниками попытался пересечь пролив Лонга. Их следы затерялись в беспокойных льдах, а судьба осталась неизвестной потомкам. Только в 1923 году к осени судно «Дональсон» пробилось к Острову. Новая смена зимовщиков застала печальную картину опустевших жилищ, двух могильных крестов на песчаной косе. Их встретила единственная из оставшихся в живых участников экспедиции жещина-эскимоска Ада Блекджек. Ее темные глаза с угрюмым укором следили за самодовольной суетой руководителей новой затеи и за размещавшимися чуть в стороне людьми ее племени.

В гурии из плоского темного камня отыскивали заявление Аллана Крауфорда двухгодичной давности о том, что эта земля находится «...под владением его величества Георга, короля Великобритании и Ирландии, доминионов в пределах морей, императора Индии и пр., и пр., и пр. ...» В те времена подарки от первооткрывателей были в Англии еще модными.

Но на этот раз Англия «подарок» принять не решилась...

Изучение Острова началось в 1924 году, когда его посетила на ледоколе «Красный Октябрь» первая советская гидрографическая экспедиция под руководством Б. В. Давыдова. А еще через два года в бухте Роджерса высадилась зимовочная группа советского первопроходца арктических земель Георгия Алексеевича Ушакова.

И вновь, как века и тысячелетия назад, Остров стал обитаем.

У каждого из шестидесяти человек, высадившихся девятого августа 1926 года на песчаной косе тихой бухты, был свой путь к Острову. Но пути эскимосов из Чаплино и Сиреников, русских людей из дальних уголков России сошлись на краю земли в одной малой точке — так бывает, когда людей зовет общая цель. Они видели ее в необходимости прекратить попытки иноземных «первооткрывателей» прибрать к рукам остров Врангеля.

Семьями заселяли Остров эскимосы. Старый Йерок с пятью дочерьми, молодой Тайян с матерью Инкали, женой и сестрами, Кивьяна с семьей, одинокий Нноко, сорокалетний Тагью с семьей и престарелой матерью, Еттуи — брат Тагью, Кмо — брат Тагью и Еттуи, большая семья Аналькука, Аньялик с братьями-подростками. С ними были учитель Павлов, врач Савенко, охотник-промысловик Скурихин, умылык-начальник Острова Ушаков. Шестьдесят первопоселенцев арктического Острова за Студеным морем.

...И минуло шестьдесят лет.

Мне повезло в знакомстве с людьми, знающими, каким был Остров полвека и четверть века назад, я работал с теми, кто начинал организовывать заповедник. От них пытаюсь понять, отчего эта холодная земля заставляет искать встречи с ней. А путь к Острову ни для кого из них не был легок.

В канун своего восьмидесятилетия Леонид Васильевич Громов прилетал на Остров. Я находился на пике Тундровом (по нашим заповедным дорогам около ста километров от села Ушаковского), но контрольная радиосвязь была заранее назначена, и где-то через час после его прилета состоялся наш первый разговор.

— До последнего дня не верил в появление Мамонта на нашем Острове,— сказал я Леониду Васильевичу после взаимных приветствий.— Ну что ж, отдыхайте с дороги, знакомьтесь с людьми, а завтра я выезжаю из тундры.

Вспомнилась наша последняя встреча в московской квартире одного из бывших островитян. Слегка возбужденный от быстрого подъема по лестницам на четвертый этаж, Мамонт широким шагом прошагал через комнаты, поздоровался со всеми крепким мужицким рукопожатием, после чего удобно сел на стул, положив ногу на ногу, всем своим видом давая понять, что он заинтересован и примет участие в разговоре, прерванном его приходом, но не хочет, чтобы тему сменили «под него». Природа выдала ему полной мерой от мужика и от интеллигента: крепкая широкая кость, жилистые сильные руки, походка человека, не привыкшего ходить по асфальту,— и деликатность, образованность, склонность к высоким порывам. О многом мы успели с ним тогда поговорить, и я понял, что такой, какой он есть,— Громов очень нужен сегодняшним островитянам. Я совсем забыл о его возрасте и предложил повторить свой путь к Острову.

Предложение он воспринял с мальчишечьим азартом.

— Врачи меня выпускают,— повторял он,— я у них на хощем счету. Да, да, нужно еще раз увидеть Остров. Как я это сам не дошел до такой мысли. Труднее будет убедить жену...

Он нервничал. Я слабовольно подумывал о своем бестактном предложении человеку, которому уже восемьдесят лет...

И вот с путевкой республиканского общества «Знание» Леонид Васильевич Громов на Острове.

Слышу его бодрый голос:

— Я тут с твоими заместителями нашел общий язык. Ребята самостоятельные, так что готовят для меня вездеход, обещают через несколько часов выезд в твою сторону.

С волнением ждал я вездеход на пике Тундровом.

В богатой биографии Громова Остров не затерялся среди других, быть может, более впечатляющих этапов жизни. Одна

из неразгаданных тайн Арктики — ее притягательная сила воздействия на человека.

Русский паренек из Симбирска после окончания трех классов церковно-приходской школы начал самостоятельный жизненный путь рабочим по укреплению волжского моста. В 1921 году шестнадцатилетний подросток работает сотрудником по поручениям особого отдела Губчека Симбирского управления. Через рабфак его путь учебы продолжен в Московской горной академии, после окончания — аспирантура. Практическая работа в Восточной Сибири была для него успешной: начальнику Восточно-Забайкальской поисково-разведочной экспедиции Л. В. Громову принадлежит приоритет открытия Шахтоминского молибденового месторождения. Он успевает отработать в течение двух лет на Северном Кавказе и в 1935 году получает направление на арктический Остров.

Леонид Васильевич вспоминал:

— Мы подошли к Острову на ледоколе «Красин». Пока в бухте Роджерса шла разгрузка угля, оборудования для полярной станции, продуктов и промышленных товаров местному населению, я обратился к начальнику Острова Жимоленкову — доброму и скромному человеку, которого никто иначе как Душенька и не называл, — с просьбой высадить меня с помощью ледокола в районе мыса Уэринг. Душенька пробовал отговорить меня от работы в одиночку, но быстро уступил и даже договорился обо всем с капитаном ледокола.

Задача, которая стояла перед Громовым, заключалась в ознакомлении с геологией Острова и составлении детальной его карты. На это ему потребовалось три полевых сезона. Работал в одиночку, иногда помогали местные жители Тайян, Анакуль, Попов. В зимы приходилось устраивать в приметных местах продуктовые базы, и как только наступало время таяния снегов, геолог уходил до глубокой осени в тундру.

Начало 1938 года Громов посвятил обработке полевых материалов, но работу пришлось прервать, так как приказом начальника Севморпути О. Ю. Шмидта он был назначен зам. начальника — главным инженером горногеологического главка Севморпути. Это не входило в планы Л. В. Громова. Он настаивает на продолжении геологического исследования осколка Берингии (он первым охарактеризовал так арктический Остров), просит перевести его для этого в Арктический институт. Только на четвертом заявлении поставил свою визу сменивший О. Ю. Шмидта на должности начальника Севморпути Иван Дмитриевич Папанин.

Снова путь к Острову. Громов возвращается к нему в должности начальника экспедиции и заместителя начальника Острова. Только за год до начала войны — уже в Москве — приступает Леонид Васильевич к камеральной обработке богатейшего материала.

В первый день войны Громов, как мне он сам рассказывал, подал в несколько инстанций заявления отправить его на фронт, а 5 июля ему предложили спецзадание и дали на раздумье один день. Так на Смоленщине появился начальник штаба сводной партизанской группы (позднее — соединения) капитан Васильич. Рядом с партизанами воевали конники прославленного Доватора. Именно по его приказу в феврале 1942 года вынесли в тыл тяжело раненного Васильича. После лечения в госпитале Громов возвращается на Смоленщину, участвует в боевых операциях против эсэсовской экспедиции «Желтый слон». Когда состояние здоровья его резко ухудшается, Громова направляют в мотострелковую бригаду КГБ. В конце 1943 года Громов возвращается в Севморпуть...

Бухта Роджерса. Село Ушаковское

С 1944 года Л. В. Громов назначается главным геологом треста Арктикразведка, а через четыре года уходит на научную работу в Совет по изучению производительных сил при Академии наук СССР. Там же он «между делом» защищает диссертацию.

В течение трех лет — с 1952 по 1955 год — он командировается в Чехословакию главным геологом заграничных предприятий. С 1960 года работает в Госэкономсовете (преобразован в 1963 году в Госплан СССР) главным специалистом.

В год организации Института экономики минерального сырья и геологоразведочных работ Громов принимает должность заместителя директора-организатора, с выходом на пенсию переходит здесь же в отдел территориальных проблем экономики минерального сырья и за полгода до нашей встречи старшим инженером-консультантом.

Жизнь персонального пенсионера по-прежнему заполнена работой, и нет у этого человека того налета усталости, который порою покрывает и душу, и тело сорокалетнего «юнца»...

За неделю, что провел Леонид Васильевич на Острове, мы побывали во многих его уголках. Старый геолог был неприхотлив, как эскимос, в пище и сне, не знал усталости и часто, когда кабина вездехода становилась ему как бы тесной, широким шагом уходил за излучину реки или поднимался на вершину безымянной сопки. Холодными уже июльскими ночами мы просиживали на свежем воздухе, наблюдая, как большое оранжевое солнце прижималось к голубым кочующим льдам холодного моря и медленно поднималось, бледнея красками и разгораясь. Ему было что вспомнить. Горы Мамонтовые: «В мое время географических названий в центральной части Острова почти еще не было. Остановился я однажды у этих тор, залитых розовым светом, и так они представились похожими на стадо мамонтов. Записал в полевом дневнике, а потом и река получила от них свое название».

Давая имя, человек одушевляет окружающие его творения природы. В именах остается частица характера «крестного», его взгляда на окружающий мир. Более пятидесяти географических названий принадлежат геологу Громову, они просты, звучны и дополняют красоту и своеобразие осколка Берингии. Реки Лавинная, Бурная, Насшок (эскимосское женское имя), Медвежья, Красный Флаг; горы Кит, Туманная, Осьминог, Три Друга, Советская, Перкаткун (по-эскимосски значит: Гребенчатая гора); ручьи Веселый, Выючный, Хрустальный...

Река Тундровая: «В те давние времена мы охотились на белого гуся. Охота не носила спортивного характера, была необходимостью. Кто же тогда мог предполагать, что через несколько десятилетий человек будет так безжалостно уничтожать все живое на этом Острове, будто задавшись целью оставить после себя белое безмолвие! Только не стройте иллюзий, что у островитян шестидесятих годов не хватало экологической культуры и образования. Просто Арктика стала легкодоступной для тех, кто так и настраивался на «легкую» жизнь, не обременяя себя сомнениями в пользе своего пребывания на этой земле, не задумываясь о ее будущем».

Мыс Блоссом: «У первопоселенцев западная часть Острова имела дурную славу. Часто здесь умирали дети и женщины, так что одно время никто не хотел поселяться на мысе Блоссом.

Эскимосы считали, что это дело рук завистливого шамана Аналькука. Вот там у первого ручья похоронены Палькинтану и дочь Кивьяна — Кайныиа. В бухте Предательской похоронены Тагью и его дочь Кивуткак. По обычаю предков тела умерших не закапывали в землю».

Я слушаю Леонида Васильевича, поражаюсь его памяти и объясняю:

— Мы знаем места захоронений, и они святы для нас.

Мыс Фома: «Однажды на южном склоне горы Томас обнаружил Кивьяна остатки древнего стойбища и рассказал мне о своей находке. На том месте нашли мы бусины, гарпуны, копьё, остатки стен жилища из плавника. Возраст стоянки, по моему представлению, два-три столетия. Не следы ли то загадочных онкилонов? Найденные предметы я передал в ведомственный музей, но за годы войны они затерялись, лежат где-то в запасниках.

Частые туманы над западным побережьем помешали нам пройти под склонами горы Томас. Да мы и не горевали, доверяя тайну вечной мерзлоте, умеющей сохранять следы прошлых времен лучше самого человека».

Гора Перкаткуи: «Здесь был найден горный хрусталь, так необходимый в те годы нашей промышленности. О солнечном камне мне рассказали эскимосы, но обследовал я Центральные горы только в 1936 году. Встретились тогда и не менее интересные находки...».

Богат осколок Берингии, как и вся Чукотская земля, тайниками — в подземных кладовых, зверем — на суше и море, птицей — в небе. Только бы беречь да беречь их, не растрачивать. Заповедали осколок Берингии, заказали ему быть эталоном Чукотской земли — значит, споткнулся человек и на Крайнем Севере о следы разрушительной своей деятельности, понял, что Арктика не беспредельно богата и щедра.

Итак, гора Перкаткун: «С трудом узнаю эту гору. Хрустальные друзья лежали на поверхности, ослепляя подошедшего к ней человека. Мне рассказывали, как кирками и ломami выворачивали люди гору, растаскивая ее по кускам...»

Уж не сожалел ли старый геолог, что когда-то открыл месторождение горного хрусталя?!

Инкали. Гора Инкали. При первом нашем знакомстве Леонид Васильевич рассказал об эскимоске Инкали, умевшей нянчить и ребенка, и старейшину своего племени, и приехавшего из далеких краев русского человека. Теперь, проезжая по старой совхозной дороге в центральную часть Острова, он попросил водителя остановить вездеход и заспешил к подножию горы Инкали:

— Здравствуй, Гора-Женщина!

Мы поднялись по ее щебнистому склону на плоскую вершину, откуда были видны долины рек, тяжелые складки Центральных

гор и два моря за северным побережьем, и, узнавая прихоронившую к нему во снах картину, старый геолог долго стоял неподвижно, а потом, поспрашившись с камнем, как с живым, сказал мне:

— В тяжелую минуту Инкали и сейчас может помочь добрым советом, только голос ее смешался с шумом ветра и не каждый разберет слова...

В переполненном сельском клубе островитяне провожали Леонида Васильевича Громова. Он вспоминал довоенные годы, людей, чей путь на Остров давно закончился, но не пропал бесследно, думал вслух о сегодняшнем дне арктической земли.

Мы прощались у вертолета.

Подошла Мария Степановна Попова, которая девочкой-подростком проделала со своими родителями путь к Острову на том же ледоколе «Красин» в том же 1935 году.

— До свиданья, ататай! — сказала она Громову. — Может быть, увидимся еще раз...

Вертолет оторвался от земли, и внуки Марии Степановны сильно махали руками и громко кричали: «До свиданья, ататай! До свиданья, дядя!»

Полвека не прерывался путь Мамонта к Острову и продлится до тех времен, пока островитяне будут помнить историю своей земли...

В первые послевоенные годы Острову требовались охотники и оленеводы. Колхозное хозяйство быстро укреплялось: опытный специалист Тымклин завез племенное поголовье северных оленей, рядом с селом организовывалась ферма по разведению клеточной пушнины. С материкового поселка Рыркайпий некоторые семьи решились переехать в село Ушаковское, но чукча Ульвелькот о переезде не задумывался — он был известным по северному побережью охотником, а зверя там хватало в те годы на всех.

Его путь к Острову был неожиданным и тяжелым. Смолоду отличался Ульвелькот силой, здоровьем и сноровкой. Расставленные им по побережью пасти-ловушки не обходил белый песец стороною, пуля, выпущенная из карабина в хищного зверя, укладывала его наповал, брошенный с легкой байдары гарпун не проскальзывал мимо цели. По всему побережью, если и было несколько таких же как у него упряжек, вряд ли кто мог выиграть гонки — так мастерски он управлял ездовыми собаками.

Его знали и на Острове, который лежал за проливом Лонга.

— У нас столько птицы и зверя, что даже самый ленивый охотник не остается без добычи, — говорил Ульвелькоту начальник Острова в надежде разжечь его интерес. Такой человек был бы полезен островитянам.

Ульвелькот, посмеиваясь, отвечал:

— Мне нравится на мысе Северном. Боюсь, на твоём Острове стану ленивым охотником. Не поеду.

Но вскоре он подчинился знаку судьбы, указавшему ему путь к Острову.

В ноябрьскую морозную погоду Ульвелькот ушел по молодому льду за зверем. Лед оторвало от тонкой полосы припая, и произошло то, что случалось во все времена с жителями арктического побережья — человек оказался один на один с Арктикой.

Ульвелькот говорил мне, что Она очень похожа нравом на ревнивую женщину, гнев и милость которой пугают одинаково. И я понимал его, представляя пустынные ледяные поля и одинокого человека, затерявшегося в мире пронизывающего холода, не отпускавшего его ни тогда, когда Великая Женщина раздувала шальные ветры и разрывала под ним ледяные глыбы, ни тогда, когда Она ласкала его жестким дыханием серых туманов.

— Она отняла даже тепло у нерпы, которую я добыл на шестой день своего пути по льдам,—говорил Ульвелькот доверительно, убедившись, что я его слушаю — и сопереживаю.

Путь по льдам. Он шел, почти не останавливаясь, а за его спиной ломало и крошило лед течением и ветрами. Спасение, пусть на недолгий срок, можно найти только на старых стамах. С льдины на льдину он уходил все дальше от побережья.

Первые два дня он видел людей на берегу и они его видели, но помочь было не в их силах. Пришедший в движение лед у кромки земли ненадежен и гибелен. Говорили старики, что, не найдя пути к берегу, нужно уходить далеко в море. Трудно было уходить на глазах у людей.

На третий день Ульвелькот взобрался на большую серую стамуху и попытался укрыться от пронизывающего ветра. Низко над морем стелилась поземка, а выше белой пелены темнели вершины далеких гор, прятая за собой оранжевый диск солнца.

Вскоре полярная ночь поглотила льды и землю, начался шторм. Человек, прижавшись к вздрагивающему телу большой льдины, напрасно ждал рассвета: отраженный от горных вершин солнечный луч так и не пробился сквозь густую мглу. Где-то солнце еще дважды освещало землю и дважды уходило на покой, а он, как житель подземного царства, не видел света. Ульвелькот быстро отвыкал от него, дремал с широко открытыми глазами, и весь мир казался ему погруженным во мрак.

Мысли не терзали молодого чукчу, а вяло переходили от представлений о близком конце жизни к тем далеким и родным людям, которых он оставил на побережье. Он точно помнил, что ни утром злосчастливого дня, ни накануне не получал

знака судьбы. Старики говорят, что без этого не бывает смерти. Значит, нужно ждать.

В полудреме Ульвелькот уловил, что порывы ветра стали более резкими, с частой сменой направлений. Пурга выдыхалась, и ветер метался из стороны в сторону, как загнанный зверь. Вскоре ветер утих. Снежная пыль растворилась в море продолжавшем греметь битым льдом. Ледяные поля превратились в мелкое крошево, и среди серой массы морского покрывала проплывал целый караван сорвавшихся с места ста-мух. Небо очистилось, усилился мороз, высоко над головой растеклись с востока на запад всполохи яркого северного сияния.

Тот, кто вырос под северным сиянием, знает, что оно — живая ткань арктической ночи. Человек смотрит в небо и среди ярких звезд находит отражение или начало самого себя в великом Космосе. Какие письма посылает неведомая рука земным людям? Только на языке древней полузабытой песни северного народа можно передать содержание тайны, заложенной в ярких знаках Природы...

Ульвелькот искал глазами землю. Направление ветра, движение льдов он всегда улавливал безошибочно. Для этого ему не нужно было наблюдать или высчитывать что-то, он был частицей окружающего его мира. Ульвелькот не мог ошибиться, но земля находилась в противоположной, как ему показалось, стороне, на другом краю горизонта.

«Это тот северный Остров, где самый ленивый охотник не остается без богатой добычи,— догадался он.— Если море меня отпустит, я уеду на землю, которая подает знак»,— думал охотник, вглядываясь в неясные силуэты далеких горных массивов.

Вот тогда и всплыла у края льдины нерпа. Ульвелькот долго целился, слишком долго. Он заставил себя опустить карабин, быстро поднял стволы и навскидку выстрелил. Ноздри его раздувались, стывшее тело плохо слушалось, и он с большим трудом подполз к краю льдины и вытащил убитого зверя. Нерпа была холодна, как лед, как вода в море, а может быть, руки не чувствовали тепла...

«Верно, я уже успел уйти к верхним людям, где нет земного тепла»,— думал Ульвелькот, с трудом разделявая нерпу.

Ему припомнилось, как люди кричали на берегу, выкликая его имя, заклиная море вернуть человека на побережье. «Быть может, уже тогда водяной человек колдовал надо мною? Эта нерпа слишком холодна, хоть я только что видел ее ловкие движения. Но если сам мимликиморавитлян — водяной человек — так старается причинить мне зло, значит, я живу еще на этом свете».

Мысли путались в голове Ульвелькота, а руки тяжело, но привычно разделявали нерпу на куски. Поколебавшись, охот-

ник решил отрезать тоненький кусочек печени и положить в пересоший рот. Он не почувствовал тепла, но ощутил запах крови.

Так и не определив окончательно свое место во вселенском мире, Ульвелькот решил при первой возможности продвигаться к той земле, которая виднелась ему за морем, или к любой другой, предоставленной случаем, судьбой, а быть может, и сверхъестественной силой. Движение — самое естественное состояние всего живого в любом мире.

Медленно успокаивалось море. Все чаще проплывали мимо большие плоские льдины, отесняя мелко раскрошенный штормовым морем лед; повинуясь скрытой силе течений и прошумевших ветров, они спешили залатать продырявленный участок моря. Ульвелькот перешел на одну из проплывающих льдин.

Флаг Острова

Больше недели за густым туманом он не видел земли. Перебираясь с одной льдины на другую, он провалился по пояс в воду, утопил карабин, но нашел в себе силы подняться, разрезать ножом торбаса, слить воду и продолжать движение.

При лунном свете в просветах тумана он увидел однажды матовую полоску сплошного льда, за которой была земля...

Охотник Чайвын подобрал человека, бредущего по побережью в сторону мыса Северного. Он не признал знакомого ему

промысловика-охотника, но завернул его в теплые шкуры и отвез на собачьей упряжке в свою ярангу. Человек бредил, метался во сне и не называл своего имени. Его отпаивали теплой кровью молодого оленя, топленным нерпичьим жиром, но он неохотно проглатывал жидкую пищу, рассказывая, как она холодна и стынет на губах.

Медленно возвращалось к нему ощущение теплоты вещей и собственного тела, медленно заживало обмороженное лицо, обнажая глубокие морщины, каких у него не было раньше. Когда люди узнали, кто этот человек, в юрту Чайвына приехали родственники и друзья Ульвелькота. Они пытались рассказать ему о путешествии во льдах, но он говорил с ними так, как будто перед ним были «верхние люди». Он вспоминал вслух своих детей, жену, дальних и близких родственников, друзей, говорил о холодной нерпе и водяном человеке мимликиморавитляне, отказывался признать себя живым и возвратиться в село Рыркайпий.

В середине зимы друзья пригнали к нему упряжку, и он узнал своих собак и стал собираться в дорогу. Вместе с женой, которая неотлучно находилась с ним в чужой яранге, он благополучно добрался на нартах до Рыркайпия, проведая в интернате детей и объявил всем, что переезжает на Остров. В маленький самолет вместились все пожитки чукчи-охотника — вместе с нартами и собаками. Никто его не отговаривал, многие сомневались: уж не от «верхних ли людей» возвратился к ним Ульвелькот. И даже старый Нунук, член сельского Совета и коммунист, не раз заявлявший, что он не верит в нечистую силу, молча и с облегчением провожал Ульвелькота...

Я застал Ивана Петровича Ульвелькота пожилым, еще крепким и здоровым человеком. Он жил с женой тетей Клюк Б бухте Сомнительной. Когда на Острове был организован государственный заповедник, Иван Петрович перешел на работу егерем. Трудно найти даже среди коренных северян человека, который был бы так приспособлен к суровым условиям Арктики, как Ульвелькот. Он учил нас не противостоять, но подчиняться Ее законам, только в этом он и видел подлинную силу человека. Он хорошо понимал и людей, в чем я убедился при разрешении одной конфликтной ситуации в первые месяцы своего пребывания на Острове.

При организации заповедника руководство Главохоты РСФСР опасалось задеть интересы коренных жителей полным запретом охотничьего промысла на заповедной земле. Предполагалось сделать это поэтапно, давая возможность промысловикам-охотникам переквалифицироваться, а потому ограниченный промысел песка именно для этой категории островитян в течение пяти лет был санкционирован «сверху».

При существующем в те годы большом спросе на пушнину и баснословных ценах на нее на «черном рынке» поло-

жением воспользовались пришлые люди. Освобожденный от выполнения плана добычи и сдачи государству определенного количества шкурок песца, промысловик попадал в тенёта вольного скупщика, который не гнушался при случае и спаивать водкой бесхитростного поставщика. Если в год организации заповедника государству (по старой памяти) было сдано 100 песцовых шкурок, то через пять лет всего... 12.

Мне пытались объяснить, что, мол, чукча пошел не тот не хочет он охотой заниматься, поэтому и добывает песца мало. Однако на предложение осуществить полный запрет промысла, установив на Острове заповедность и выполнив тем самым Постановление Совета Министров РСФСР об изъятии заповедной земли из хозяйственного пользования, я выслушал много намеков на то, что лучше оставить все как есть: как бы не вызвать недовольства коренного населения. Тогда-то я и решил посоветоваться с бывшими промысловиками-охотниками. Тем, кто очень жаждал настоящей охоты, я обещал по предварительной договоренности с совхозом «Пионер» промысловые участки на Чукотском побережье и ежегодную помощь авиатранспортом со стороны заповедника.

Все молчали и не смотрели друг другу в глаза...

И Ульвелькот сказал свое слово. Что ему стыдно за себя, а каждому из его товарищей стыдно за собственные поступки. Ничего другого не сказал охотник, лишь повторил это раз, другой и третий. Глаза его при каждом повторении добрели, успокаивая всех, кто смотрел на него. И промысловики единогласно проголосовали за полный запрет промысла песца на заповедном Острове...

Труден путь Ивана Петровича Ульвелькота к Острову. И по Острову путь был тяжким — от охотника-промысловика до хранителя заповедной земли. Да он и не искал легких...

Как приходят люди к современному Острову?

Берусь утверждать, что по-прежнему, как века и десятилетия назад, нелегка и терниста их дорога.

Зачем приходят люди к Острову?

В трудный час жизни мы ищем опору в людях, в памяти о тех, чье время на этой Земле истекло. По речке Хрустальной поднимаюсь я к склонам горы Инкали.

— Здравствуй, Гора-Женщина! Научи...

Шумит ветер, устремляясь к вершине, и с затихающим звоном скатывается к широкой долине.

«Учись понимать язык птицы и зверя, цветка и камня, тогда ты поймешь свое дело и исполнишь его. Но помни, что *без людей нет и Заповеди, Дикая Природа слепа и глуха без человека...*»

Порывы ветра стихают, слышно журчание ручьев, сбегających со склонов горы Инкали к речке Хрустальной.

Семь лет назад я впервые подошел к горе Инкали, изумленный ее величиной, чистотой и голубизной неба над вершинами Центральных гор, сказочностью каменных останцев Перкаткуна, и поверил в легенду о старой эскимоске, знающей Заповеди — тайны живой и неживой Природы. Они не дают мне покоя и сейчас, в их разгадке я мечтаю найти смысл и назначение своего пути к Острову. За годы жизни на нем я исходил его пешком, объездил на вездеходах и снегоходах, осмотрел все его уголки с воздуха. Из села Ушаковского спешил в тундру, наблюдая за жизнью Дикой Природы, а возвращаясь к людям, видел их и себя в ином свете, задумываясь над вечной загадкой единства всего живого на нашей Земле.

КРУГ ЖИЗНИ

Над Островом проносятся злые метели, в короткое полярное лето закрывают его густые холодные туманы, но нет на этой земле «белого безмолвия» — мир человека и Дикой Природы завоевал и здесь нелегкое право на жизнь.

Когда солнце месяцами не поднимается над линией горизонта — снежная пурга шлифует серые вершины Центральных гор, пропихивает в плотных снегах на равнине острые заступы, засыпает под крыши человеческое жилье. Кажется все живое должно уступить безжалостной стихии, отказаться от своих притязаний на промерзший осколок арктической земли. Уступить — или погибнуть...

Но в редкое затишье под всполохами северного сияния можно увидеть стада оленей и бледные тени песцов. Где-то за горами Безымянными остановились на отдых новоселы Острова овцебыки, а по льду бухты Роджерса у села Ушаковского деловито прошагал белый медведь-одиночка.

Ученые склонны были отнести территорию Острова к зоне арктических пустынь, но изучение растительности выявило такое богатство видов и форм, что приговор смягчили и в научной литературе теперь именуют ее подобластью арктических тундр. От этого, конечно, нисколько не стало теплее, растительное царство прячется в полярную ночь под снежным покрывалом, чутко дремлет в ожидании солнечного луча и короткого арктического лета.

С приходом солнца Остров утопает в красках — сторицей восполняет многоцветный мир то, что недодал Острову зимой. Извилины речных берегов, глянцевые торосы в мелководных лагунах, легкие облака над вершинами гор впитывают, преломляют и отражают розовые и голубые цвета всех оттенков, Разве что взглянув на Землю из космоса, человек познал подобную игру красок.

Март — преддверие весны. Песцы еще не меняют теплые белые шубки на летние — легкие и пестрые, но уже держатся парами, часто навевываются к прошлогодним норам: охраняют их, и в тихую погоду далеко слышен их скрипучий лай, Метели по-прежнему суровы, но уже не так продолжительны. В затишье между ними обнаруживается вдруг масса медвежьих следов. Отпечатки крупные, каждый с суповую тарелку величиной, а рядом мелкие следочки. Медведицы-мамаши о

подросшими в берлогах медвежатами покидают «родильный дом» и уходят странствовать по морскому льду. Несколько опережая весну, у человеческого жилья появляются голосистые пуночки, над горой Замковой у мыса Уэринг с тоскливым криком кружит одинокий ворон, у Почтовой сопки мелькнет и бесшумно растворится на фоне снежных склонов белая сова. Солнце не может еще по-настоящему согреть, а промерзшая земля накормит первых посланцев Великого птичьего перелета. Многие из них погибнут, но всегда кто-то должен, как и в любом важном деле, сделать первый шаг, первый взмах крылом...

За тысячи километров южнее земля парит от избытка тепла и влаги, сеятель бросил зерно в землю и ждет дружных всходов. И вот тогда, минуя ласковый край, поплывут высоко в звездном небе в сторону холодного Севера стаи птиц. Они спешат с берегов далекой Австралии, из Южной Азии и Америки. Сотни тысяч птиц принесут на Остров частицу южного тепла, звонкие голоса и извечное стремление к жизни. Так на Остров приходит настоящая весна.

Слишком мало времени отведено птицам, чтобы вывести потомство и поставить его на крыло, а потому брачные игры если и не запрещены, то проходят в «деловом» тоне, не отвлекая семейные пары от основного занятия.

По-хозяйски обосновываются в речных долинах белые совы. Участок, занятый таким семейством, далеко обходят стороной крупные специалисты по разорению птичьих кладок — песцы. Здесь же пристраивается под надежной охраной всякая мелкая пичуга, зарождаются и растут колонии белого гуся.

Поморник — птица самостоятельная. Расселяются поморники по всей тундре поближе к лемминговым норам, чтоб не тратить лишнее время на поиски пищи. Умеют они защитить гнездо свое и при случае разорить чужое даже у более крупной птицы.

Веками создавались птичьи базары на отвесных скалах западного и восточного побережий Острова. Выше той черты, которой достигают морские волны в час непогоды, самый малый карниз или трещина заняты птицами. Гнездо моевки рядом с гнездом кайры, гнездо баклана над гнездом чистика... Несмолкаемый шум, свист, хохот и стон нависают над темными скалами. Да разве может что-то толковое получиться в этом разноязычном мире «вавилонского столпотворения»?! Но из хаоса живая природа рождает порядок: пройдет время — птенцы-слетки коснутся трепещущими крыльями морской волны. И взрослые птицы уведут птенцов от Острова.

Самые тихие жители Острова — кустарники и травы, но без них арктическая земля превратилась бы в белое безмолвие. Их жизнь нужна птице и зверю, а красота — человеку.

Зеленеет на галечнике ивка круглолистная, кусты остро-лодочника врангелевского зелены и украшены фиолетовыми и малиновыми цветами, нежно-желтый цвет лапчатки, бордовый — полыни северной, малиновые цветы кастиллеи изящной, коричневые шапочки лисохвоста альпийского и маки, маки, желтые маки арктического Острова...

Но коротко лето в Арктике. Только что красочное разнотравье теснило на склонах сопок медленно стаивающие снежники, как вдруг тундра становится серой. Солнце все дольше прячется за косой Муштакова в холодном море, северный ветер прижимает к вершинам гор наполненные снежным дыханием облака. И однажды тревожные крики белых гусей подскажут приближение арктических холодов.

«Кланг-кланг», — прощаются птицы с Островом.

Щенок песца еще не решается отойти от норы

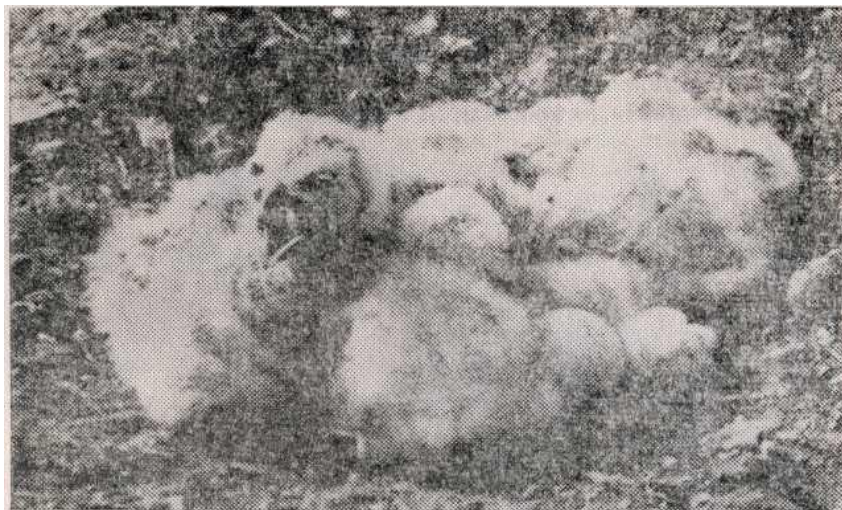
Белые гуси улетают в далекую Калифорнию, где розовые долины и горы Сьерра-Невада будут напоминать им короткое лето их северной родины.

«Кланг-кланг», — мы обязательно вернемся...

Остров затихает в ожидании первой метели. Ночью по тонкому льду бухты пройдет молодая медведица и, не обращая внимания на огни маленького поселения людей, устроит под крутым берегом реки Нашей снежную хижину. Под завывание злых ветров вскормит она материнским молоком медвежат и однажды, в преддверии новой весны, поведет их к морю.

Было время, когда люди старались как можно полнее освоить Остров. Промысловики-охотники расселялись по всему южному и северному побережью. Когда развилось оленеводство, пастухи кочевали в центральной части Острова. И не было на этой земле места, где бы животные чувствовали себя в полной безопасности от человека.

После организации Государственного заповедника жизнь Острова резко изменилась. Ради сохранения уникального природного комплекса человек освободил от своего присутствия

Вот такими появляются на свет птенцы полярной совы

всю территорию, оставив для себя крохотные земельные участки села Ушаковского и бухты Сомнительной. Казалось бы, его собственный «круг жизни», сомкнутый до физического предела, должен был раздавить его или так обеднить существование, что сама идея заповедника не оправдала бы такой жертвы.

Но оказалось, что, ограничив себя территориально, создав условия Дикой Природе для естественного ее развития, человек возвратился к ней как осторожный наблюдатель и хранитель ее, обогащенный более высоким уровнем отношений с окружающим миром. Заповедная земля требует много, но неизмеримо больше она отдает человеку.

В нашей стране более ста сорока заповедников. Их можно называть научно-исследовательскими учреждениями, природными лабораториями, банками генетического фонда, эталонами природы, новыми ковчегами, но в народе часто говорят так: жемчужина Зауралья... жемчужина Казахстана... Белая жемчужина Арктики...

В старину верили в таинственную связь между жемчугом и его владельцем, считалось, что по изменению блеска жемчужины можно предсказать состояние здоровья человека. И вот что интересно: сравнение заповедного природного комплекса с драгоценным перлом оказалось куда более глубоким, чем некоторые искусственно рожденные научные определения. По состоянию заповедной территории можно судить об общем здоровье нашей планеты, предсказывать уровень опасной черты природопользования, перешагнув который, человечество поставит под сомнение собственное существование,

И еще было замечено в стародавние годы: тускнеет жемчуг без человеческого тепла. Большая теплота нужна заповеднику со стороны его служителей, и тогда не потускнеет заповедная земля.

На острове живет одичавшее стадо северных оленей

«Далеко на северо-востоке в ледовитом Чукотском море лежит советский остров. И хотя природа в том краю сурова и дика, хотя почти девять месяцев в году там властвует свирепая зима, а море, омывающее землю, холодно, бурливо и даже летом покрыто плавучими льдами, остров этот поистине прекрасен! Всякий, кому посчастливится на нем побывать и поработать, полюбит и на всю жизнь запомнит эту землю неизведанную...» — так писал об Острове один из первых «президентов» его Арэф Иванович Минеев.

Из одного поколения в другое люди будут передавать заповедь отцов о святом отношении к своей земле, об уважении ко всему живому, что рождено под лучом солнца, о Великом Круге Жизни, частью которого сознает себя человек.

АРКТИЧЕСКАЯ ЗАПОВЕДЬ

23 марта 1976 года Совет Министров РСФСР принял Постановление № 189 «Об организации Государственного заповедника «Остров Врангеля» Главохоты РСФСР Магаданской области».

Земли и воды двух арктических островов Врангеля и Геральда были изъяты из хозяйственного пользования и переданы Государственному заповеднику, на который возлагались следующие задачи:

1. Обеспечение охраны территории (включая пятикилометровую охранную зону по акватории островов) со всеми имеющимися на ней природными объектами и соблюдение заповедного режима.

2. Проведение научно-исследовательских работ по программе «Летописи природы» и утвержденным самостоятельным темам силами штатных научных сотрудников и привлеченными научно-исследовательскими организациями.

3. Пропаганда основ заповедного дела, проблем охраны природы, рационального использования природных ресурсов, содействия в подготовке научных кадров по проблеме охраны окружающей среды.

За год до этого Магаданский облисполком принял предложение Чукотского окрисполкома, Шмидтовского райисполкома, Института биологических проблем Севера ДВНЦ АН СССР и комиссии Главохоты РСФСР о заповедании островов Врангеля и Геральда общей площадью 7956,5 квадратных километров и обратился с ходатайством в законодательные органы страны. И если организация некоторых заповедников затягивается на долгие годы, то судьба арктических островов была решена в очень короткий срок.

Остров Геральд до настоящего времени остается необитаемым и представляет собой зону абсолютного покоя. Мне приходилось работать экспедиционно на этом скалистом островке, встречающем первым шквальными ветры, рожденные у полюса. Там нет покоя морской и воздушной стихий, но есть покой стихии человеческого вмешательства, порою более разрушительной и жестокой...

Остров Врангеля расположен между 70°—71° северной широты и 179° западной — 177° восточной долготы, омывается водами Восточно-Сибирского и Чукотского морей и отделен от материка проливом Лонга. Около двух третей его площади

занято горными системами. Они вытянуты с запада на восток и разделены двумя долинами. Невысокие, до четырехсот метров над уровнем моря, Западное и Восточное плато окаймляют массивные Центральные горы с отдельными вершинами до одного километра (пик Берри, гора Громова, гора Высокая) с возвышающейся над ними горой Советской (1095,4 метра). На юге Острова горы подходят вплотную к береговой черте или отдаляются от нее на несколько километров; с севера равнина Тундра Академии достигает ширины в 20—25 километров. Только на северо-западе и востоке на отдельных участках

Птенец полярной совы еще нуждается в родительской заботе

темные скалы отвесно обрываются к морю. Если бы море хоть малую часть своей энергии попыталось вложить в разрушение равнин, его волны и льды давно бы уже разбивались у подножия Центральных гор. Но море там создает сушу, и жизнь песчаных кос, прикрывающих на большом протяжении равнинные участки, долговечнее, быть может, могучих скал, противоборствующих с морской стихией.

Большую часть года над Островом перемещаются массы холодного воздуха с малым содержанием влаги. Иногда их вытесняют более теплые и влажные массы тихоокеанского воздушного течения или теплые и сухие из Сибири. Характерно обилие пасмурных дней, особенно на южном побережье и в восточной части Острова.

Направление, повторяемость и скорость ветров сильно иска-

жаются под влиянием относительно сложного рельефа. На северном побережье они менее сильны, но возникают чаще, чем на южном. Зимой господствуют ветры северных румбов, обладающие большими среднемесячными и абсолютными скоростями (30—40 метров в секунду).

Количество осадков ориентировочно равняется 250 миллиметрам, но большая их часть выпадает в виде снега и сдувается сильными ветрами.

Безморозный период на побережье длится всего полмесяца, но во внутренних районах он значительно больше. Снежный покров удерживается в течение более чем 240 дней. Полярная ночь длится с 22 ноября по 22 января, а полярный день с 19 мая по 26 июля.

Гидрографическая сеть Острова состоит из 1047 рек и ручьев длиной более одного километра и множества более мелких притоков. Около 900 озер общей площадью до 80 квадратных километров располагаются преимущественно в Тундре Академии.

Территория Острова относится к подобласти арктических тундр. Близость к двум материкам, особенности климата, рельефа и истории развития «осколка Берингии» обусловили богатство и своеобразие его растительного и животного мира. На Острове произрастает более четырехсот видов высших растений, обитает четырнадцать видов млекопитающих, отмечено более ста пятидесяти видов птиц. Некоторые виды растений и животных занесены в Красные книги СССР, РСФСР и международную Красную книгу.

С первых лет освоения Острова начали накапливаться метеорологические данные. Полярная станция, расположенная на внутренней песчаной косе бухты Роджерса, в 1986 году отметила свое шестидесятилетие. Отдельные сведения о промысловых животных, растительности дошли до наших дней по наблюдениям первых начальников Острова Г. А. Ушакова и А. И. Минеева.

В 1938 году здесь работала комплексная экспедиция Академии наук СССР, исследовавшая геологическое строение и рельеф, почвенный покров, вечную мерзлоту, растительный и животных мир, бактериальное население, а также занимавшаяся некоторыми вопросами анатомии морских промысловых животных. В последующие годы исследования проводили ученые Ботанического и Зоологического институтов АН СССР, Института эволюционной морфологии и экологии животных имени Северцева, ВНИИ природы МСХ СССР, ЦНИЛ Главохоты РСФСР, Института биологических проблем Севера ДВНЦ АН СССР и других учреждений. Многолетние исследования по инвентаризации флоры и фауны, экологии отдельных видов животных и растений выявили состояние редких и исчезающих видов, воздействие на них деятельности человека, дали воз-

возможность выработать стратегию их сохранения и восстановления.

Организация Государственного заповедника позволила приступить к планомерному стационарному изучению основных компонентов природного комплекса. Проблема разработки научных основ сохранения и воспроизводства природных ресурсов в условиях островных арктических экосистем решается путем изучения сезонной и разнородной динамики биогеоценозов и отдельных компонентов природы в рамках «Летописи природы». Особое значение приобретают многолетние стационарные

Не каждый год выходят моржи на лежбище

наблюдения на ключевых участках, позволяющие выявлять как быстротекущие процессы, так и процессы с долгосрочными периодами колебаний или определенной направленности. Развитие научно-исследовательской деятельности коллектива Государственного заповедника совместно с привлеченными заинтересованными организациями, комплексное изучение островной экосистемы даст возможность оценить современное состояние природного комплекса, развивающегося как единый целостный организм в относительно естественных условиях без вмешательства человека. Полученные результаты смогут быть использованы для проведения необходимых биотехнических мероприятий (в случае действительной необходи-

мости) на самом Острове и для рекомендаций принципов природопользования на Северной Чукотке.

Каждый заповедник начинается с «Летописи природы». Конечно, люди должны заниматься внутрихозяйственными вопросами на центральной усадьбе, строить зимовья и кордоны на заповедной территории, осуществлять охрану, глубоко изучать экологию, поведение, социальную структуру отдельных видов животных, ездить по командировкам за строительными материалами и запасными частями к технике, составлять отчеты, выступать или молча отсиживаться на собраниях, совещаниях, симпозиумах, растить и воспитывать детей... Но главное, чем заняты все без исключения работники заповедника, заключается в составлении ежегодного тома «Летописи». Этот документ отражает самую суть заповедания определенной территории, смысл ее изъятия из хозяйственного пользования, результат деятельности всего коллектива заповедника.

Главный герой «Летописи» — Дикая Природа. Мы очень мало знаем о ней. Каждое поколение людей подбирало ключи к ее тайнам, открывало действующие в ней законы, но только самую малость из найденного, лежащего на поверхности и имеющего в основном практическое значение при ее эксплуатации, передавало своим потомкам. Со временем то малое, что передавалось по «эстафете», по мере кажущейся ненужности забывалось или извращалось до неузнаваемости.

Чем же иным можно объяснить господствовавшие еще в середине нынешнего просвещенного века представления о «вредных» и «полезных» животных, когда древнему миру была известна гармония Природы? Утеряны и недоступны людям последних тысячелетий тайны одомашнивания диких животных, которыми владел древний человек. Или такой парадоксальный пример. Подавляющее большинство исчезнувших за последние столетия видов животных не оттого «покинули» нашу Землю, что места им не нашлось и что человек сознательно и планомерно шел на уничтожение обреченных видов, а оттого, что, уничтожая, человек верил в неисчерпаемость Дикой Природы.

В природопользовании людям всегда не хватало конкретных фактов состояния природных объектов, знаний процессов естественного их развития, предвидения последствий предполагаемого антропогенного воздействия. «Летопись» в заповеднике отражает только факты. В отличие от научных статей, монографий, в ней нет места для рассуждений, выводов и даже практических предложений. Только факт из жизни животного и растения в конкретной обстановке и среде.

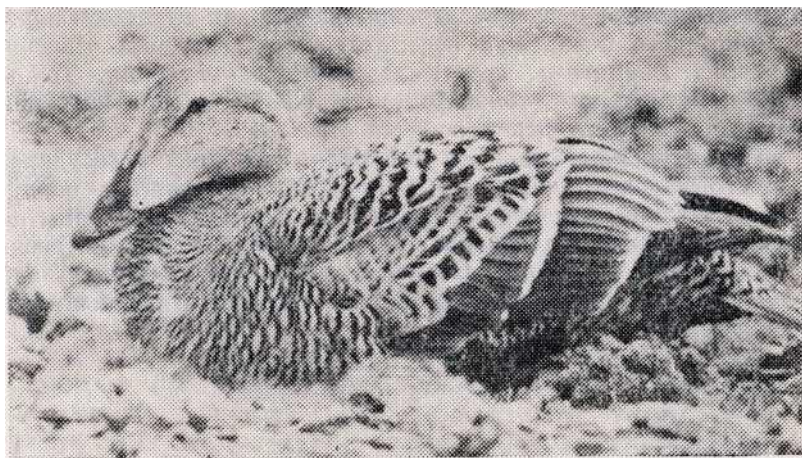
Гёте принадлежат такие слова: «Природа не признает шутки, она всегда правдива, всегда строга, всегда права, ошибки же и заблуждения исходят от человека».

Природа всегда права... Признавая в том ее монопольное право, естествоиспытатель будет внимательно наблюдать процессы ее развития, накапливая факты, факты и факты...

Первую «Летопись» за 1980 год мы составляли по имеющимся материалам после окончания полевого сезона следующего года. Весь научный персонал заповедника состоял из двух младших научных сотрудников: орнитолога Василия Ивановича Придатко и геоботаника Анатолия Ивановича Пуляева. Пришлось подключить к обработке нескольких разделов инженерно-технических работников отдела охраны. Особенно много помогал нам заместитель главного инспектора по охране природы заповедника (тогда эта должность называлась... главный лесничий) Александр Владимирович Малышев.

Еще весной, в первые дни моего пребывания на Острове, я «открыл» двух специалистов, которые находились здесь просто на «птичьих правах».

В бухте Сомнительной подошел ко мне егерь Саша Денисенко

На гнезде красавица гага должна быть незаметной

и с какой-то стыдливостью признался в том, что он по специальности биолог.

— Почему же вы не занимаетесь своим делом? — спросил я его, будто мне заведомо было известно, что вина лежит на нем.

Саша, не меняя тона, рассказал, что бывшее руководство заповедника вызвало его на Остров, обещая должность в научном отделе, но приходится ждать.

— Мне удастся иногда выкроить время и поработать с эндокринологами Института биологических проблем, — сказал

он,— меня интересует экология сибирского и копытного леммингов.

Было что-то противоестественное в словах и тоне, каким: они были сказаны этим молодым человеком, отказавшимся от борьбы за свою специальность...

Теперь после первого полевого сезона Денисенко тоже засел за «Летопись».

Нечто подобное произошло и с Владимиром Дмитриевичем Казьминым — оленеводом, егерем и будущим научным сотрудником заповедника, посвятившим себя изучению копытных животных на Острове — северного оленя и овцебыка.

За неимением зама по науке ответственным исполнителем «Летописи» был назначен Придатко.

«Летопись-80». Факты из жизни птиц на отвесных скалах Уэринга, Пиллара, мыса Птичий Базар, единственного из оставшихся крупных гнездовий белого гуся у пика Тундрового, гнездящихся и залетных птиц на заповедной территории. Факты из жизни млекопитающих животных — хищных и травоядных, оседлых и широко мигрирующих, встречающихся в большом количестве и в единственном числе, как перекочевавшая с Чукотского побережья росомаха. Факты истории освоения «осколка Берингии», его исследования и изучения. Только список литературы (тоже факт) составил более пятисот наименований, в том числе сорока иностранных.

На титульном листе мы написали: «Коллектив государственного заповедника «Остров Врангеля» посвящает первую «Летопись природы» труженикам Заполярья, положившим начало освоению и сохранению природы арктического острова».

Из года в год будут уходить люди в тундру и горы заповедной земли ради наблюдения простого факта из жизни Дикой Природы...

КОСТИН ПЕРЕВАЛ

С южной равнинной части Острова к северной Тундре Академии можно попасть, только преодолев гористую центральную область. Три гряды протянулись в широтном направлении, выступая отвесными скалами на западном и восточном побережьях. Не под силу человеку обогнуть в тех местах отвесные скалы. И люди идут через перевал.

Более чем за полвека были найдены все мало-мальски пригодные проходы через горную систему, но использовались — в зависимости от времени и задач — лишь самые удобные и близкие из них. Одни перевалы назывались именами людей и наносились на карту, другие забывались и открывались заново...

Идущему через горы нужно преодолеть Перевал. Шумная речка, вдоль которой петляет тропа, осыпает холодными брызгами, горячее солнце обжигает лицо, пронизывает насквозь встречный ветер, выжимает слезы из глаз, сводит судорогой скулы. Временами путнику кажется непосильной тяжелая ноша собственной жизни: она тянет к земле, скользкому камню. Лишь по великой привычке он продолжает идти, не отсчитывая более время, но доверившись ритму самого движения. Шаг и еще шаг, и еще шаг...

С Перевала откроется взору далекое пространство, способное разогреть продрогшую душу: речные долины с зеркальными водами сбегают вниз — к густым зеленым травам, седые вершины заснеженных гор искрятся первозданной чистотой вдали у самого горизонта смешались облака с мерцающими белесыми льдами. Забыты трудности преодоления. Жажда познать неизведанное ведет к следующему Перевалу. И вся жизнь человека сплетается из путей-дорог по низинам и кручам судьбы, через равнины спокойных лет к подъемам и спускам на Перевалах.

Для обследования птичьих базаров орнитологу Василию Ивановичу Придатко понадобилось временное жилище между мысом Фомы и пиком Береговым. На одну из плоских вершин Западного плато забросили на подвеске с вертолета балок. Сильная облачность не позволяла точно сориентироваться, и в дальнейшем все попытки отыскать балок кончались неудачей

Время шло, орнитолог нервничал и изматывал себя и своего напарника инспектора Игоря Олейникова продолжительными маршрутами по крутым сопкам, скользким в конце апреля подтаявшим снежникам. Каждый раз на вечерней радиосвязи руководивший заброской балка Александр Малышев сообщал дополнительные приметы местности и неизменно повторял: «Он поставлен на «умном» месте».

Тот из нас, кто находился в это время в тундре, разворачивал карту Острова и пытался на свой лад решить головоломку. Теоретические размышления затягивались надолго и вносили окончательную путаницу. Стыдно даже признаться, что работники заповедника, вроде бы знающие территорию как «Отче наш», потеряли целый балок.

На изрезанном глубокими морщинами и лишенном в верхней части снежного покрова Западном плато снегоходная техника оказывалась почти бесполезной, но, закончив учеты медведей на берлогах, я выехал со стационара Дрем-Хед к Василию Ивановичу с мыслью — или помочь ему, или признать, что мы еще плохо знаем Остров.

Изо дня в день мы обследовали различные участки Западного плато и каждый вечер ни с чем возвращались на базу к озеру Кмо. Кто-то из шутников вообще предложил считать балок завезенным на Чукотское побережье. Уже начинал темнеть, пропитываясь влагой, снег в поймах горных ручьев, на оттаявших скалах в местах птичьих базаров мелькали тени чистиков, слышались редкие крики бургомистров. Бурное весеннее половодье должно было вот-вот отрезать нас от центральной усадьбы, но я упрямылся и не соглашался прекратить поиски.

И тут Василия Ивановича осенило — позднее он доказывал, что видел вещей сон.

— Здесь был Куваев,— сказал он мне тем утром, когда я, наверное, был готов к отъезду в село Ушаковское.— Читал я где-то, что Олег Куваев прошел от побережья к реке Неожиданной через перевал.

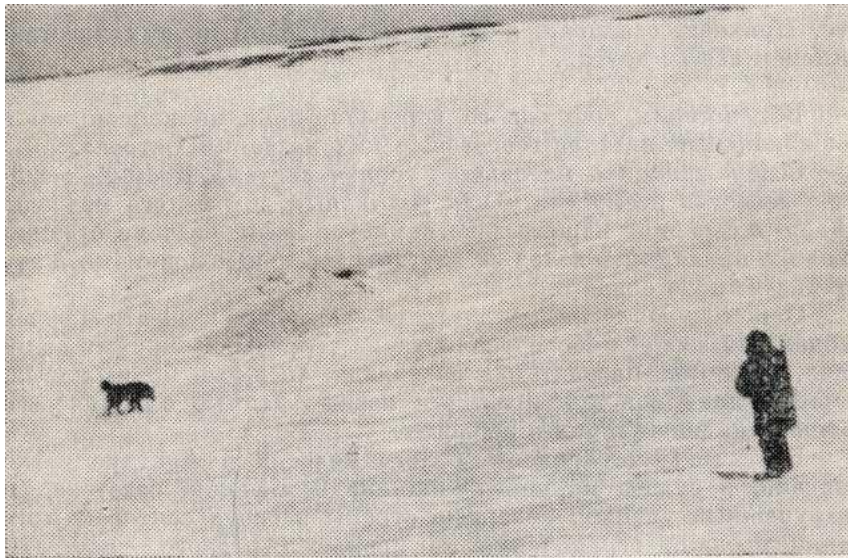
Слишком нелегко путь человека по арктической земле, чтобы мог он просто так раствориться во времени и не всплыть в трудный час у кого-то в памяти. Мы поверили в «умную» тропу известного писателя и геолога, отыскали на карте единственно возможный вариант прохода через горы от побережья в том районе и через полдня поднялись на малозаметный перевал. Чуть выше его на плоской вершине сопки приютился деревянный балок.

Олег Куваев не был, конечно, первым, кто прошел по этому перевалу. Несколько южнее за горой Томас мы нашли следы стоянки племени онкилонов — уж они-то наверняка знали окрестные места. Во времена первопоселенцев нынешнего века на западном побережье Острова жили охотники-эскимосы бра-

тъя Тагью и Кмо, одинокий Нноко. Они умели ходить «умными» тропами.

Но в наших полевых дневниках этот перевал носит имя автора прославившей его «Территории», события в которой происходят совсем рядом на Чукотском побережье — чуть южнее нашего Острова. Перевал Куваева. С него открывается холодная даль Восточно-Сибирского моря и беспокойных кочующих льдов пролива Лонга...

Такая «самодетельность» в присвоении географических названий не претендует на обязательное их признание, но что-то из них будет узаконено со временем. Заповедный Остров имеет

У берлоги на перевале

еще немало белых пятен, его изучение проводится на более глубоком чем когда-либо уровне, и это обстоятельство заставляет обозначать на карте остающиеся и в нашу пору безымянными Реки, Горы, Перевалы.

О многом может поведать карта арктического Острова. Русские, английские, эскимосские имена на ней — память о самоотверженных предках, стремившихся в течение нескольких веков достичь и исследовать оставшийся в Ледовитом море осколок древней Берингии. Она — эта добрая память — по старой традиции первопроходцев выше всякой национальной и государственной принадлежности — и служит напоминанием международной консолидации в освоении Арктики.

На южном побережье Острова мыс Пиллар соседствует с мысом Большевик, пик Берри с пиком Советским возвышаются над Центральными горами, река Красный Флаг с рекой Кларк разделены в верховьях лишь горой Три Друга. И есть лагуна Нанауна, с которой видны низкий берег мыса Блоссом и мыс Фома.

Если нет на Острове ни одного перевала с иностранным именем, это значит, что они не видны с проходящих мимо кораблей, их не откроешь, ступив одной ногой на побережье. Нужно жить и работать на арктической земле, чтобы найти «свой» перевал.

Скурихинский. Вьючный. Нюко. Тракторный. Медвежий. А сколько еще безымянных Перевалов на заповедном Острове. Приходи, осваивай, а потом назови один из них простым именем своего друга...

Вот история еще одного перевала, пока не вписанного в официальный каталог географических названий Острова.

Северо-западная небольшая горная система Дрем-Хед сейчас известна всему свету как родильный дом белого медведя. Даже в середине нашего века немногие исследователи отваживались проникнуть вслед за охотниками-промысловиками в эту таинственную область.

С помощью коренных жителей-эскимосов в шестидесятых годах два зоолога обследовали узкие террасы на крутых склонах, снежники-перелетки в распадках, снежные надувы у самых вершин сопок и получили первые данные о количестве медведей, залегающих в берлогах.

В те годы численность белого медведя в Арктике резко падала, и судьба крупного хищника беспокоила советских и зарубежных ученых. Северные страны в своих секторах Арктики вводили ограничения на промысел редкого — исчезающего на глазах одного-двух поколений людей — животного. У нас в стране охота на белого медведя была полностью запрещена. Многолетние наблюдения в таком берложном раю, каким предстал перед полярными исследователями Дрем-Хед, сулили важные научные открытия и позволяли осуществлять контроль за состоянием популяции, разрабатывать меры по охране и восстановлению численности животных.

Вскоре к пологой долине Большого Дрем-Хеда протянулся санный след и встал в конце ее дощатый балок. Первая же пурга замела следы, и приютившимся в нем людям казалось, что он всегда стоял в этой долине, оберегая покой белых медведей.

Однажды по краю арктической земли вектор нелегкой тропы исследователя привел к балку молодого биолога Станислава Беликова. Лет через десять я тоже прошел по тропе, проложенной Беликовым, и остановился у балка, притулившегося

к серым останцам невысокой горы в долине Гномов. В нем можно было приютиться в непогоду, но худые обгоревшие стены и почерневшие вытертые нарты, казалось, ждали прежнего хозяина.

Прежде чем выйти в первый маршрут, к которому мысленно готовился в течение нескольких месяцев, я долго рассматривал карту Дрем-Хеда, не решаясь — с чего начать: вроде бы и площадь горной страны невелика (чуть больше двадцати пяти квадратных километров), но ведь должна же быть система обследования ее склонов и террас... Среди большого материала, оставленного в заповеднике Беликовым, на это не было и намека. Медвежий маэстро знал, как ходить, но не навязывал своей системы. Над обыкновенной, почти безликой двухсоттысячного масштаба картой потрудились, провожая меня в поле, один из немногих оставшихся на Острове участников последней экспедиции Беликова. Внутри контура горной системы я нашел нанесенные карандашом обозначения и пометки: терраса Солнечная, долина Гномов, перевал... Беликова.

Понятно, что я в первый маршрут двинулся в сторону перевала. И хотя над ним висели грибообразные холодные облака, а ветер усиливался и раскатывал густую млечную поземку по всей долине, идти было легко и спокойно, будто не раз шел я уже этим путем.

Прикрывая лицо от встречного ветра лопатой, как делали это и до меня, я вышел на седло перевала. Каменистая площадка его начисто лишена снежного покрова, можно представить, какой силы ветры, рожденные над Ледовитым океаном, обрушиваются на вставшую на их пути горную гряду.

В просвете быстро вращающихся облаков ослепительно блиснула Солнечная терраса и тут же угасла. За нею чуть угадывалось темное пятно вершины Малого Дрем-Хеда. На снежном склоне, за перевалом, я натолкнулся на отшлифованные выпуклые следы белого медведя и пошел по ним, с большой осторожностью отмечая для себя ориентиры, зная, что в любой момент могу быть застигнутым слепой пургой. Главным ориентиром оставался перевал Беликова...

Через полгода после свидания с Дрем-Хедом я встретился с Беликовым на защите его диссертации «Белый медведь в районе острова Врангеля: экология, поведение, охрана». Верн ее, я опоздал на самую защиту и успел только пожать руки докторам наук и профессорам, не спешившим по доброй традиции закончить неофициальную часть такого события, да поздравить Стаса Беликова с успешной защитой.

А потом в кругу молодых людей, которым! был хорошо знаком голос Арктики, мы вспоминали вчерашний и сегодняшний наш Остров. Я рассказал о перевале Беликова. Стас чуть улыбнулся краем тонких губ и тут же позабыл об этом.

Поэт Виталий Шенталинский — сам бывший островитянин

и участник «медвежьих» экспедиций — принялся читать свои стихи.

Забуть и грохот, и угар,
и будний круг, и теплый угол.
Уехать к черту на рога,
где только родина и вьюга.
Одно спасение — в бегах,
когда настигнет ностальгия
по осажденному в снегах
осколку древней Берингии.

Это нам, работающим сегодня на Острове, нужен перевал Беликова, а ему самому более необходима память о той земле, которую он видел и знал.

Между небесных угольков
над заполярною пустыней
звезда бродяг и чудачков
горит еще неотразимей,

Мне хотелось быстрее закончить командировочные дела в столице и вернуться на Остров, где даже в летние дни над перевалом Беликова северные ветры гонят тяжелые, перегруженные снегом облака.

...Вездеход пересекает Чёртов овраг и беззаботно позвякивает гусеницами над отвесными кручами, падающими в море, норовя выскочить из колеи каменистой дороги, проложенной охотниками и оленеводами много лет назад. На тесном пассажирском сиденье прижались друг к другу два подростка. Один из них, мой четырнадцатилетний сын Константин, вдруг складывает руки крестом, призывая остановиться.

— Стоянка древних эскимосов,— говорит он громко и для меня и для Валерки, который только успел задремать.

Теперь я понимаю, для чего он в последнее время заходил вечерами к Нанану. Там квартировал только что вернувшийся с Чёртового оврага магаданский археолог Теин. Вместе с кремниевыми орудиями труда, наконечниками гарпунов и копий, древесным углем потухшего три с половиной тысячи лет назад костра ученый увозил на материк тайну стоянки древних эскимосов и рад был поделиться находкой со всем миром, а на Острове — с любознательным мальчишкой, у которого от встречи со следами древней истории так ярко разгоралось воображение.

Мы осторожно подходим к месту раскопок. Я думаю о судьбе народа, нашедшего в себе силы освоить в те далекие времена край Ойкумены, о тех суровых испытаниях, какие выпали на его долю, а еще о том, что мы, кочующие сегодня по Земле, лишь мимолетные хозяева ее, нам нужно быть скромнее: что останется после нас? следы каких разрушений?.. Мои

молодые спутники не думают об этом — в их годы собственная жизнь кажется вечной. Им найти бы сейчас костяной гарпун поворотного типа и с гордостью передать его археологу Теину.

— Теперь к Скурихинскому перевалу,— говорю я ребятам, и они одновременно поворачиваются в сторону серой песчаной косы, уходящей в море, и пологого подъема напротив нее.

В заповедной тайге Сосьвинского Приобья мы с сыном много прошли хантыйскими тропами-юшами, сплавлялись темными лесными реками. Только что он закончил учебный год и поспешил ко мне: увидеть своими глазами край света, выбранный отцом местом новой работы. Мы вместе открывали для себя Остров, который существовал пока для нас на картах и в книгах, повествующих об истории его открытия и освоения.

Бакланы на птичьем базаре

Скурихинский перевал... Во второй половине июня 1926 года советский пароход «Ставрополь» отшвартовался от пристани японского города Хакодате и взял курс на Камчатку. Первый начальник Острова Г. А. Ушаков не гнушался комплектовать экспедицию оборудованием иностранным, но людей он должен был найти для рискованного предприятия по заселению советского Острова на своей земле.

В Петропавловске-Камчатском Ушаков познакомился с человеком, который на долгие годы свяжет свою судьбу с переселенцами Острова. Ушаков вспоминает об этом так:

«...неожиданно я обрел здесь нового спутника, одного из лучших охотников Камчатки — Скурихина, которого мне рекомендовали в обкоме. Мы встретились около полудня, а к заходу солнца Скурихин вместе с женой, дочкой и всем скарбом уже погрузился на судно... Какой прекрасный пример решительности, свойственной людям, живущим на Севере!»

Быстро освоившись в бухте Роджерса, Скурихин вместе с эскимосом Таяном основывает несколько стоянок на юго-западном берегу у мыса Блоссом и по южному побережью Острова.

С весенним прилетом птиц страсть таежника ведет его через горы. На реке Нашей он первым из островитян обнаружил гнездовье белого гуся. Кажется, совсем недавно полярной ночью они с Ушаковым замерзали здесь в пургу, и земля была безжизненной и суровой. Но весеннее солнце растопило снега, пришел час — тундра зазеленела и наполнилась движением и голосами птиц. В погоне за этим часом Скурихин уходил все дальше за горы.

Однажды от широкой дельты реки Мамонтовой он вышел напрямую через глубокий каньон в глубь Острова. Укрытая высокими горами от северных ветров Теплая долина, казалось, забыла, что вокруг всего лишь короткое арктическое лето: выше, чем где-нибудь, поднимались от земли кустарники, гуще цвели маки, белыми хлопьями укрывали Теплую долину сидящие на гнездах птицы. Вслед за рекой Гусиной он повернул на запад и вышел к побережью Восточно-Сибирского моря.

Возвращаясь назад, охотник сокращал путь, отыскивая проходы через горную гряду. С широкого перевала открылась ему южная бухта Сомнительная, и на песчаной косе, уходящей в море, увидел он юрты из плавника, построенные его собственными руками.

Перевалом Скурихина пользовались часто эскимосы, расселившиеся на северо-западном побережье, здесь проходили в более поздние годы маршруты геологов, оленеводов, и более чем через полвека мы идем к Скурихинскому перевалу, зная, что он открывает нам путь к заповедной земле, наполненной тайнами Дикой Природы и памятью о тех людях, кто в период хозяйственного освоения с мудрой скромностью собирал с нее плоды.

За полторы недели пешеходного маршрута мы неоднократно пересекали реку Мамонтовую и прошли через Гусиную от ее истоков до устья. Путь наш продлился через Безымянный перевал к скалистым крутым берегам реки Советской и дальше до мыса Птичий Базар. Уходя к северу, мы снова встретили реку Мамонтовую в верхнем течении ее и, продолжая путь, вышли к Теплой долине, откуда видны голубые горы Дрем-Хеда и северное побережье Острова.

Все это время наш вездеход, как послушный конь, стоял

и ждал нас у Скурихинского перевала. Можно было, используя старые наезженные дороги, проехать на нем через весь Остров — но никогда из кабины вездехода или иллюминатора вертолета человек не увидит землю такой, какой она предстает уставшему путнику. Первое поколение островитян использовало для передвижения зимой собачьи упряжки, а в летнее время умело ходило пешком. Оно перелодало потомкам Остров без тех безобразных шрамов на вечной мерзлоте, которые появились за последние два десятилетия. Нам предстоит учиться у первопроходцев не оставлять за собою незаживающие раны на заповедной земле.

В награду за наше старание мы видели то, что при механизированном способе передвижения неизбежно ускользнуло бы от нашего внимания. Июль подарил Острову тихие солнечные дни, которые редко на одночасье сменялись ненастьем и снежными зарядами, бьющими в грудь и лицо, напоминая о том, что мы находимся в Арктике. Даже когда снег покрывал куртины цветистого разнотравья, из-под белого покрывала горели голубые огни незабудок, тянулись вверх, где должно быть солнце, розовые свечки мытников, склонялись, но не попадали к земле лимонно-желтые головки маков.

Снежный заряд выдыхался, под лучом солнца и от своего внутреннего тепла оттаивали дернины злаков, обнажая розовато-коричневые метелки щучки, черные колоски овсяницы, ажурные развесистые кружева мятлика. Мы далеко стороной обходили осторожные в ту пору гусиные стаи. У взрослых птиц проходит линька, а птенцы хоть и растут не по дням, а по часам, но еще не на крыле. Появление человека в это время вызывает среди обитателей тундры настоящую панику.

За поведением человека в тундре внимательно наблюдают песцы. Они как будто знают (а вернее сказать, твердо знают), что их летняя шкура не котируется среди мехов, ради которых многие звери в зимнюю пору вытряхиваются из своих шуб, да и заповедная неприкосновенность сделала полярных лисиц более доверчивыми. Следят они за человеком, обследуют каждый его шаг в тундре, используя в своих целях и любопытство его, и наблюдательность, и... неосторожность.

Подшел человек к гнезду гаги. Не разорил его, не спугнул серую птицу, прижавшуюся еще теснее к теплой кладке яиц. Ушел своей тропой, довольный мимолетным наблюдением. А через час на этом месте произошла грустная история: песец не поленился пробежаться по следам человека и натолкнулся на гагачье гнездо.

Можно быть уверенным, что не утихнет еще волнение бросившейся в панике от человека гусиной стаи, как на одном из бугров мелькнет легкое и гибкое тело песка. На миг приостановится он и бросит в вашу сторону внимательный взгляд как на соучастника коллективной охоты.

В пойме реки Мамонтовой я дал ребятам задание протропить волчьи следы. Семья, в которой находились и молодые волчата, часто пересекала напрямую крутые изгибы реки, следы то расходились веером, то сбегались в одном месте, будто время от времени звери собирались послушать старшего.

На одном из притоков реки Тундровой я догнал ребят. Они молча смотрели на одиннадцать трупов белых гусей, задавленных волками. Ни к одному из них звери не притронулись, и произошло это так недавно, что алые капли крови под крыльями и на шее птиц не успели застыть.

— Ну, теперь отъедемся! — простодушно сказал Валерий, и я понял, как изголодался в пеших переходах на ограниченном количестве тушенки, сгущенки и сухарей крепкий физически подросток.

— Не ты положил и не ты возьмешь! — грубовато ответил ему Костя, смягчая слова удивительно комичными движениями рук.

Я знал, что он скажет нечто подобное, и не из-за того, что отец его «состоит на должности». Он с детства, а я с первых дней работы в заповеднике раз и навсегда решили проблему неприкосновенности на заповедной территории. Быть может, этические принципы не поддаются обычной логике, но... Сегодня ты выпил свежие яйца, оставленные птицей, завтра закусил птицей, задавленной зверем... Что ж ты остановился? Делай следующий шаг. Вот то животное, которое так сильно хромает, оно наверняка обречено и... страдает. Используй его мясо рационально. Мы знали с сыном, что в обычной логике использования природного ресурса заповедника в личных целях есть начало, но нет конца... А заповедь так проста: *заповедного не тронь!*

Скурихинский перевал в тот год дал нам возможность первого знакомства с природой Острова. Птицы, звери и травы жили своей естественной жизнью, над которой не висела тяжелым бременем воля человека, переустраивающего все на свой лад. С вершины пика Тундрового в конце нашего пути мы пытались увидеть перевал. Складчатые горы перекатывались волнами до южного побережья. В том месте, где человек проложил тропу через каменистую преграду, голубел очищенный ото льдов край моря.

Центральное место на Острове занимает Вьючный перевал. Раньше, облегчая работу упряжным собакам, приходилось на себе нести на крутой перевал поклажу и вьюки, теперь пришло время, и трактора, машины, вездеходы легко перешагнули через него к горам Мамонтовым и пику Тундровому. К перевалу и от него тянется по тундре глубокая колея, терясь только на каменистых россыпях его вершины.

В своем полевом дневнике я нашел описание первой встречи с Вьючным перевалом в мае 1981 года.

От бухты Сомнительной уходит в горы старая тракторная дорога. Снег у заброшенного поселка и на равнине до самого подножия гор прет под ярким солнцем, разъедают его заплывающие с моря белые туманы. Местами тундра освободилась от зимнего покрова, влажные лоскуты земли выглядят оазисами в белой пустыне, их устилают вечнозеленые дриады.

Там, где дорога встречается с оазисом, плотная колея переходит в глубокий ров. Когда-то тяжелые гусеницы сорвали здесь тонкий слой живой земли. Под ним открылся темный щебень в ледяных прожилках — фундамент арктической тундры, вечная мерзлота. Все остальное сделали время, солнце и вешние воды. Они растопили и размыли лед, и чем глубже становилась царапина на лице тундры, тем активнее шел разрушительный процесс и вовлекались в него соседние участки.

Во многих местах по сию пору разрастаются безобразные шрамы. Трагедия — в скоротечности разрушительного начала, в невозможности заживления ран ни силами самой природы, ни трудом человека — виновника происшедшего. И все это происходит на фоне замедленного развития арктических ландшафтов.

Ныне на заповедной земле не прокладываются новые колеи — мы пользуемся старыми дорогами, и то при большой необходимости, или руслами рек, песчаными косами.

Вездеход обходит зеленеющую поляну и сползает в ручей, протянувшийся почти прямой линией от моря до перевала. Снег еще держит машину, и она плавно проходит между двух горбов начавшегося предгорья. Над перевалом нависло серое облако, ворочается с боку на бок и пытается протиснуться в просвет между гор.

На вершине перевала полумрак и хаос движения. Плотные, переполненные влагой массы воздуха проносятся мимо нас, раскручиваются, падают на обледенелые камни и снова устремляются вверх. Мой опытный проводник уверенно показывает направление, в котором следует вести вездеход, но я не выдерживаю напряжения и глушу мотор.

Из салона через ящики с продуктами и снаряжением выкарабкиваются научные сотрудники и работники охраны заповедника. Они торопятся на стационары реки Неизвестной и пика Тундрового, пока весеннее половодье горных рек не перекрыло пути по Острову.

Мы в самом центре облака. Плотные тени мечутся между нами в полной тишине, казалось бы, несовместимой с непокоем воздушной стихии. И вдруг со всех сторон, как шум прибора, шорох и звон, разрушающий тишину: стая белых гусей проходит над перевалом. Птицы почти задевают нас крылами.

«Кланг, кланг», — перекликаются белые гуси.

Мы не видим их, но они чувствуют наше присутствие отраженным ли эхом от наших тел, или памятью того времени, когда здесь на перевале встречал их человек с ружьем в руках.

Гораздо раньше человека птицы открыли путь к Острову. Каждую весну они возвращались с Калифорнийской долины на свою родину, гнездились большими колониями, выводили птенцов, ставили их на крыло. Люди, которые шестьдесят лет назад стали заселять эту землю, не причиняли им большого беспокойства и если брали бросовые яйца или птицу, то только для своих нужд. Это право сильного использовалось по закону Дикой Природы и не наносило ощутимого ущерба колонии белых гусей.

Шли годы, менялись люди и их отношение к природным богатствам арктической земли. В памяти всего лишь двух поколений уничтожение гнездовья на реке Нашей у села Ушаковского. Человек даже не пытался связать исчезновение птиц вблизи своего жилья с неумеренной охотой, сбором яиц, бродяжничеством собак — он принял это как нечто задуманное самой природой и двинулся за птицей к центру Острова.

Еще оставались гнездовья за хребтами Центральных гор на реке Мамонтовой, за горами Евстифеева по реке Гусиной, в Теплой долине, замкнутой с севера пиком Тундровым.

Выучный перевал был удобен для птиц на пути весенних перелетов и не менее удобен для вооруженного стволами человека. Элемент спортивной охоты — стрельба влёт — привлекал многих островитян, заражал чукчей и эскимосов, которым глубоко чужд по своей сути подобный способ европейской охоты, основанный на нездоровом азарте, легкости приобретения боеприпасов, их дешевизне и уверенности: все, что «от бога», сотворено для человека, а потому вечно и неиссякаемо.

Белые птицы пролетали низко над перевалом, и многие из них падали прямо к ногам стрелков — это казалось им очень эффектным зрелищем. Часто более сильные птицы удерживались еще на какой-то миг в воздухе, успевали пройти перевал и рушились с двухсотметровой высоты, подламывая крылья, в долину реки Совиной. Мне рассказывали, что смертельно раненная гусыня всегда падает на спину и в последнюю секунду ее жизни выкатывается на землю целехонькое яйцо... Страшная сказка не для детей!

Охота на птиц на перевале отличалась простотой и безнаказанностью, для определенной категории людей это служит признаком собственной силы.

С появлением на Острове техники охота продолжалась на дальних гнездовьях. Суть ее та же, но форма другая. Среди плотно гнездящихся птиц останавливался трактор с прицепом. Люди изгоняли гусынь, не преминув между дел свернуть шею строптивому гусаку, и укладывали по-хозяйски в ящики с

мягкой стружкой крупные свежие яйца. Иногда в ясную погоду, трактор заменяли вертолетом — это считалось «экономически выгодным».

Масштабы росли. В один из наиболее удачливых сезонов удалось заготовить таким образом не менее пятидесяти тысяч яиц. Но и это не все. В ловчих сетях предприимчивые заготовители ловко отделяли пуховичков от взрослых птиц, переправляли их в бухту Сомнительную и там выкармливали и передерживали живое мясо до устойчивых морозов.

Была ли во всем этом действительная необходимость, продиктованная суровыми условиями жизни человека в Арктике, его оторванностью от Большой земли? В шестидесятых годах островитяне снабжались более чем всем необходимым. Для нужд коренного населения добывались лахтак, нерпа, морж, на Острове успешно развивалось оленеводство. Конечно, местные

Кайры на скалах

жители должны были иметь право ограниченной охоты и на белого гуся, но не в масштабах массовых заготовок на вывоз.

Но если ни врожденное чувство меры коренных жителей Севера, ни опыт опустошения ранее осваиваемых человеком земель не подсказали организаторам-заготовителям близкий финал нерационального природопользования, то свое слово 'должна была сказать современная наука. К сожалению, она в лице маститого ученого, занимающегося распределением судеб

и птиц и зверей, населяющих Арктику (поэтому мы не раз его еще вынуждены будем вспомнить), высказалась за перспективу значительного увеличения «гусиного промысла», постановки прямо-таки на промышленные рельсы сбора яиц на гнездовья.

К началу семидесятых годов исчезли гнездовья на Мамонтовой и Гусиной. Но птицы еще прилетали весной на Остров и возвращались осенью в Калифорнийскую долину под склоны Сьерра-Невады. Там они растворялись в огромной массе канадской популяции, и это сохраняло их на зимовках. А на Острове человек еще не успел уничтожить самое дальнее гнездовье на безымянном ручье реки Тундровой, недалеко от пика Тундрового, закрывающего Теплую долину от северных ветров. Человеку осталось сделать еще шаг...

Островитяне первыми почувствовали, что белый гусь под угрозой исчезновения, и именно оттуда прозвучал голос в его защиту. Охотник П. Бочаров обратился с призывом остановить истребление белых гусей на Острове (журнал «Охота и охотничье хозяйство», 1958 год, № 8), через два года статьей главного госохотинспектора по Магаданской области В. Лаврентьева журнал возвращается к нерешенной проблеме. С тех пор борьба за сохранение единственной в нашей стране колонии белого гуся не прекращается...

Крики белых гусей на Вьючном перевале увели мои мысли на несколько десятилетий назад. Но нужно было ехать дальше. Я направился в густом тумане к вездеходу и натолкнулся на груды камней — бывшую засидку азартного стрелка. Она разрушена, как разрушено представление о неисчерпаемости природных богатств Арктики.

Медленно восстанавливаются гнездовья белого гуся на заповедном Острове. К ним приковано внимание ученых и работников охраны.

Облако срывается с перевала и быстро падает к морю. Мы спускаемся в освещенную солнцем долину речки Совиной и продолжаем путь в том направлении, куда улетела первая стая белых гусей.

Мне рассказали такую историю.

Где-то на половине пути между селом Ушаковским и бухтой Сомнительной из проезжавшей машины заметили в стороне от дороги странный предмет. Им оказался развернутый кукуль, в котором лежал с открытыми глазами человек и смотрел спокойно на подходивших к нему людей. В ответ на вопрос, не случилось ли с ним какого болезненного приступа, от чего он даже на помощь не может позвать, человек из кукуля буркнул что-то неопределенное, но не злое, и принялся не спеша и основательно укладывать и увязывать свой скарб. Это заняло у него не менее полчаса.

Если такой случай имел место, то в кукуле мог находиться только один из всех островитян — Владимир Андреевич Гаев. А впрочем, острые языки могут наговорить еще и не такое.

Недавно я показал Владимиру Андреевичу вот эти еще черновые записки и спросил о подлинности воспроизведенного случая. Он не отрицал, за исключением, как он сам выразился, «места действия». Кажется, случай такой произошел недалеко от горы Инкали.

Гаев живет в отличие от нас в совершенно другом ритме времени, будто за ним и перед ним стоит вечность. Он не умеет торопиться. Пустое дело — подгонять и торопить его.

В молодости он не спеша учился, получил две специальности, любой из которых достаточно для работы в заповеднике. Была ли удачной его служба в Карелии? По крайней мере, до сих пор Гаева вспоминают добрым словом сотрудники заповедника «Кивач».

Я застал его в должности старшего инспектора по охране природы западного сектора заповедника. Он почти безвыездно жил в бухте Сомнительной. Рядом с его аккуратным, но холодным особнячком — пустующие, приходящие в ветхость дома. Только на другом краю когда-то многолюдного поселка упряжные собаки пожилого чукчи Ульвелькота перелаиваются со своими собратьями, принадлежащими Семену Чайвуну. Иногда и надолго приезжает в бухту одинокий Павлов — внук мудрой Инкали. Тишина и благодать для человека, умеющего просто созерцать окружающую природу, и таких же, как он, неторопливых людей.

По личному опыту жизни среди северных народностей — ханты, манси — я мог предположить и особенности характера коренного населения Острова — неспешность, основательность, скупость в проявлении ярких эмоций. Это не от бедности — это приспособительные черты к суровой среде обитания, и выковывались они тысячелетиями. Но Гаев доказал всем, что славяне могут быть флегматиками большими, чем народности Севера.

Практически Гаев не работал в обычном смысле этого слова. Он не выходил на работу в девять часов утра и не заканчивал ее после шести вечера, не планировал рабочие дни своих подчиненных.

Было другое. К нему приходили и приезжали днем и ночью, с делом и без дела и всегда находили приют. Его дом представлял колоссальный склад таких вещей, которые никому и никогда не смогут быть полезными. Но вдруг оказывалось, что как раз именно они просто необходимы экспедиционной группе, остановившейся у Гаева на ночлег.

У Гаева можно было излить свое горе, обиду. Он не перебивал и не советовал «умные вещи», а молчаливо впитывал в себя

услышанное, но так, что человеку становилось легче.

Для руководителей заповедника, которые в первое время быстро меняли друг друга, такой старший инспектор был неудобен и непонятен. Жаль, что никто из них не обратил внимание на «нужность» такого человека на отдаленном от последних признаков цивилизации кордоне и на доброе отношение коренных жителей и новых сотрудников заповедника к старшему инспектору Гаеву. Каждый из директоров со своими спешными идеями сгорал как бабочка на огне — таков арктический Остров, а Гаев жил, работая, и работал, живя, неспешно и основательно.

У чукотской поэтессы Антонины Кымытваль есть такие стихи:

Лишь тот,
кто, как в тундре,
неспешно живет,
себя не измучит
и дальше уйдет.

Сейчас Владимир Андреевич Гаев работает старшим научным сотрудником. Изучает неспешную жизнь белого медведя, прекрасно приспособленного к условиям Арктики. Не обходится у нас и без споров. Меня или заместителя директора по науке не устраивают запаздывания с обработкой полученных материалов, предоставление не в срок отчетов.

Однажды «во гневе» я попал на беседу Владимира Андреевича со школьниками. В темной комнате на экране высветились слайды — цветные тени заповедной земли. Ровным, чуть хрипловатым голосом научный сотрудник вел рассказ, и перед маленькими слушателями возникали картины жизни животных и растений, наполненные суровой правдой борьбы за существование, красотой и гармонией даже самого малого и незаметного «произведения природы». Разве может все это вместиться в стандартном отчете о проделанной работе? И я не стал напоминать ему в очередной раз о его долгах.

В верховьях реки Сомнительной по крайнему правому истоку можно подняться на перевал, который давно уже между собой островитяне называют Гаевским перевалом. Не раз мне приходилось добираться таким путем до верховьев речки Хрустальной, выходить к верховью реки Совиной. Почему-то я всегда попадал на перевал в тихую солнечную погоду. Быть может, случалось так оттого, что заслоняют его от северо-восточных ветров самые высокие на Острове вершины Центральных гор. А может быть, спокойствие человека передалось камню, носящему его имя.

В лабиринте Центральных гор существует Безымянный перевал. Первым его, должно быть, видел капитан Берри, совершая

подъем на пик, названный его именем, в то время как судно «Роджерс» отстаивалось в беспокойной бухте. Капитану хватило и «своего» пика, и он возвратился на побережье, успев окинуть мимолетным взглядом неприветливую русскую землю.

Редко по высокогорному перевалу проходили первые советские геологи, но, обследовав выходы горных пород, стремились они обойти стороной сердцевину Центральных гор. Основное назначение перевала — облегчать путь через горы, а Безымянный был крут и опасен.

Впервые мне пришлось услышать о Безымянном перевале от Александра Малышева, руководившего рейдовой группой по охране территории заповедника в редко посещаемом нами районе верховьев реки Хищников. Расположив базовый лагерь на одном из начальных ее истоков, группа обследовала высокогорную систему, с которой берут начало пять мощных рек Острова. Даже в самое теплое время года большая часть ее верхних склонов и террас покрыта чуть порыжевшими снежниками-перелетками, облака постоянно толпятся с боков главных вершин, холодные ветры останавливаются перед каменными исполинами и, обозленные, с дикой силой обрушиваются на них, разлетаются по крутым распадкам и ущельям.

Путь на перевал им показала росомаха. Долгое время живет на Острове этот интересный зверь. Но нам ни разу не удалось встретить на Острове следов нескольких особей, а иногда мы теряли и тот единственный. Пролив Лонга не представляет для росомехи непреодолимое препятствие, и остается верить, что когда-нибудь она все же подберет на побережье Чукотки достойную себе пару.

К зверю, столь обычному где-то в тайге и северной тундре, у нас интерес особый. Повстречавшись с росомехой, Малышев шел за ней неотступно. Раскачиваясь на ходу и косолапя, она направилась вверх по склону, переходящему дальше в вертикальную стену. Но так только казалось. Чем выше они поднимались, тем дальше отступала отвесная стена, пока не обозначился гребень, за которым в просветах облаков заголубели далекие горы Мамонтовые. Малышев вышел на перевал, с которого в ясную погоду можно было бы увидеть большую часть Острова. Росомаха не спеша скатывалась к реке Неизвестной, а наблюдатель, опасаясь ухудшения погоды, возвратился в базовый лагерь.

В зимнее время мы освоили на снегоходах высокогорный перевал, попадая там иногда в такую снежную карусель, что впору спутать, где земля и где небо. Оставалось, кажется, только взобраться на вершину горы Советской — уж с нее-то все дороги ведут вниз. И все-таки не раз нас выручал Безымянный перевал, который сам, не попади он между вершин Центральных гор, мог стать знатной вершиной на Острове.

За все эти годы я так и не смог побывать на нем в летнее время. Каждый раз Центральные горы встречали меня неприветливо настолько, что даже слабо развитое чувство самосохранения подсказывало бесплодность и рискованность попытки выйти на перевал.

По той же причине не пришлось мне подняться и на вершину горы Советской, где в капсуле, как я знаю, лежит записка Александра Владимировича Малышева. Я не знаю, что написано в ней, но, прощаясь с арктическим заповедником после пяти лет жизни и работы в нем, он оставил в Памятной книге доброе напутствие островитянам, которое начинается с таких слов: «Я счастлив, что жил и работал на Острове...» Быть может, такие же слова прочтет тот, кто поднимется на вершину горы Советской через Безымянный перевал.

К востоку от Центральных гор сопки не поднимаются выше пятисот метров над уровнем моря. Но кажущаяся легкость преодоления их на пути к северной равнинной части Острова ставила многих путешественников в тяжелое положение.

«Только к вечеру я понял, что желание сократить путь привело к тому, что мы вовремя не свернули к юго-востоку и теперь в тумане втягиваемся по отлогим склонам в горную цепь... Скурихин решает идти через горы, прямо на колонию. Эскимосы, истощенные и усталые, еле передвигают ноги. Ет-туи начинает отставать. Я считаю, что лучше сделать лишних пять-шесть километров до ровной дороге, чем углубляться в горы», — так вспоминал позднее Г. А. Ушаков свое возвращение в бухту Роджерса из первого и тяжелого похода к северному побережью.

Леонид Васильевич Громов, обследовавший в 1935 году структуру горных пород восточной части Острова, рассказывал мне на склоне своих бродяжьих лет, что из тысяч пройденных дорог он навсегда запомнил путь через Восточное плато, который мог для него оказаться трагическим.

Он возвращался на полярную станцию и фабрику с мыса Уэринг. Уже не было сил согреть ходьбой-движением застывающее под пронизывающим ветром усталое тело. Истертые подошвы торбасов он подвязал сырмятными ремнями, но снег попадал под пальцы ног и под худую изношенную одежду и уже там не таял. Геолог давно не видел людей, а они ничего не знали о нем. Оставалось пройти еще около двадцати километров.

С мыса Гавайи его взгляд дотянулся до далеких за холмами теплых жилищ, куда он стремился и где находилось его спасение и место отдыха для изнуренного тела. Он опустился на землю, и видение пропало за ближайшим застругом плотного снега.

Но если есть такая сила в человеке, которая заставляет

поднять изможденное непомерным трудом жизни тело и вести его к людям, то и они должны на расстоянии уловить этот волевой импульс, в беспричинной тревоге чья-то душа должна отозваться на далекий призыв.

С утра на фактории старая эскимоска Инкали выходила часто из юрты и смотрела на восток. К вечеру она пришла к начальнику.

— Там человек идет. Ему плохо,— сказала она, разглаживая рукой морщинистые складки на подбородке, отчего яснее стали видны полосы татуировки — знак ее племени.— Скажи моему сыну Таяну — пусть запряжет упряжку. Ты — начальник,— сказала Инкали.

Громов навсегда остался благодарен своей спасительнице...

Многие островитяне испытали на себе трудности преодоления невысоких гор восточной части Острова. Они заманивали в пологие распадки, увлекали свободным подъемом на плоские спины сопок и потом бросали человека на волю судьбы и его собственного характера.

Перевалы здесь не так заметны, их легко пройти стороной. Молчаливо и спокойно они будут ждать путника, сбившегося с тропы и теряющего напрасно силы и время.

Два перевала — Тракторный и Нюко — позволяют пройти из села Ушаковского на север к Тундре Академии. Тракторным перевал стал в конце 30-х годов, когда мощная по тем временам техника подменила упряжных собак и людей на заброске продовольствия и снаряжения для охотников-эскимосов.

С каким старанием учился Василий Нанаун управлять железной упряжкой, как умел выбирать путь по щебнистым участкам тундры и руслам ручьев!

Из далеких краев люди приезжали на освоение Крайнего Севера. Им было у кого поучиться бережному отношению к арктической земле. Под суровым взглядом эскимоса Нанауна самые бесшабашные из новичков старались усмирить свой пыл покорителей. Таким же через полвека я вижу его сына.

Лёва Нанаун ведет вездеход через Тракторный перевал. Рядом с ним новая наша гвардия — работники охраны заповедника Игорь Олейников и Леша Калинин. Для них Нанаун — первый учитель и проводник. Через несколько лет, когда сами уже станут опытными проводниками, вспомнят они свое первое знакомство с Островом.

Для поездки выдался непогожий день, но молодежь убедил меня, что они без приключений выйдут к Среднему Насхоку. Мы ждем их там, каждый час включаясь на контрольную радиосвязь. В эфире тишина — значит, «у них все нормально».

Стылая сентябрьская тундра, вымерзающие под утро пустые ручьи, серое холодное небо и воздух, пропахший снегом.

Нужно родиться и вырасти в Арктике или иметь приезжему человеку важную цель, чтобы в такую неустойчивую погоду уйти из теплого жилища в тундру.

С большого кекура на Среднем Насхоке видно, как закрывается густой пеленой перевал Нюко. Вечерний сумрак сгущает краски — мрачные и неустойчивые в час непогоды. А вездеход еще на Тракторном перевале. Мы узнаем об этом по радиосвязи.

— Видимость резко ухудшается,— слышен ровный голос Нанауна.— Нам бы в конце пути подсветить ракетой.

В расчетное время мы выпускаем в небо несколько желтых ракет. Каждая из них разгорается наверху неестественно ярким шаром и уносится в сторону, откуда ждем вездеход. Невслышно у самых дверей балка останавливается техника. Ребята как с голодного края набрасываются на нехитрый ужин в котором тушенки больше, чем макарон.

— Тундра уже промерзла,— говорю я Нанауну.— Можно было и спрямить кое-где путь.

— Да, на старой колее траки уже рвет,— вроде бы соглашается Нанаун,— но в низинах еще сыровато, недолго и тундру попортить...

Не с рождения ли он строже и бережливее нас?

В зимнее время под пологом полярной ночи нам приходится организовывать перегон стад северного оленя через перевалы Нюко и Тракторный. Завезенный на Остров в конце 40-х годов, домашний олень находится теперь на вольном выпасе, одичал и чувствует себя на заповедной земле вольготно.

Однажды на крупном совещании один из теоретиков заповедного дела задал мне каверзный вопрос: «Как же вы можете вмешиваться в естественную жизнь животных, регулируя их численность? Да еще и констатируете, что регулирование отнимает много сил и времени».

Этот ученый принадлежал к клану «невмешателей» в естественные процессы, протекающие на заповедной территории. Для них выполнение принципа невмешательства важнее того, какими путями пойдет развитие природного комплекса под воздействием факторов, ранее привнесенных деятельностью человека. Я бы назвал это научным эгоизмом, если не научной спекуляцией, использующей бескорыстный дух российского заповедника, в основу которого были заложены идеи крупнейших ученых-естествоиспытателей конца прошлого и начала нынешнего века.

Регулирование численности одичавшего северного оленя будет проводиться на Острове до тех пор, пока не найдется у всех нас мудрой решимости освободить заповедную землю от вида, привнесенного самим человеком. Сегодня такое предложение может показаться кощунственным, но через десять-пятнадцать лет человек вынужден будет перегонять через перевалы

Нноко и Тракторный к коралю на речке Нашей стада овцебыков.

Но не только с «оленьей» проблемой нам нужны сегодня перевалы Нноко и Тракторный. Ими пользуются научные сотрудники, направляясь в начале полевого сезона на стационары реки Красный Флаг, плоской равнины Тундры Академии. Прокладывают они интересные маршруты по долинам рек, плакорам, вершинам сопок, разгадывая тайны осколка Берингии. Там постигают они беспредельность познания законов Дикой Природы, глубину связи с ней человека. Такие люди снова и снова будут проходить через перевалы в глубь Острова.

Продвигаясь на север от устья реки Кларк, путник выйдет по ручью Прямому на Медвежий перевал. Первое его описание приводится в книге Г. А. Ушакова «Остров метелей»

В начале октября первого года зимовки четыре человека, имея каждый по упряжке из восьми собак, вышли, к северо-восточному побережью Острова. Стоянку на ночь они разбили перед перевалом у горы Поворотной. Утро следующего дня встретило их непогодой. Двигаясь сквозь густую мглу, они подошли к «воротам» перевала. Ушаков вспоминает: «Вдруг ехавший впереди Старцев поворачивает нарту. Я еще не знаю его побуждений, но чувствую, что так надо, и следуя его примеру. Оказывается, справа, в сотне метров от нас, сидит на снегу медведь. Он спокойно смотрел на нас до тех пор, пока собаки не начали выть. Тогда он поднялся и не спеша стал уходить по распадку».

Встреча с крупным хищником подсказала название перевала. Белый медведь на Острове настолько обычен, что не отметить его именем реку, гору или перевал было бы просто несправедливо. Правда, великий странник Арктики не озачен, увековечит ли человек его на географических картах ему гораздо важнее понимание людей, что он — хозяин и дитя льдов и арктических островов — имеет право на существование.

На Медвеьем перевале я всегда останавливаюсь, по моим подсчетам в том месте, где произошла встреча первого начальника Острова с белым медведем. Мысленно пытаюсь перебросить мост через шестьдесят лет, взглянуть на Остров глазами первопроходца и «подумать мыслями» Георгия Алексеевича Ушакова.

Мне не совсем понятен источник его опыта, позволившего успешно пройти путь освоения арктической земли, открытой с таким трудом и стоившей многих человеческих жизней. Знаком ли был Ушаков, отправляясь на Остров, с трагедией «Карлука», с гибелью экспедиции Крауфорда, когда только чудом осталась в живых одна эскимоска Ада Блекджек?

В своей книге он пишет об этом, но она была написана?

гораздо позже, когда автор имел возможность знакомиться с отчетами иностранных исследователей арктического бассейна. Но даже если представить, что он имел соответствующие материалы, возникает вопрос: какая сила подняла его на недосягаемую для предшественников высоту?

Ушаков сразу избрал единственно правильный путь к освоению арктического Острова, «подбив» эскимосов восточного побережья на постоянное переселение с семьями и нехитрым своим хозяйством. На Острове он не ограничивается организацией одной базы на южном побережье, но расселяет охотников-промысловиков на отдаленных участках. В случае неудачного промысла в одном месте, другие охотники разделят с попавшим в тяжелое положение свою добычу.

Удивительно его чутье руководителя и воспитателя, хотя в ту пору он был моложе многих первопоселенцев. Трудно даже определить, кем он был в большей степени, хотя эскимосы звали его «умылык» — начальник.

Я прохожу мысленно трехлетний путь Ушакова по Острову, как будто поднимаюсь на перевал, с которого должны подниматься взгляды и мыслям широкие пространства.

«Сейчас не те времена, не те условия»,— слышу я тех, кто знает Арктику понаслышке или связан с ней кабинетной работой за толстыми стенами в благоустроенном жилище. «Зачем ты пытаешься искать ответы, оглядываясь на пройденный кем-то ранее путь?»

Конечно, изменилось на Острове многое. Но осталась прежней арктическая стихия, способная в любой момент раздавить хрупкий мирок человека, потерявшего бдительность.

Работа сотрудников заповедника во многом напоминает условия, в которых действовали люди шесть десятилетий назад. Порою надолго отрезанные непогодой от центральной усадьбы, они испытывают лишения, воспринимая это с должным спокойствием сильных людей. Мне часто приходится проходить через Медвежий перевал на пути к стационару мыса Уэринг, где мы проводим ежегодно учеты берлог белого медведя. И если я не один и со мною молодые спутники, осваивающие пути по заповедному Острову, стараюсь пробудить в них мысли о связи времен: эти размышления всегда будут источником силы и для человека, идущего через перевалы.

Крутые скалы мыса Уэринг в восточной части Острова проводят четкую границу между сушей и морем. Участок до мыса Большевик интересен высокой концентрацией берлог белого медведя в зимнее время и шумными птичьими базарами летом.

Под горой Замковой у ручья, впадающего в бухту Драги, врос в землю и камень низкий балок. Поднимаясь вверх по ручью, можно выйти на перевал. Орнитологи обычно здесь

поворачивают налево к скалам, а искатели снежных медвежьих хижин спускаются прямо к снежникам горы Подкова и уходят к Пиллару и мысу Большевик.

Две группы наблюдателей не могли бы разместиться на стационаре одновременно, настолько тесен балок, но у каждой свой сезон. Впрочем, специализация у естествоиспытателей довольно относительна. Именно здесь орнитологи провели попутные наблюдения на вытаявших к концу июля берлогах и получили интересный материал по смертности медвежат и первые месяцы жизни. А в середине мая под скалами птичьего базара можно встретить «медвежатников», собирающих трупы птиц.

Уэринг был любимым местом работы Александра Малышева. Мы с ним одновременно осваивали методики работы по учету численности берлог белого медведя, сбору данных по его экологии.

Вспоминается встреча на Острове с одним «ведущим специалистом страны», для которого белый медведь давно уже превратился в «научно-информационный ресурс», питающий высохшие корни его собственной биографии полярного исследователя. Он говорил нам: «Ну, товарищи, мы же должны серьезно задуматься над тем, чтобы глубоко изучить белого медведя. Многолетнее мечение животных на берлогах не дало, к сожалению, результатов, но это обязывает нас расширить работу, придать ей должный масштаб. Когда-то мы на обездвиженных особях выстригали шерсть на боках и рисовали большие цифры, различимые с пролетающего над зверем самолета. Такую идею нужно подхватить заповеднику. А мы с удовольствием обрабатываем весь материал, полученный вашими сотрудниками».

С Малышевым и многими работниками заповедника мы работали по упрощенной (за счет отказа от мечения лактирующих самок) методике Станислава Беликова, добиваясь чистоты и достоверности фактов, которые можно получить у Дикой Природы только без грубого на нее давления.

У Александра Малышева была страсть к описанию медвежьих квартир, хотя в научном плане там ничего нельзя открыть нового. Делал он это на модельных участках по мере того, как хозяйки освобождали свое зимнее «жилье».

Где-то за перевалом он обнаруживал опустевшую берлогу и тут же исчезал в ней надолго. Обычная родовая берлога имеет одну или несколько комнат-камер и систему коридоров. Длинный медвежий ворс свисает с потолков и стен, отсвечивая налившимися на него кристаллами льда. Там же Малышев заносил в дневник результаты промеров и только после этого с сосредоточенным видом покидал берлогу.

Мне доставляло удовольствие наблюдать в такой момент за ним. Если и не было на свете медведя, который хотел бы

превратиться в человека, то мой коллега наверняка не отказался бы надеть белую шкуру и побыть в ней какое-то время...

С перевалом на Уэринге связывает меня память о сыне. Закончив восемь классов, он снова прилетел на Остров. Ему тогда исполнилось пятнадцать лет, он чувствовал себя достаточно самостоятельным и сразу заявил, что работать будет только в тундре. Уже традиционной становилась летняя трудовая четверть» для детей-подростков, приезжающих в летние каникулы на Остров к своим родителям. В минувший год они выполняли несложные хозяйственные работы и только как вознаграждение получали право участвовать в экспедициях с работниками охраны или в составе научных групп.

Мой сын быстро убедил научного сотрудника Владимира Дмитриевича Казьмина в пользе своего присутствия в составе его небольшого полевого отряда. Произошло это так.

Как-то вечером Казьмин зашел к нам в гости, видимо, не случайно. Костя стоял у плиты, выпекая пышные «ландорики», как называл Казьмин вообще все, что можно сделать из муки.

«Великолепно, если не сказать восхитительно,— раздавался до всей квартире густой бас научного сотрудника, который — и по голосу, и по телосложению — больше походил на молодобойца. Твой сын годится для тундры. Ты уж не препятствуй и не обижай меня. Пусть поработает с нами. О, с такими ландориками-ландодориками мы всех оленей и овцебыков пересчитаем поштучно!»

Я согласился. Мы снова расстались с Константином, но он был рядом, на Острове. Иногда в балке на Среднем Наскоке Казьмин допускал его к радиостанции, и я слышал ломкий голос сына. Он короткими фразами сообщал о маршрутах к северному побережью, о стаде оленей, за которым ведется наблюдение, об овцебыке-одиночке, не проявляющем агрессивности к человеку.

Не в содержании слов, но по едва уловимым новым интонациям в голосе я улавливал: новую струнку в его настроении и отношении к делу, которым он был занят. Он отдалялся от детского подражания отцу и выходил на свою собственную тропу, связывающую его с Дикой Природой. Мне думалось, что если она и совпадает с отцовской тропой, то он не повторит ее слепо, но сохранит свою самостоятельность.

— У тебя впереди свои Перевалы,— думал я, вслушиваясь в слова сына.

Мы встретились через полтора месяца на мысе Уэринг. Со стороны косы Муштакова неяркое солнце багровым пятном впервые за долгий полярный день коснулось туманной половины горизонта. В тундре никто не придерживается нормального распорядка бодрствования и сна: ни птица, ни человек, ни зверь.

Они пришли с Нанауном и почти сразу же решили подняться на ближние сопки. Я срочно принялся готовить стол, но и это их не удержало. Их связывала по-настоящему добрая юношеская дружба. Прошлой осенью по приглашению моего сына Лева Нанаун решил впервые на далекое путешествие в край Сосьвинского Приобья. В родном таежном поселке Костя с радостью выполнял роль гида. Я находился в то время в коротком отпуске рядом с ними и с некоторым удивлением видел, как молодой островитянин естественно и спокойно воспринимал совершенно новую для себя обстановку, легко налаживая знакомства со сверстниками. Лишь однажды я застал его задумчивым и отрешенным среди высоких сосен, подступивших с двух сторон к самому дому. Он слушал, как поет ветер в зеленых кронах деревьев...

Со стороны перевала они возвратились через несколько часов. За ужином, а вернее за завтраком, сын обратился ко мне с неожиданным вопросом:

— Может ли внук первопоселенца подарить своему другу кусок скалы или вот тот безымянный перевал?

Я ответил серьезно, что вся заповедная территория — земля государственная, и никто раздаривать ее не имеет права. Даже если этот человек сын Нанауна и внук Тагью.

— Мы сделали это так, чтобы я снова вернулся на Остров. Насовсем.

Молчавший до этого Лева Нанаун ясно показывал своим видом, что он не воспринимает слова друга за шутку, и наконец решился вмешаться:

— Мой дед сказал бы, что так можно сделать.

— Ну, если для того, чтобы ты насовсем вернулся на Остров, тогда внук Тагью в чем-то прав,— согласился я.

Но через два года...

Вдали от Острова. Вдали от Сосьвинского Приобья.

Темная ночь над Иртышом. Силуэты двух барж, на которых не зажжены габаритные огни. И отчаянный гребец в лодке...

Через два с лишним месяца после гибели сына я получил на Острове письмо от него. Он писал, что в последнее время продумал свою жизнь окончательно. Оставшиеся два экзамена в педагогический институт на биогеографический факультет он отказывается сдавать. «Я хотел бы работать в заповеднике,— писал он,— но заниматься не наукой, а охраной заповедной территории, ее животного и растительного населения. Мой путь лежит на Остров. Потом служба в армии. Учиться я буду позднее...» Его тропа оборвалась через пять дней, а письмо настойчиво и упрямо продвигалось к Острову.

В душе каждого человека, не верующего в жизнь за пределом последней черты, рождаются — и умирают — религии всего мира.

Сегодня я пришел от безымянного перевала у мыса Уэринг в другую часть Острова к подножию горы Инкали.

— Здравствуй, Гора-Женщина! Эскимоска Инкали была мудра, гораздо мудрее шамана Аналькука. Она умела разговаривать с людьми. Научи меня, как дойти до своего Перевала!

Ветер шумит, обтекая высокие склоны горы, и заглушает голос мудрой Инкали...

Идущему через горы нужно преодолеть свой Перевал.

ДОЛИНА ГНОМОВ

Продуваемая насквозь северными ветрами, эта долина никогда не казалась мне местом суровым и неудобным. Здесь познакомился я со своенравным характером Арктики: неожиданно начавшейся пургой. Она ослепляла, сбивала с пути, истощала физически и внушала неверие в свои силы; потом, вдруг, успокаивала ветры, устанавливала звенящую до боли тишину, разливала по долине и склонам гор Дрем-Хеда густые краски, развешивала цветные полотна северного сияния. Арктика представлялась мне в облике Великой Женщины, управляющей силами живой и неживой природы, поведением человека, вступившего в Ее владения. А долина, куда я время от времени неизменно возвращался, была Ее ладонью, из которой получал щедрые дары.

Не знаю, живут ли в долине маленькие фантастические существа, давшие ей название, но северные олени, полярные лисицы по долине бродят, иногда через перевал спускаются в нее овцебыки.

Долина Гномов... Но кем бы она ни была населена, особый интерес к ней проявлялся всегда в связи с большим количеством берлог белого медведя, расположенных в самой долине и в горах Дрем-Хеда. С первыми осенними пургами я бывал там, чтобы наблюдать, как подветренные склоны покрываются снежными надувами, как в них устраиваются на долгую зиму медведицы, как выветриваются на плотном снегу их следы. На долгую полярную ночь наблюдения прерываются. В мартовские и апрельские солнечные дни берлоги вскрываются, медведицы уводят медвежат с Острова к дымящимся разводьям в морских льдах.

На территории арктического заповедника ежегодно около трехсот белых медведиц устраивают берлоги, более пятисот медвежат оставляют родные острова, чтобы через несколько лет взрослыми и сильными вернуться к их берегам.

Трудно представить, что совсем еще недавно судьба белого медведя вызывала тревогу. Могло случиться так, что крупнейший на земле хищник стал бы ископаемым животным прямо на глазах у цивилизованного мира. Заметил бы человек, что планета стала беднее?

В этом звере заключена судьба Арктики. К ней — Великой Женщине — пришли с добром или злом атомные ледоколы, реактивные самолеты, тяжелые вездеходы. Они всегда будут

чужеродными существами, заполняющими огромные пространства льдов промерзшей земли, холодных небес. *Но душа Арктики смирится со скрежетом и звоном металла — пока в стороне от трасс на голубых льдах будет жить белый медведь.*

Без этого зверя до неузнаваемости изменился бы лик Арктики. И человек вовремя понял свою ответственность, и то, что вчера подлежало уничтожению, принял сегодня под надежную охрану, приложив к этому необходимые средства, силы и терпение...

Четверть века назад в один из мартовских солнечных дней промысловик Василий Нанаун гнал лучшую свою упряжку через Теплую долину к горам Дрем-Хеда. Над Островом и дальше за морем до горизонта голубело небо, обычные в этих местах ветры не раскатывали белую поземку, солнечные лучи отражались от снежного наста, ослепляя глаза, обжигая кожу лица и растрескавшиеся пересохшие губы, Нанаун покрикивал изредка на собак, прерывая заунывный мотив старой эскимосской песни, которой одной всегда ему хватало на весь долгий путь к северному побережью Острова.

Охотник давно не был на Дрем-Хеде. С тех пор как запретили охоту на белого медведя, промысловики стали избегать те участки Острова, где можно встретиться с крупным хищником. Собаки-то приучены к медвежьей охоте, и Указ для них силу не имеет. Стоит им учуять зверя, и тогда ни остол, ни окрики хозяина не удержат легкую нарту и не остановят собак. Конечно, карабин всегда под рукой, и ради сохранения ездовой упряжки придется переступить Закон. Но лучше этого не делать, лучше избегать медвежьих мест.

Трудно было Нанауну привыкнуть к строгому Закону. А тут еще ученые люди приехали из Москвы и Магадана, рассказывают, что белого медведя совсем мало осталось в Арктике, спасти его нужно, а то совсем исчезнет. Просят охотлика показать берлоги.

Нанаун грамотен, читает газеты и книги, но понять беспокойство ученых не может. Он бы и поспорил с ними, если б не воспитанное с малолетства уважение к приезжему человеку, его делам и словам. Нанаун молча курит трубку, кивает в знак согласия, что белого медведя почти уже нет на Острове, а думает о том, как удивит и обрадует ученых людей, когда они сами убедятся в обратном. Ему жаль собак, и он думает о них.

Сколько помнил себя Нанаун, он и отец его Тагью, все взрослые мужчины Острова добывали белого медведя, но его не становилось от этого меньше. Шкуры использовались в хозяйстве, сдавались государству, мясо составляло наряду с мясом и жиром нерпы, лахтака и моржа основу питания. Зверя никогда не били «просто так».

В последние годы на Острове все чаще стали появляться случайные люди, готовые заплатить деньгами или обменять на спиртное даже невыделанные медвежьи шкуры. Удивительно, что кому-то на Большой земле, где так много разноцветной материи для одежды и есть дубленая кожа и овчина, понадобились шкуры белого медведя.

Вначале из добрых побуждений, а со временем и привыкнув к вознаграждениям, островитяне сбывали шкуры убитых животных, оправдывая свои действия необходимостью само-

Овцебык в горах Дрем-Хеда

обороны. После разговора с учеными Ианаун постоянно думал о том звере, которого он пристрелил прошлой осенью у охотничьей избы. Немощный и голодный зверь убил двух собак, растащил большую часть приманки для песцовой охоты. Большую желтую шкуру этого медведя промысловик променял незнакомому человеку на старенькое ружье.

Теперь Ианаун уже не оправдывал себя и своих товарищей по артели за то, что они иногда нарушали запрет на промысел

крупного хищника. Чувствуя собственную вину, он и согласился сопровождать биологов по Острову.

— Нужно осмотреть горы Безымянные,— решает он.— Еще до Дрем-Хеда ученые убедятся, что медведицы не позабыли свой Остров и охотно устраиваются в берлогах. Пусть со спокойной душой возвратятся эти люди по своим домам и расскажут всем, как много зверя на Острове.

Откуда знать Нанауну, что от того, сколько найдет он берлог на Острове, зависит судьба слабого и беззащитного перед человеком крупного хищника — белого медведя. Ученые-биологи возлагали большие надежды на Остров: если удастся обнаружить хотя бы два-три десятка берлог, эту землю будет иметь смысл заповедать.

Не слушая команду, вожак в упряжке эскимоса круто поворачивал к подножию Безымянных гор. Нанаун прыгнул в нарту и вонзил остол в снежный наст. Когда с ним поравнялись две упряжки, на которых был его друг Аплерикай и ученые-биологи, он с нескрываемым удовольствием показал рукой в сторону голубого гладкого склона — там в его средней части чернело отверстие свежевскрытой берлоги.

В тот год с помощью коренных жителей ученые обнаружили на Острове сто шестнадцать берлог. По результатам учетов в других районах советской Арктики, по данным зарубежных исследователей Аляски, Северной Канады, Гренландии, оценить найденный «родильный дом» можно было только с помощью таких определений как «уникальный», «имеющий международное значение». Но главная оценка заключалась в том, что здесь должен быть организован государственный заповедник. Ради того, чтобы белый медведь — символ Арктики не исчез с ее просторов, необходимо было обеспечить его охрану и изучение.

Еще совсем недавно человек, поселившись на Острове, боролся не на жизнь, а на смерть с суровой арктической природой. Он вел промысел диких животных и большие надежды возлагал на оленеводство. Теперь новая задача возникла перед человеком: отказаться добровольно и сознательно от хозяйственного использования холодной арктической земли. Отказаться НАВЕЧНО от того, что составляло суть жизни целого поколения островитян.

Думал ли об этом Василий Нанаун в те весенние дни когда, оставляя на отдых измученных собак, пересаживался с легких нарт на единственный на Острове трактор, чтобы вывезти в тундру ученых с их полевым оборудованием?

Мотор на его тракторе сильно тарыхтел, почти заглушая монотонный мотив новой песни с негрустными и простыми словами: «Белый Остров — большой дом для меня и для белого медведя. Мы живем рядом, и нам хватает земли, снега и неба.

Белый медведь — сродный брат эскимоса, — так говорила Инкали. Белый медведь раньше кормил меня и детей моих мясом своим, одевал в теплую шкуру. Теперь мы выпасаем на Острове северного оленя, а пароходы привозят с Большой земли одежду и обувь. Пусть живет мой брат спокойно...»

Над Островом все дольше задерживалось весеннее солнце, темнел и пропитывался влагой в поймах рек плотный снег. Медвежьи семьи уходили с арктической земли в морские торосы, чтобы однажды вернуться на свою родину. Их встретит заповедная тишина. Не сразу, не вдруг, но так будет на заповедном Острове. Об этом думали приехавшие из Москвы и Магадана ученые-биологи, об этом пел свою песню эскимос Василий Нанаун.

Человек никогда не жил в мире с крупным хищником. Но их ступени развития поднялись так высоко на экологической Пирамиде жизни, что, кажется, все живое создано, чтобы служить им. Они всегда широко использовали «кухню природы», но близость друг к другу обуславливала жесткую конкуренцию за обладание пространством и пищевыми ресурсами.

Человек научился строить прочные жилища, завладел огнем и начал выжигать вокруг себя глухие леса, совершенствовал оружие и способы добычи животных. Охота на крупных хищников не носила массового характера, оставаясь делом трудным и опасным. У многих народов существовал культ крупного хищника, отголоски которого дошли до нашего времени в сказках, легендах и былинах. Еще несколько десятилетий назад для вогула бурый медведь был сыном верховного божества Торума, эскимос считал белого медведя своим сродным братом.

Крупный хищник занимал все более глухие и труднодоступные для человека места. В его поведении чуть ли не генетически закладывается «почтение» к человеку. Когда ему приходилось встречать это более слабое физически существо, он не спешил воспользоваться правом сильного — нарушение неписаного Закона влекло за собой гонение на все племя, в результате чего оно становилось менее многочисленным и более осторожным.

Современная техника и орудия убийства окончательно поставили крупного хищника в полную зависимость от человека. А религиозные убеждения отошли на задний план и не могут предотвратить уничтожение зверя.

Белый медведь, обитающий во льдах Ледовитого моря и лишь изредка заходящий на матерую землю арктического побережья, менее всего подготовлен к борьбе с человеком за собственную жизнь. В конце прошлого века его численность стала резко падать, а тридцать лет назад он был признан животным, находящимся на грани исчезновения.

Знакомство с недавней историей освоения Арктики поражает не только обилием сцен встречи человека с белым медведем, но и количеством бессмысленно уничтоженных животных, легкостью, с которой поднимались стволы тяжелых винчестеров. Получалось так, что, достигнув «края земли», человек уподоблялся худшей форме хищника, не признающего элементарных норм общежития на этой маленькой и пока еще густо населенной планете.

Мне предстояло выбрать свое отношение к белому медведю, и я, не видевший его в естественной среде, думал об арктическом горемыке, которого уж не в насмешку ли сам человек называл хозяином Арктики.

В книге известного ученого-физиолога Коре Родаля «Север» помещены рядом две фотографии, дающие богатую пищу для размышлений.

Эскимос Оота. Это он вместе с Пири достиг Северного полюса в 1909 году. Известный всему миру Оота, который никогда не открывал для себя Арктику, — он ее естественная и необходимая частица, рожденная под всполохами северного сияния и после прожитой жизни ушедшая зеленым лучом в ночное небо. Именно об этом может рассказать мудрый взгляд эскимоса Ооты.

На фотографии, помещенной рядом, норвежский охотник Генри Руди — ветеран Севера, убивший около семисот белых медведей. Ничего не поделаешь — этим прославился самоуверенный завоеватель Арктики Генри Руди. Ему кажется, что он прочно стоит на холодной земле: карабин за плечами, улыбка за пышными усами, взгляд победителя.

Сколько их было, победителей Арктики?! Почему же все-таки она предстает перед нами еще и теперь в величии и красоте первозданной, сохранившей и характер свой, и чистоту снегов, и богатство животного мира?

Суровостью и бескрайностью ее просторов не объяснить всего, что человек не успел переустроить на свой лад, трансформировать, уничтожить. Главная причина заключается в том, что «завоеватели» всегда оставались здесь людьми случайными. Ее подлинными героями становились люди, открывающие для себя и цивилизации эту великолепную страну.

А коренные жители арктического побережья не были ни завоевателями, ни героями.

Со старой фотографии бросил на нас умный и спокойный взгляд эскимос Оота. В нем уверенность, что новое поколение людей, пришедших с Большой земли, научится быть менее самоуверенным перед лицом северной природы. Нанаун не был знаком с дальним братом своего племени Оотой, но и его протяжная песня о том же. И еще о том, что подлинное величие человека все-таки в осознании его скромной роли в жизни под всполохами северного сияния.

А мои первые белые медведи пришли из книг, которые случайно попались под руку. Теперь предстояло серьезно знакомиться с научной литературой...

Ежегодно в течение десяти лет московский биолог Станислав Егорович Беликов прилетал с небольшим полевым отрядом на Остров. Так называемые полевые рабочие имели дипломы и специальности, далекие от биологических наук, но по логике фанатиков такого рода считали лучшим местом проведения своего отпуска арктическую землю. Я не знаю, что может быть надежнее таких людей. Тяготы и лишения они воспринимают не просто со стойкостью путешественников периода Великих географических открытий, а как некий дар судьбы, ниспосланный им за их старания. На таких же правах в последний сезон работы Беликова в полевой отряд были приняты будущие научные сотрудники заповедника Гаев и Придатко.

Для углубления исследований по экологии и поведению медведей в берложный период группа работала в горах Дрем-Хеда, изучение экологии и поведения белых медведей вне берложного периода проводилось в основном на мысе Блоссом.

Мой приезд на Остров совпал с тем неопределенным периодом, когда недавно организованный заповедник только приступал к развертыванию научно-исследовательской работы, методичному сбору материалов по «Летописи природы». Беликов планировал свою работу на Земле Франца Иосифа, и поэтому за два последних года мы не имели представления о том, как живут наши подопечные медведи теперь уже на заповедной земле. Я считал недопустимым прервать многолетние наблюдения по белому медведю даже при отсутствии специалиста.

Мне казалось, серьезная работа предшественников настолько облегчит проведение учетных работ на берлогах и сбор сведений по экологии и поведению животных, что нам не придется сильно напрягать «умные головы». Двадцать шесть научных публикаций Станислава Беликова, статьи и монографии его коллег и учителей — да можно ли отставить все это в сторону, потерять нить, ведущую к пониманию процессов, происходящих в природе во времени и пространстве. Главная трудность представлялась в практическом применении имеющихся методик, практической организации, в частности, учетных работ.

Но именно серьезность проводившихся в прежние годы исследований послужила препятствием и сковала инициативу молодых сотрудников заповедника, которым я предложил подготовить программу исследований по белому медведю. К этому примешивалась боязнь увязнуть в теме. Денисенко бредил ловушко-сутками одного из самых загадочных зверьков арктической

земли лемминга, Придатко видел себя снова на птичьих базарах, Казьмина ждали овцебыки на горах Безымянных.

На Острове закончилась полярная ночь. Нужно готовиться в тундру, на Дрем-Хед, на Уэринг. Мало беспокоясь, что берусь за ответственное и к тому же не свое дело, я принялся составлять методички, карточки, журналы, готовить картографический материал. Кошунствовал ли я при этом?

При всем уважении к науке, занимающейся изучением диких животных, я далек от мысли, что постигнуть ее основы может лишь человек, имеющий формально биологическое образование. Люди издревле учились наблюдать за Дикой Природой и, к счастью, приобретенное умение, оформляясь в науку — экологию животных, не замкнулось еще за прочной стеной математических формул. Далека работа натуралиста-зоолога и от шаблонных трафаретов, именуемых «школой».

Дикая Природа предстает перед наблюдателем в такой многообразии, изменчивости, разветвлении путей ее развития, что процесс конкретного наблюдения останется основным инструментом и в следующем веке.

Так примерно успокаивал и настраивал я себя, не отрываясь от научных отчетов, статей, богатой литературы, залежавшейся на библиотечной полке заповедника.

Методика проведения учетов берлог составлялась в расчете на получение наибольшего количества данных, сравнимых с результатами наблюдений группы Беликова. Наблюдатель должен определить тип берлоги (временная, родовая), закартировать ее, отметить абсолютную высоту над уровнем моря, относительную высоту и положение на склоне, экспозицию, время вскрытия и время ухода из жилища медвежьего семейства и по возможности его состав (количество медвежат).

После того как медведи покинут берлогу, замеряется длина ее коридоров, площадь комнат-камер.

Чтобы пронаблюдать весь период вскрытия берлог и момент ухода их обитателей, нужно находиться на определенном участке с конца февраля до последних чисел апреля. Частые пурги быстро уничтожают следы, наглухо закрывают пустующие берлоги, так что наблюдатель должен пользоваться периодами затишья и иметь достаточную тренировку для работы в такие дни на износ. Группа минимум из двух человек может провести полный учет на участке площадью в двадцать пять квадратных километров.

На стадии уточнения нашей программы я отказался от проведения обездвиживания и мечения медведей на берлогах, чем впоследствии навлек на себя крайнее недовольство «папы», курирующего все исследование по белому медведю. Идея обездвиживания лактирующих самок была его детищем.

Мечение белых медведей в разных странах производилось с 1966 года. Канадские исследователи ловят медведей на суше

петлями, а затем обездвиживают пойманное животное и проводят мечение, норвежцы отыскивают зверей во льдах с помощью зверобойной шуны, американские зоологи для этого используют вертолет. В нашей стране был разработан способ обездвиживания медведей, находящихся в берлогах.

Я полностью доверял Станиславу Беликову — его опыту, многолетним наблюдениям исследователя-энтузиаста, его тысячам километров тяжелого пути по снежным долинам, кручам и перевалам Острова. Он потратил много усилий на обездвиживание и мечение животных на берлогах, собранный материал находился в его диссертации, но накануне защиты он говорил мне, что если бы ему пришлось повторить свою работу, он отказался бы от применяемых ранее методов. И решение это напрашивалось, по-видимому, не только из-за отсутствия (за исключением одного случая) возвратов меток.

С целью более полного представления о распределении берлог по Острову мы готовились определить несколько модельных участков и организовать на них ежегодно действующие стационары. К концу февраля три группы наземных наблюдателей и одна для проведения авиаучетов ждали установления погоды, чтобы начать работу. В планшетке у Казьмина лежали карты-схемы горной системы Кит, а Малышев облюбовал район мыса Уэринг. Готовились в тундру Придатко, Кривецкий, Гаев и другие сотрудники заповедника. Я мысленно уже обходил склоны Малого и Большого Дрем-Хеда, с облегчением передавая свои административные обязанности Анатолию Ивановичу Пуляеву. Он же должен был руководить авиаучетами. Никогда еще коллективу арктического заповедника не приходилось так дружно готовиться к выполнению одной общей задачи, требующей участия «на равных» служителей науки и государственной охраны.

На Дрем-Хеде я был не один. Черный пес с белоснежным галстуком составил рабочий дуэт. С тех пор все эти годы мы часто остаемся вдвоем на медвежьих берлогах и у нас никогда не возникает потребности в общении с моими или его собратьями.

Щенка месячного возраста от чистокровной лайки мне подарили на Острове. Я назвал его Юганом. Юган — по-хантыйски Река. В четыре месяца от роду он впервые увидел белого медведя. Через село неспешно шагало семейство, состоявшее из почтенного вида мамыши и двух великовозрастных медвежат. Собаки на привязях устроили великий гвалт, а мой щенок из солидарности с ними и пользующийся по своему малому возрасту свободой, погнался за зверями, как будто только тем и занимался от рождения, что выпроваживал крупных хищников из села.

При его приближении медведица остановилась в раздумье и, вытянув упругую шею в сторону щенка, с шумом выдохну-

ла тугую струю воздуха на его острую мордашку. Щенок отлетел в сторону и тут же закружил вокруг семейства с повизгиванием и надрывным щенячьим лаем. «У-гу-гу-у...» — завыли еще громче ездовые собаки у дома Романа Попова.

Унизительной рысцой бросилась медведица из села. За ней почти весело заторопились молодые медведи.

Проводив «гостей» до ближнего оврага, Юган возвратился взерошенный, но очень довольный собою. Он смело прошелся среди местных ездовых лаек, те его внимательно обнюхивали, удивленные поведением щенка, и, видимо, страшно завидовали.

В первую свою зиму Юган специализировался на поисках леммингов под снежным покровом. Он не мог знать, конечно, что зимняя экология зверька мало изучена и это очень беспокоив научного сотрудника Сашу Денисенко. Но замыслы его Юган понял сразу же, тем более что они совпадали с личным желанием разобраться, кто это там шуршит под твердой коркой наста.

Обнаружив неясные шорохи, Юган подпрыгивал высоко в воздухе и, приземлившись на широко расставленные лапы, внимательно выслушивал, какой эффект в лемминговом логове произведен его действием. Обычно там на зимних квартирах хозяева начинали метаться и выдавали с головой свое присутствие. Теперь можно было и поскоблить когтями прочный наст, пока на помощь с саперной лопатой не подоспеет научный сотрудник.

Меня радовали такие уроки. Но щенку необходимо серьезное воспитание, и на несколько месяцев он был отправлен в бухту Сомнительную.

Семен Чайвын, прекрасный в прошлом промысловик-охотник, обещал, что в компании ездовых собак Юган пройдет настоящую собачью школу. Действительно, быть принятым в особый клан, составляющий упряжку, где действует сложная иерархия и царит Закон Силы, не так-то просто, но прошедший через это пес приобретает сполна мудрость своего племени.

Однажды Семен приехал на упряжке в село Ушаковское, и я издали наблюдал за молодым Юганом. Он сильно возмужал, покрылся густой жесткой шерстью. Устроившись клубком на привязи, он неподвижным угрюмым взглядом следил за домом, где прошло его детство. Ни стонув, ни жалоб я не услышал от него. Семен Чайвын бросил по очереди всем собакам по куску копальхена. Свой паек Юган не уступил никому.

Через день упряжка ушла в бухту Сомнительную. Чайвын не разрешил мне подойти к Югану даже перед самым отъездом. Когда же я через некоторое время приехал, чтобы забрать собаку, Юган воспринял мое появление спокойно, как

должное, от щенячьих восторгов у него ничего не осталось, а сдержанное желание быть обласканным выразилось в частом прикосновении холодного носа к моей руке. Школа у Сена Чайвына наложила отпечаток на всю его жизнь.

В первый маршрут на Дрем-Хеде мы вышли в сторону перевала. Чтобы не соблазнять Югана лемминговыми норами и сразу дать понять, что мы здесь по гораздо более серьезному делу, пришлось держать его на привязи, и он тащил меня вверх по долине с таким же упорством, как будто за ним была нартовая упряжка. На Острове собак впрягают в нарты цугом и команды предназначаются вожажу. Юган занимал в упряжке Чайвына скромную рядовую роль, но я решил подшутить над ним и под шум встречного ветра принялся выкрикивать: «Поть-поть. Кых-ких. Поть...»

Крупная голова показалась из берлоги

Юган заметался из стороны в сторону, натягивая с еще большей силой поводок. Потом неожиданно присел на задние лапы и тонко протяжно завыл. Мне стало неловко за неумелую шутку, и я поторопился успокоить и приласкать пса.

За перевалом мы натолкнулись на следы крупного зверя» Не раздумывая ни минуты, Юган потянул меня по пологому спуску — его несколько не беспокоили усиливающаяся поземка и опасность неожиданной встречи со зверем. Но я не стал рисковать, да и в планы мои входило научить собаку отыскивать берлоги и не обращать внимания на всех остальных животных.

Мы повернули на свои следы и дружно скатились с перевала. У самого подножия крутого склона совсем рядом с тем местом, где мы недавно поднимались, пес неподвижно застыл, подпрыгнул высоко в воздух и принялся с азартным лаем раскапывать плотный снег.

Я сидел рядом, отдыхая и не сомневаясь, что он вспомнил уроки Саши Денисенко. «Только вот склон слишком крут для леммингов», — успел подумать я. Резкий удар снизу встряхнул и меня и собаку.

Потолок медвежьей берлоги раскололся, тонкие плоские куски снега приподнялись и сквозь них бесшумно просунулась желтая голова медведицы. До нее было в прямом смысле «рукой подать», но я не спешил увеличить разделяющее нас короткое расстояние. Чувство, не похожее на страх, сковало меня, состояние невесомости казалось даже приятным. С трудом и не сразу я начал улавливать, что все трое мы находимся в движении — странно замедленном и лишенном всяких шумов и звуков.

Красный застывший глаз медведицы обращен на меня, к ее черному мокрому носу мягко накатывается упругая складка кожи, челюсти слегка размыкаются, и две широкие лапы двинулись к поводку, соединяющему нас с собакой. Юган качнулся и поплыл в воздухе. Я начал движение лицом вниз по склону, замечая, что поводок медленно отодвигается от медвежьих лап. Чувство времени и мир звуков возвратились ко мне, когда я коснулся щекой острого заструга.

Тело мое через голову катилось по склону, Юган громко грызлся и влаивал, с трудом или неохотой поспедал следом, медведица била, точно в истерике, лапами по снежной крыше берлоги, издавая утробный звук, напоминающий гудок далеко проплывающего теплохода. Только спустившись в долину, я ощутил резкую боль в голеностопных суставах — они были повреждены от чрезмерных усилий в тот момент, когда мне казалось, что тело находится в неподвижности.

Из этого случая мы с Юганом извлекли серьезные уроки. В поисках берлог я никогда больше не оставлял на собаке ошейник и не водил ее на поводке. Юган правильно пользовался предоставленной ему свободой: не гонялся за встретившимся на его пути песцом, не раскапывал леммингов, стал более внимательно обследовать снежные надувы, проявляя при этом осторожность. Он понял, что для хозяина нужно найти берлогу и после этого можно с чувством исполненного долга переходить на поиски другой. Должно быть, Юган со временем пришел к выводу, что хозяин отыскивает в горах Дрэм-Хеда, на Уэринге, на Безымянных горах какую-то только ему известную хозяйку снежной хижины, но каждый раз при очередной встрече на берлоге с сожалением убеждается в тщетности своих усилий и дает команду срочно уходить.

Со временем большинство работников заповедника освоили методику учетных работ. Научные статьи, сообщения в печати открывали новые возможности наблюдения за состоянием воспроизводства медвежьей популяции в северо-восточном секторе советской Арктики. Главное, мы работали на «Летопись природы», в которой простые факты с годами приобретают все большее значение для исследователей, обеспокоенных дальнейшей судьбой белого медведя. Опыт работы недвусмысленно показывал, что на берлогах человек всегда должен оставаться лишь внимательным наблюдателем, вообще исключив любые последствия своего присутствия в «святая святых» — родильном доме медвежьего царства.

По-разному вел себя человек на берлогах. Было время, когда он азартно ловил на мушку карабина появившуюся из-под снега обеспокоенную медведицу. Естественно, что от таких «охот» численность зверя заметно сокращалась. К чести первопоселенцев Острова, при первом его начальнике Георгии Алексеевиче Ушакове такой способ добычи зверя не получил распространения, а оставался лишь редким исключением. По ведомости поступления пушнины на факторию за первые два года было сдано-добыто (черного рынка тогда еще не существовало) двести пятьдесят четыре медвежьих шкуры. Самки из этого числа составляли не более десяти-пятнадцати процентов, причем большая часть — это взрослые одиночные звери. Вспомним, что от результатов добычи белого медведя, моржа в ту пору зависел во многом, если не в основном, исход нелегкого предприятия по освоению арктического Острова. Эскимосам и тогда известны были берложные места, но, видимо, ими руководило чувство, забытое в последующие годы.

Тридцать лет промысел белого медведя на Острове оставался примерно на одном уровне, но на берлогах позднее добывалось до восьмидесяти процентов от общего количества добытых животных. Слишком уж легкую форму охоты находили промысловики-охотники — безопасную и не требующую тяжелых физических затрат. Зная теперь Остров как уникальный очаг воспроизводства белого медведя, следует удивляться не тому, что численность крупного хищника оказалась подорванной, а жизненной силе его как вида, сумевшего пережить подобное.

Вслед за «человеком с карабином» пришел ученый человек. У него были благие намерения, умные идеи. Но в руках он держал «кеп-чур» — ружье, стреляющее шприцами. Что несли летающие шприцы белому медведю?

Один из жителей Острова, которому не раз приходилось присутствовать при работе научных экспедиций, поделился некоторыми подробностями и вспомнил свои собственные ощущения при наблюдении за обездвиженным животным.

— Вы тоже считаете, что для медведицы, кормящей малышей,

вся эта процедура с обездвиживанием и мечением проходила бесследно? — спросил я старого островитянина.

Он отодвинул от себя кружку крепкого чая и надолго задумался. Потом, не торопясь, приступил к рассказу:

— В то время некому было задавать себе или другим подобный вопрос. Ученые не сомневались в необходимости проведения массового мечения медведиц ради их же пользы, а нам интересно было наблюдать и оказывать помощь.

Со стороны все происходило как на охоте в прежние годы. Собака находила берлогу и человек стрелял в зверя. Лучше всего, если шприц попадал в щеку, тогда препарат срабатывал надежнее.

Медведица пыталась вырвать из тела шприц с иглой и пряталась в снежной крепости. Если выстрел производился удачно, то через десять-пятнадцать минут берлогу начинали раскапывать. Делали это, иногда не переждав положенное время, но с большими предосторожностями.

Средство нервно-паралитического действия — сернилан, как объясняли нам, закупалось в далекой Англии. Там оно, кажется, применялось на обезьянах. Действовало оно всегда поразному. Раскапывая берлогу, мы не знали, в каком состоянии находится медведица и сколько времени продлится период обездвиживания. Говорили, что средство с сильно просроченным сроком применения.

Медведица все чувствует, но не в состоянии владеть своим телом. Часто она бьется в конвульсиях и кажется, что вот-вот сдохнет, изо рта течет пена.

При вскрытии берлоги медвежата (обычно их двое) забиваются в дальний угол, жмутся друг к другу или нервно дерутся между собой. Когда берешь медвежонка за шкварник, он поднимает истошный крик, похожий на плач ребенка. Может и обмараться с перепугу.

С метками на ушах медвежата прижимаются к матери. Тоже меченая, с вырванным зубом и татуировкой на внутренней стороне губы, медведица медленно приходит в себя, учится управлять своим телом. Пошатываясь, закапывается она в снег или уводит свое семейство в неопределенном направлении. Иногда она просто забывает о детях и уходит одна. Были случаи, когда, очнувшись, медведица съела медвежат и после этого, как в полусне, брела к морским торосам.

Я слушал островитянина, прожившего в Арктике большую часть своей жизни, и понимал, что вспоминать ему эти подробности нелегко. И тогда я поведал ему, с какими трудностями удалось закрыть программу мечения белых медведей на берлогах.

На ее продолжении настаивал ученый с «большим именем», живущий, конечно, в столице и уверенный в том, что Арктика входит в состав его научной лаборатории.

У Владимира Солоухина в его «Камешках на ладони» встретилось неожиданное: «Спыхватились: под угрозой истребления находится белый медведь. Ученые правы: нельзя допустить, чтобы такая уникальная биологическая модель исчезла на наших глазах. Чтобы сохранить, стали изучать. Брошены самолеты, вертолеты, стреляют шприцами, усыпляют и нумеруют. А чего бы проще: договориться и оставить их в покое. Пусть живут и размножаются. Мы же люди. Неужели нельзя договориться?»

Как просто, правильно и по-людски!

Прав писатель, когда он противится поднятой вокруг дикого животного шумихе! Он против повального обездвиживания, против шприцев с серниланом, испытанным кем-то и когда-то на приматах, ему никто не докажет, что громадные номера, нарисованные на полосе выстриженной шерсти на боку белого медведя, нужны именно медведю и делается это для его блага. Писатель не против науки, он против варварских методов, ряженных под науку.

Отстаивая неприкосновенность белых медведей на берлогах, я получил поддержку руководителей Главохоты и Всесоюзного НИИ охраны природы.

На Острове мы стараемся как можно меньше причинять беспокойства животным. Это проблема проблем, она постоянно обсуждается и в неофициальном кругу, и на ученом совете. Не все удается в полной мере, потому что человек не может раствориться в окружающей его среде, стать невидимым, юн не может обойтись и без ошибок. Большинство медведиц так и не подозревают, что мне удалось пронаблюдать какой-то момент в их жизни, домыслить не увиденное, но прочитанное по оставленным следам. Но там, где наблюдатель ошибается, нарушая естественный уклад дикого животного, он не имеет права забывать о случившемся. По хорошей традиции в заповеднике мы не скрываем друг от друга подобные случаи, извлекаем из них полезные уроки. Иногда откровенность вызывает упреки, негодование. Но это и есть та правда, что живет между нами.

В летнее время в период гнездования птиц мы практически не пользуемся авиацией. При проведении весенних авиаучетов также отмечены целые районы, где полеты запрещены или крайне ограничены. С предосторожностью высаживаясь в одной из малоизученных горных систем, мы однажды потревожили медведицу. Оставив берлогу, она уходила в сопки. Странно вел себя медвежонок: он отнюдь не торопился, часто останавливался поглазеть на железную машину, наделавшую столько шума, поглядывал в сторону берлоги.

До животных было не менее четырехсот метров, так что, оставшись здесь с егерем одни, мы не служили бы помехой медвежьему семейству. Летчик-инструктор Валерий Васильевич

Павленко махнул нам рукой — выгружайтесь, мол, побыстрее. Нехитрое полевое снаряжение полетело на снег, но тут случилось непредвиденное. Привязанный на длинный поводок Юган запутался между сидений, и мой напарник расстегнул на минуту его ошейник. Пес проскочил между его рук и, оказавшись на свободе, бросился напрямую к берлогу. Юган не преодолел еще и половины расстояния, а я понял, что берлога не пуста, и понесся за собакой

Там находился второй медвежонок. Он истошно вопил, и медведица поспешно возвращалась к своему жилищу. Ухватив Югана за загривок, я поволок его к машине, проклиная все на свете. Как только мы стали удаляться, медвежонок пустился вдогонку, не обращая внимания на собаку и больше всего опасаясь одиночества. Он потерял мать и готов был искать ее в каждом движущемся предмете. Наивная простота детства! Не находя выхода, я ткнул в его нос собачьей мордой. Он возвратился к берлогу, а Юган с неохотой попевал за мной, облизывая на ходу щеки.

Наши вещи находились снова в вертолете, и мы тотчас взлетели, наблюдая издали на большом развороте, как воссоединилось побеспокоенное семейство. Планы быстро пришлось менять. Мы высадились у балка на мысе Уэринг, взволнованные не менее, чем если бы в полете у нас забарахлил один из двигателей. Экипаж не торопился улетать, да и после выпитого чая между нами оставалось что-то недосказанное.

Полярные летчики, с которыми приходится работать на Острове, имеют собственное мнение о заповедном деле. Они не довольствуются ролью воздушных извозчиков, им небезразлично, на какого заказчика они работают. Остров для них заповедь не менее строгая, чем для нас.

— Разве мы не видим, как расправляются с природой Чукотки некоторые хозяйственники? — откровенно признался как-то Павленко. — И не без нашей помощи. Во многих местах авиация остается основным средством связи с геологическими партиями, отделениями оленевческих совхозов, бригадами рыбаков, промысловиков-охотников.

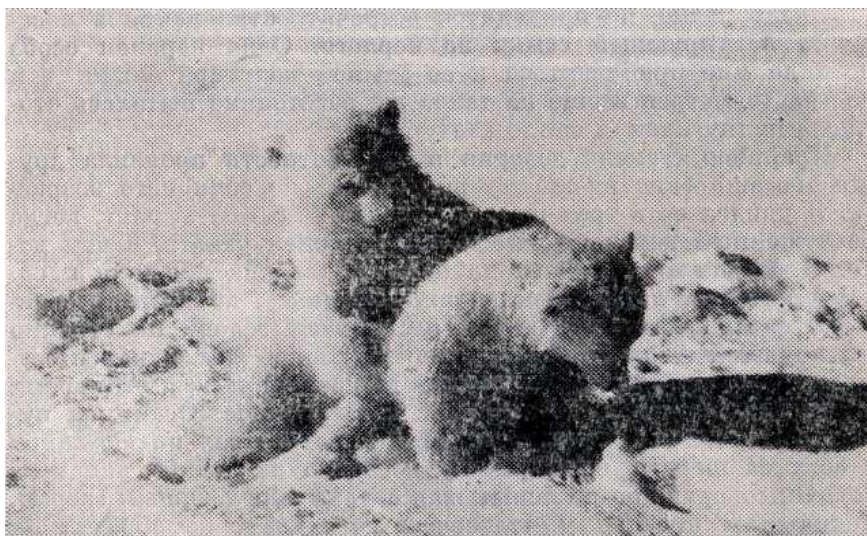
Далеко не всегда человек согласует свои действия с необходимыми принципами пользования природой. Особенно когда он остается с ней один на один в арктической тундре, в горах. Работая с такими людьми, и сам чувствуешь себя виноватым...

В тот день я чувствовал себя виноватым перед медвежьей семьей, перед экипажем. Мое настроение передалось и молодому егерю.

Одно время я работал на учетах берлог без собаки. Юган тоскливо выл на привязи, сельчане подсказывали моей жене, что в тундре должно произойти что-то неприятное. Я действительно

провалился в занесенную снегом берлогу, но она оказалась пуста.

Примерно в то же время два сотрудника заповедника Александр Малышев и Михаил Стишов попали в сложную ситуацию, которой могло и не быть при работе с собакой. При обследовании восточного побережья они проходили по льду вдоль береговой линии под скалами птичьих базаров. Всю долгую зиму здесь нет птиц, а в снежных надувах залегают медведицы. Обойти такой участок нелегко: на каждом шагу путь преграждают хаотические нагромождения торосов высотой до шести-восьми метров, глубокие трещины льда; тонкая узкая полоска припая остается сравнительно ровной, но и она часто обрывается у самых скал. Прижимаясь к скалам, они не заметили, как за крутым поворотом с очень крутого снежника

Медвежата резвятся

скатилась медведица. Она тоже почувствовала присутствие людей слишком поздно. Встретились человек и зверь. Медведица двинулась на людей, они торопливо отошли за ближайший торос. Малышев неожиданно оступился и упал, Стишов остановился, не смея бросить товарища. У человека и зверя различные реакции, способы защиты и нападения: зверь силен, у человека в руках карабин. Каждый из них может уничтожить другого, их спасение только во взаимной выдержке.

Человек, так неловко лежавший на льду, давно уже разучился воспринимать вечно обеспокоенных за свое потомство

мамаш как крупных хищников. И он протянул к ней навстречу карабин, не смея произвести выстрел,— так мирный путник направляет свой посох, чтобы предотвратить нападение резвой собачонки. Медведица подскочила вплотную к человеку, выдохнула ему в лицо все свое раздражение, рывкнула в сторону того, кто стоял в двух шагах неподвижно, и торопливо двинулась к берлогу.

И все-таки подобные случаи крайне неприятны. Назовем ли мы их нарушением техники безопасности, простой случайностью или роковой неизбежностью при наблюдениях за крупным хищником — от этого суть дела не меняется. Мое мнение заключается в том, что при работе на берлогах у человека должен быть четвероногий помощник, обладающий специальными качествами, отличающими его во многом от зверовых охотничьих собак.

Очень редко, но приходится встречать отклонения в поведении лактирующей самки на берлоге. Одна нервная особа не дала мне приблизиться к ее зимней квартире ближе чем на триста метров и еще на такое же расстояние пыталась отогнать, припугивая и смело наступая.

Крайнюю степень доверия и беззаботности проявила другая мамаша — по внешнему виду довольно солидного возраста. Я увидел ее в трех шагах от балка на мысе Уэринг, когда разбуженный нервным лаем Югана, вышел узнать, в чем дело. Переваливаясь с ноги на ногу, медведица подошла к собачьей миске, легко расплющила ее, так и не воспользовавшись содержимым, и, сильно раскачивая голову на странно вытянувшейся шее, удалилась на небольшое расстояние и безмятежно развалилась на снегу. Медвежонок все это время находился с матерью. Величиной чуть меньше Югана, он путался под ногами медведицы или, схватившись по-обезьяньи с боку за шерсть, вприпрыжку поспевал на задних лапах за ней. Он совершенно не испытывал страха перед черным зверем, поднявшим шумиху у человеческого жилья, не обратил он внимания и на меня. Пристроившись к соскам развалившейся на снегу матери, он и вообще забыл о нашем присутствии. Юган свернулся клубком у раздавленной посуды, но уши направил в сторону медвежьего семейства.

Встречи, встречи, встречи. Иногда мне кажется, что я и правда нахожусь в поисках какой-то одной, ранее мне знакомой медведицы. Встретить ее, убедиться, что через определенный срок она вновь возвратилась к горам Дрем-Хеда, и можно прекращать хождение по снежным склонам под пронизывающим ветром, под обжигающим лучом солнца.

Каждый год после окончания полярной ночи начинаются сборы и подготовка к новому полевому сезону. Юган внимательно наблюдает, как укладывается снаряжение, и преданно смотрит в глаза. Он никогда не видел крови диких животных.

Его хозяин не останавливал бросившегося на него зверя. В добром и немного грустном взгляде раскосых глаз, сибирской лайки можно прочесть понимание той важной роли, что отведена ей. Она знает, для чего иногда рискует своей жизнью, и не в обиду на хозяина, что он в меньшей степени подвергает себя этому риску.

Для меня каждая встреча с хозяйкой снежной хижины происходит несколько неожиданно. Скупые строки в полевом дневнике восстанавливают через годы до мелочей грани вечного треугольника, дошедшего до нас из пещерного века: дикий зверь — человек — собака.

Мы пришли к тебе с миром, хозяйка снежной хижины, не гневайся на нас.

Вот и еще одна встреча. Мы бродим полдня по каменистым террасам. Мартовское солнце сжигает лицо, тридцатиградусный мороз с ветром холодит тело под меховой кухлянкой. Юган не страдает ни от жары, ни от холода. Он отработал быстро две берлоги, показал, что медвежьи семьи уже покинули их, и для убедительности пробежался по льду, указывая их путь к темнеющим за торосистым полем разводьям. В той стороне пушечными выстрелами рвутся ледяные глыбы, и заботливые мамы приучают своих малых детей к обычной для белых медведей жизни во льдах.

Я успеваю сделать замеры коридоров и комнат-камер в опустевших берлогах, когда на ближайшем склоне раздается короткий лай Югана. Из темного отверстия вырастает голова медведицы. С поразительной для крупного зверя быстротой она делает загребущее движение лапами, но собаке знакомы такие приемы: высоко подпрыгнув, она отскакивает в сторону.

Реакция у белой медведицы на появление собаки такая же, как на частую спутницу крупного хищника — полярную лисицу: она понимает, что медвежата в безопасности, а назойливого зверька достаточно припугнуть, и опять у берлоги восстановится тишина.

Медведица выдыхает с шумом воздух и скрывается, словно растворяется в челе берлоги. Можно представить, как в голубых комнатах она находит медвежат и принимается за их кормление. На ее языке это означает примерно следующее: «Там наверху все нормально. Не стоит волноваться из-за появления такого шумного и несерьезного существа».

Рассуждения Югана и того проще: «Мой хозяин убедился, что я умею искать не только пустые берлоги. Для полного его удовольствия обследую следующий снежник — если бы я был медведем, обязательно завалился б в берлогу вот на том склоне».

Я делаю короткую пометку в полевом дневнике и ничего не хочу добавлять к рассуждениям животных...

Общаясь с животными, в том числе и с домашними, человек привыкает трактовать их поступки, жесты, мимику на свой человеческий лад. В этом пет ничего противоестественного, хотя бы потому, что каждый человек в детстве окружен очеловеченными образами животных, и такая среда не мешает ему взрослеть, набираться ума-разума. Просто тот, кто изолировал себя от братьев наших меньших, раньше забывает свое детство.

Человек в современном цивилизованном мире все дальше отрывается от жизни животных, растений, воды и камня. Смогут ли телевизионный экран или цветные вкладки богато иллюстрированного журнала заменить ему разорванные связи, покажет время. А пока в заповедники страны, в национальные парки всего мира приезжают специалисты с кино- и фотоаппаратурой, чтобы запечатлеть интимный мир Дикой Природы, донести его отражение до людей, не имеющих возможности увидеть все собственными глазами.

В первые годы после организации заповедника на Острове работал кинооператор Ледин. До сих пор на речке Тундровой стоит лединский балок, а о самоотверженности и великом терпении Ледина, столь необходимых при съемках диких животных в естественной среде их обитания, передаются рассказы старожилов; но главное, он снял добрый фильм, повествующий не о добреньких зверях и птицах, а добрый по гуманистическому отношению к природе, призывающий всех людей вдуматься, что можем мы потерять, если будем расточительны и невнимательны к ней.

Пропаганда идей охраны природы — одна из задач деятельности государственных заповедников нашей страны. Конечно, легче прочесть несколько лекций, чем вывезти одного фотокорреспондента на заповедную территорию и дать ему возможность сделать удачный кадр. Но вряд ли люди захотят когда-нибудь обходиться словесными описаниями заповедных территорий, забывая конкретные образы животных, формы растений, ландшафты.

Вот ко мне обратился этолог Никита Овсянников с предложением снять научно-популярный фильм о жизни пса, о работе советских ученых по изучению социального поведения полярного хищника. Предварительная договоренность с кинохроникой имеется, и сомневаться в нужности такой киноленты не приходится. По сути дела, на современном уровне научных задач профессионально снятые кинокадры должны находиться под рукой ученого, а выстроенные в интересный и поучительный сюжет, передаваться на большой экран массовому зрителю. Главное, чтобы при выполнении таких задач не наносился вред живым и неживым объектам природы. Но пусть этолог Овсянников не надеется, что его подопечные песцы Люсьены, Людвиги, Марины и Кроши совершенно не почувствуют беспокойства

при съемках фильма. Почувствуют. И поэтому мы неохотно даем согласие на присутствие чужих людей.

Год назад на Остров пробивалась съемочная киногруппа Свердловской киностудии. Что-то они там замыслили совместно с ГДР и без арктического Острова, без белых медведей у них ничего не получалось. Для начала я на такие неожиданные наскоки, когда неизвестна идея съемок, даю отказ. Причин много: все люди находятся в тундре, медведицы покинули берлоги... Часто этого бывает достаточно, и нас перестают беспокоить, заменив белого медведя на бурого. Но в этот раз свердловчане заручились доброжелательным согласием Главохоты РСФСР (сумели доказать там свою идею!) и атаковали нас телефонными звонками, каждый из которых показывал, что они уже находятся на пути к Острову. Из Москвы, из Свердловска, из Магадана, из Певека, с Мыса Шмидта.

В Ушаковском мы признались, что медведи: у нас на берлогах «есть»...

Мы идем по острым снежным застругам к розовеющему склону невысокой горы. Своим спутникам я на ходу объясняю:

— В нашем распоряжении будет буквально несколько минут. Медведица очень активная. Полторы недели назад она вскрыла берлогу, но не торопится ее покинуть. Меня она терпит, но я не подходил к ней ближе наблюдательного пункта, а вот Югана встретила бурно.

Пока мы проходим по широкой равнине, глаза устают от обилия света и красок. Равнина и ближние склоны блестят, как полированное зеркало, отражая прямые солнечные лучи. Кажется, мы находимся в центре пучка света, направленного огромной зеркальной линзой,— он слепит глаза, сжигает кожу на лице. Только розовые и голубые краски дальних холмов и гор радуют глаз, но, приближаясь к ним, видим, как они отодвигаются все дальше, и эта игра тоже начинает утомлять.

Метров за двести от берлоги из снежных кирпичей выложены две стены в половину человеческого роста. Они укрывали меня в ветреную погоду, когда по восемь-десять часов я просиживал здесь, наблюдая за медвежьей семьей.

Медведица всегда как-то неожиданно появлялась из берлоги. Два медвежонка, один из которых был заметно крупнее другого, проталкивались тут же между ее ног и лихо скатывались вниз метра на три, сколько позволяла нижняя часть склона. Когда я их увидел впервые, они ни на шаг не решались отойти от матери, а того, кто поменьше, медведица вынуждена была поднимать в зубах в берлогу после окончания прогулки. Теперь даже маленький медвежонок хорошо владел своим телом, лазил, хоть и не высоко, по склону и скатывался оттуда, норovia переогнатъ более грузного брата.

Медведица прогуливалась по равнине, срывала тонкую снежную

корку на продуваемых ветром местах, отыскивая нужную ей сейчас растительную пищу. Медвежата с большой точностью копируют мать: для этого нужно слегка напыхиться и, переваливаясь с боку на бок, солидно прошагать перед материнским носом — пусть посмотрит, какого самостоятельного зверя она вынырнула в берлоге. Игра быстро надоедает, и медвежата сбиваются с шага, бросаются к матери и мельтешат между ног, хватаясь за густую шерсть, за соски с молоком. Однажды, заигравшись, медвежата приблизились почти вплотную к снежному скородку, из которого я наблюдал за ними. Медведица торопливо подошла к ним, подтолкнула носом маленького в сторону берлоги и так недовольно рявкнула, что оба медвежонка пустились вприпрыжку, а Юган, дремавший на оленьей шкуре у моих ног, заметался спросонья, считая, что наступила минута для его вмешательства. Я успокоил пса, а семейство долго еще продолжало прогулку. По тому, как мало присматривалась медведица к нашей баррикаде, напрашивался вывод, что она отлично осведомлена о нашем присутствии, тем более что без нас она подходила к засидке и выворачивала по полстены. Она это делала с незлобным, как мне кажется, упрямством.

Мы останавливаемся у наблюдательного пункта. Здесь все вытоптано широкими лапами медведицы, а круглые следочки медвежат обрываются в нескольких метрах от засидки и появляются с противоположной стороны. Снежные стены развалены основательно.

Кинооператор снимает первые кадры, после чего мы производим капитальный ремонт снежных стен, расстилаем внутри оленью шкуру. Остается ждать. Теперь все зависит от нашей выдержки и планов медвежьей семьи.

В этот раз медвежата первыми вывалились из берлоги. Медведица уселась, позевывая, на плотном снежном валике у входа в берлогу, задумчиво поглядывая поверх расстилающейся снежной равнины, за которой мерцали белесые льды. Этот рассеянный взгляд появился у медведицы дня два назад, он направлен к морю, призывающему ее к себе.

Рядом с кинооператором мой давний знакомый геодезист из Магадана Сергей Бурасовский. Он по роду своей деятельности часто бывает на Острове, но в этот раз, узнав о предстоящих киносъёмках, приехал специально в счет своего отпуска. Многие магаданцы знакомы с его фотоработами — они о людях и природе Севера. Мне нравится, что Сергей никогда не настаивает на «организации кадра», он ищет и добывает его сам между своих и людских дел, никому не добавляя хлопот. Может быть, поэтому и люди и животные так естественны на фотографиях, сделанных им.

Медведица повела медвежат по равнине к морю. Был момент, когда мы совсем потеряли из виду семейство, но вскоре

по своим же следам медведи возвратились к берлоге. Последние полкилометра медвежата далеко опередили мать и расселись у входа в берлогу, поджидая ее.

— Неужели вам недостаточно отснятых кадров? — спросил я у кинооператора.

— Нужен крупный план. Не во весь экран,— ответил свердловчанин,— но обязательно с деталями.

— Ну, давайте попробуем, только учтите, что в нашем распоряжении будет всего несколько минут.

Я отдал Сергею карабин и указал ему примерно, где он должен находиться, после чего прихватил треногу кинооператора и направился к берлоге. Юган тут же понял свою задачу и для начала пробежался по большому кругу, принохиваясь к следам, прислушиваясь к возможным шорохам. Метрах в двадцати от берлоги я оставляю треногу и оператора,, показываю ему знаками, что в случае чего он должен оставить этот предмет на месте и быстро отступить. Впереди — темное чело берлоги.

Тонкое поскрипывание ледоруба о твердый наст — еще несколько осторожных шагов. Втыкаю ледоруб глубоко в снег, метра на два вперед бросаю меховую рукавицу — в случае решительных действий медведица это задержит ее на доли секунды, необходимые мне...

Метрах в десяти от входа в берлогу Юган начинает хитрить: идет боком, будто забыл, где она находится, вот-вот пройдет мимо. Такая предосторожность нужна, чтобы сбить с толку зверя, который прекрасно слышит под снежной крышей, что происходит у крыльца его дома. Неожиданно следует резкий прыжок в сторону входного отверстия, мелкие шажки, пружинистые и осторожные. Теперь можно и пошуметь на хозяйку.

Разгневанная медведица всем телом выскальзывает из берлоги. Она готова дать настоящую трепку возмутителю спокойствия. Но собака перестает для нее существовать в тот момент, когда она замечает людей.

Движения ее становятся скованными — извечен страх перед существами, заставившими повиноваться всех, кто ходит, летает, плавает и ползает на этой земле. Ссутулившись, втянув голову в плечи и вприщур обреченно приглядываясь к людям в шкурах из оленьего меха, втискивается мать-медведица назад в тесный и теперь такой ненадежный коридор своего жилища. Юган не может простить ей беспомощности и бросается к самой морде.

Поспешно мы уходим от берлоги. Я чувствую еще долго на вспотевшем затылке внимательный взгляд и, оглядываясь, различаю на снежном склоне три черные точки — нос да глаза дикого зверя, выражающие так много переживаний и тонких чувств животного, наделенного сложной и совершенной

психикой. Поверит ли она, что сегодня мы приходили к пей с миром?!

Долгое время мне незнакомо было происхождение довольно странного названия долины на Большом Дрем-Хеде, в которой расположился наш приют. Долина Гномов.

Однажды в беликовском старом балке кто-то нашел и показал мне полуистлевший лист бумаги, с которого — после определенных усилий в прочтении — пришли к нам чьи-то стихи.

Сказкой сегодня гавань Дрем-Хеда,
Дружба матросов старого брига.
Многое было: снега и победа,
Грохот пурги и музыка Грига...

Выдумка брига не кажется шуткой.
Гавань Дрем-Хед далеко не Кейптаун —
Солнце будило нас боцманской дудкой...
Домик когда-то поставил Нанаун.

Несколько четверостиший оказались размытыми, но дальше шел вполне понятный текст о чуде, которое увидел человек, живший когда-то в балке.

Пестрые точки, мельканье одежды,
Люди в окошке на гномов похожи.
Я не теряю спокойной надежды
Снова увидеть их милые рожи.

И — волшебство: при вечернем закате
Гномы в друзей превращаются снова.
Вязнут в снегу, как в смоченной вате,
Снова растут, погружаются снова.

И окрестили Долиною Гномов
Место, где в камень вращалась сторожка.
Злилась пурга, как тысяча громов,
В страхе звенели миски и ложки.

До этого мне представлялась более прозаической причина, по которой долина получила такое название. С Беликовского перевала домик у подножия крутого склона и люди, снующие рядом, кажутся нереально маленькими, почти игрушечными. В глазах белого медведя, вышедшего на перевал, или внимательного человека, увидевшего себя со стороны, долина должна была представляться занятой маленькими гномами, торгнущимися в величественную страну белого медведя. Долина Гномов...

Однажды вспомнив, что орнитолог Василий Иванович Придатко

бывал со Станиславом Беликовым на Дрем-Хеде, я показал ему стихи.

4. А что? Неплохие стихи,— сказал Василий Иванович.— Дело прошлое. Там на Дрем-Хеде я и написал их.

Разговор происходил у него в доме. Василий Иванович снял со стены старенькую гитару, настроил ее и тихо, по-домашнему запел:

Дочка рисует в тетрадке обычной
Дом человеку и дикому зверю.
Чертит окошки рукою привычной:
Это для солнца, для солнца, я верю!

Он давно не брал в руки гитару и вспоминал с трудом куплет за куплетом. Потом вдруг остановился и, улыбаясь, сказал:

5. Был у песни и свой припев.

В моем воображении возникли суровые горы Дрем-Хеда, закрывшие собой от северных ветров светлую солнечную долину и живущих в ней веселых и добрых существ.

Прыг-скок, гномы долины,
Прыг-скок. Цвета калины
Шапки по синим сугробам мелькают —
Солнечный зайчик гномы катают.

Прыг-скок, день провожают.
Прыг-скок, нам помогают.
Вот подарил голубой старичок
Солнца бочонок и неба клочок.

Снова я собираюсь встретиться с долиной Гномов. Маленьким гномом пройти по заснеженным склонам, каменистым террасам, причиняя как можно меньше беспокойства живым существам. Не есть ли это самая большая и сложная задача, которая стоит перед нами?!

БЕЛЫЙ МЕДВЕДЬ — УМКА ИЛИ ОШКУЙ?

Островитяне часто спрашивают: как вы там живете среди белых медведей? Должно быть, страшно и неуютно на осколке земли, который сейчас принадлежит дикому зверю даже в большей степени, чем самому человеку?

И островитяне отвечают: «...по-разному», — потому что сосуществование с крупным хищником на одной территории — это дополнительные заботы и обязанности, которые не всегда легко исполнять. Ждать того, чтобы все жители села Ушаковского испытывали одинаковое эмоциональное удовольствие от встречи с крупным хищником у крыльца своего дома, не приходится. Обязательно кто-то начинает нервничать, решать вопрос о дополнительном освещении улицы в полярную ночь, остерегается лишней раз ходить по гостям. От каждого захода медведей к человеческому жилью больше всего выигрывают собаки — хозяева имеют серьезные основания не держать их в эту пору на привязи, да и вниманием не обходят. Некоторые псы даже специализируются на «медвежьих тревогах» — вдруг проявляют явное беспокойство, скулят, воют, повернув голову с зажмуренными глазами в сторону ближних сопков и украдкой поглядывая на входную дверь, откуда должен появиться хозяин с большим оковалком мяса.

Каждый островитянин может рассказать о тех, всегда случайных встречах с белым медведем, какие ему особенно запомнились. Но после этого почти непременно упомянет, что этот зверь занесен не только в нашу, но и в международную Красную книгу, не забудет сообщить о большом количестве берлог на Острове — таком большом, что сами работники заповедника, занятые их поисками и учетом, не могут точно сказать об их количестве.

С вниманием нужно отнестись к рассказам детей. Маленькие островитяне исключительно наблюдательны ко всему, что касается судьбы диких животных на заповедном Острове. За неимением многих занятий и развлечений, что доступны их сверстникам в больших городах и поселках, они больше вникают в работу и беседы старших, пользуются значительной самостоятельностью. Мне пришлось убедиться в этом следующим образом.

Я находился в отпуске на Малой Сосьве после первых двух лет работы на Острове. Было о чем поговорить со старыми друзьями. Один из них, переступая порог, шутливо сказал:

6. Давно мечтал встретиться с человеком, видевшим своими глазами белого медведя.

На шумный возглас из детской комнаты вышла моя внучка, которая в четырехлетнем возрасте зимовала на Острове, и бойко ответила:

7. Я видела белого медведя. Только он не белый, а совсем почти желтый.

Присутствующий при этом биолог принялся серьезно расспрашивать маленького корреспондента и остался удовлетворенным ее ответами, но имел неосторожность высказать мысль о том, что зверь оказался добрым и совсем не боялся человека, на что получил отпор:

8. Это птичка пуночка добрая и не должна бояться человека. Белый медведь ни добрый, ни злой, его нужно пугать ракетницей и выгонять из поселка. Пока он не привык.

Уверен, что точно так же ответили бы Света и Паша Каургины, Снежана Тымкувги, Наташа Гаева. Многие птицы и звери пришли к ним с раннего детства не из сказок, а в реальном своем обличии. Они знают, что прирученного к человеку белого медведя ждут большие неприятности. Знают и не хотят ему зла.

Работники охраны и научные сотрудники заповедника рассказывают при случае о белом медведе, используя в основном цифровые данные или обращая внимание на особенности поведения животных в конкретных случаях. Даже если встреча с крупным хищником, которая припомнилась рассказчику, происходила с некоторыми осложнениями, требующими практических действий, никаких «охотничьих» рассказов не последует. Белый медведь, как и другие виды животных, представляется для сотрудника заповедника объектом охраны и наблюдения. Эмоциональная сторона присутствует, но составляет для профессионала заповедного дела глубокую личную ценность, поделиться которой он может далеко не с каждым.

Если попытаться составить общее представление островитян о белом медведе, оно будет сочетаться с такими понятиями, как уважение свободы действий дикого зверя, исходящая от него потенциальная опасность для человека, ответственность самих людей за поведение зверя. Не есть ли это показатель высокой экологической культуры островитян проживающих на заповедной территории?!

Численность белого медведя в северо-восточном секторе советской Арктики за последние двадцать лет увеличилась по крайней мере вдвое. Над ним не висит угроза исчезновения — блестящий пример того, как совместными усилиями науки, практики природоохранного дела и, конечно, живущих на арктическом побережье людей была выполнена задача сохранения крупного хищника, ставшего символом Арктики.

В последнее время к нему проявляется повышенный интерес, о нем много пишут, причем в зависимости от опыта и настроения авторов белый медведь предстает перед читателями то в образе разбойника — ошкуя, то в роли добренького умки. Не нужно обладать особой дальновидностью, чтобы предвидеть, чем это кончится: возросшая популярность зверя с противоречивой характеристикой обычно предвещает кампанию, направленную против него.

Белый медведь снова в опасности!

Очень часто на страницах газет и журналов можно прочесть информацию, подобную той, что дал корреспондент газеты «Сельская жизнь» П. Павлов для читателей северных районов Чукотки: «К жителям чукотского поселка Иультин наведался полярный гость — большой белый медведь. Он спокойно разгуливал меж домами и выискивал, чем бы полакомиться. У столовой наконец кое-что обнаружил и спокойно принялся за съестное. В последнее время белые медведи появлялись в нескольких населенных пунктах: на приiske «Красноармейский», в городе Певеке, близ поселка Эгвекино. Полярные гости, как правило, ведут себя степенно, принимают подношения от жителей, позируют перед фотолюбителями».

Что уж тут хорошего. Дикий зверь пришел к людям, попрошайничает, перешагнув опасную черту, отделяющую его жизнь от жизни человека. Но подобные случаи запоминаются читателями надолго и, встретив зверя, многие жители арктического побережья ищут контакты с крупным хищником, щедро закармливают его сладостями, развращают окончательно.

Прирученный к человеку и оставленный потом без внимания, гонимый отовсюду зверь — худшая из возможных пародий на дикого и свободного его сородича. Разве можно умиляться тому, что произошло не по воле животного, а по нашей неграмотности, не сожалеть о случившемся несчастье с диким зверем?!

Каждый год то в одном, то в другом населенном пункте арктического побережья находятся сердобольные жители, чья доброта превращается в зло.

Одно время на Мысе Шмидта баловали и закармливали сладостями взрослого медведя. Комбинат бытовых услуг наладил даже выпуск больших портретов зверя — на них он изображался в величественном спокойствии, как и подобает выглядеть хозяину Арктики. Чья-то рука из-за кадра доверчиво передавала ему банку сгущенного молока.

Кто-то определенно шабашил на белом медведе. Портреты быстро раскупались, зверя узнавали «в лицо» далеко за пределами района.

Но сама знаменитость меньше всего думала о славе. Зверь привык получать подачки и считал это занятие более привле-

нательным, чем охота на нерпу или поиск павшего моржа по побережью. Постепенно он наглел, становился неуживчивым и требовательным к людям. Наконец он стал просто опасен, и те же самые люди, что приручили зверя, с большим трудом изгнали его из поселка.

Случай мало чему научил шмидтовцев. Вскоре полугодовалый медвежонок занял место своего «сродного дядьки».

И вдруг на страницах районной газеты «Огни Арктики» раздался недоуменный возглас: «Почему убили Умку?» С искренним сожалением сообщалось о том, что «медвежонок, которого на мысе Шмидта знал каждый, больше не придет к человеческому жилищу. Его застрелили... Днем, на глазах у множества людей, а вместе со взрослыми тут находились и дети».

Эта нашумевшая история известна многим. А кто возьмется ответить, сколько вообще погибает животных от излишнего любопытства и внимания со стороны человека, попыток завязать знакомство и дружбу?! Конечно, не каждого прирученного зверя расстреливают на виду у детей, как случилось это в нашем районе. Но на арктическом побережье то там, то здесь продолжают появляться обездоленные существа, вкусившие однажды ласки человеческой руки. Влачат эти животные жалкое существование и всегда погибают неестественной смертью.

Наши предки были разумнее. Это только в сказках человек легко находил контакты с дикими животными. На самом деле у северных народностей действовало строжайшее экологическое табу, нарушение которого не прощалось и детям.

В последние годы белый медведь становится частым гостем в поселках Чукотского побережья, в стойбищах оленеводов, в в полевых партиях геологов. По сведениям с мест и данным окружной охотинспекции, взаимоотношения с крупным хищником усложняются. При всех печальных последствиях налаживания искусственных контактов с крупным хищником, вряд ли можно объяснить только этим участившиеся конфликтные ситуации. Тот, кто по-настоящему обеспокоен судьбой белого медведя, не устанет искать причины, устранение которых поможет в ближайшее время изменить отношение людей к охраняемому в течение трех десятков лет редкому представителю животного мира.

В порядке иллюстрации и для полезного раздумья приведем лишь некоторые из зарегистрированных за десять лет случаев, где медведи особо отличились.

1975 год — группа белых медведей разгуливает по селу Уэлен.

1976 год — медведи «изучают» маяк «Русская Кошка».

1977 год — медведи взламывают склад, съедают две тонны

приманки и уничтожают 39 пастей в селе Биллингс, на участке Умкрынет медведь нападает на человека (!).

1978 год — на острове Колючин медведи вскрывают мясную яму, в селе Биллингс растаскивают полторы тонны приманки и уничтожают сто пастей.

1979 год — на реке Ныгчеквеем медведь занимается воровством рыбы в рыболовецкой артели.

1980 год — девять медведей в селе Рыркайпий кормятся отбросами на свалке.

1981 год — в селе Инчоун медведи вытаскивают и опустошают восемь сетей, поставленных местными охотниками на нерпу.

1982 год — в жиротопном цехе села Энурмино сломана бочка и съеден жир.

1983 год — одиннадцать заходов медведей в село Уэлен.

1984 год — на острове Колючин медведи взламывают продовольственный склад полярной станции.

В нашей картотеке имеются описания нескольких сот случаев, когда белый медведь вторгался на территорию поселения людей на Чукотском побережье. Далеко не все эти посещения были безобидными.

Реакция потерпевших людей и даже целых учреждений и организаций носит порою нехарактерный для северян бурный отпечаток южного темперамента — мост, переброшенный от заигрывания с крупным хищником к жесткому и безжалостному обращению с ним, действует на Чукотском побережье давно. По официальным материалам госохотинспекции, ежегодно отстреливается на Чукотке не менее пяти белых медведей. А сколько же их погибает по побережью и в тундре при встрече с охотниками! Уважающий себя промысловик, отправляясь на охотничий участок, может небрежно бросить под себя на нарты невыделанный кусок медвежьей шкуры — знак того, что ездовые собаки в его упряжке не забывают запах дикого зверя.

Можно считать закономерным выступление писателя Владилена Леонтьева с проблемной статьей о белом медведе — он не случайный человек на Чукотке. Статья появилась в первом номере нового журнала «Северные просторы» и не прошла незамеченной среди читателей, интересующихся проблемами охраны природы. В чем-то и поспорил бы я с автором, в чем-то и согласился бы... Но вся соль и сила в самом названии статьи — «Разбойник из Красной книги». Это страшный ярлык, от которого даже такому прекрасному зверю, каким является на самом деле белый медведь, трудно будет избавиться.

По просьбе одной из центральных газет я высказал свое мнение о проблеме взаимоотношений человека с белым медведем. Статья называлась так же, как и глава этой книги: «Белый медведь — умка или ошкуй?» В ней я пытался сказать,

на мой взгляд, главное — белый медведь ни в чем не виновен, вся ответственность и вина лежит на человеке.

Статью подсократили. Содержание, спасибо, не исказили. Дали другое название... «Разбойник из Красной книги».

И... пошло-поехало! Заголовок привлек внимание руководителей зоообъединения. Прямо на газетной полосе в том месте, где говорится о возможном и даже необходимом регулировании численности крупного хищника за счет особей, которые теряют страх перед человеком и проявляют агрессивные наклонности, чья-то нетерпеливая рука написала карандашом: «Отлов медвежат на Острове». В таком виде моя статья легла на стол чина из Главхоты РСФСР. А рядом, как всегда в таких случаях, несколько сбоку — аргументированное письмо из зооветобъединения о целесообразности регулирования численности белого медведя методом отлова медвежат на берлогах арктического заповедного Острова.

Злосчастная статья! И этот липкий, как деготь, ярлык...

Одна из важнейших задач, выполняемых работниками разветвленной сети государственных заповедников, заключается в поддержании оптимальной экологической обстановки как минимум в масштабе своего региона. Вот здесь-то и необходим опыт государственного заповедника с его развитой экологической культурой. Пересечем с Чукотского побережья пролив Лонга в сторону заповедного Острова, где люди встречаются с белым медведем чаще, чем где-либо.

Наблюдать за белым медведем всегда интересно. Даже если группа животных, семья или одиночный зверь проходят, не задерживаясь, мимо села Ушаковского. Таких заходов, с учетом бухты Сомнительной, где проживает несколько семей островитян,— может быть до двадцати в течение одного года. Создается такое впечатление, что медведи идут вдоль побережья установленными испокон веков звериными тропами, не желая замечать людей и собак, не признавая право человека на собственную неприкасаемую территорию, но и не претендуя на ее освобождение. Если на их пути попадается склад с копальхеном, нерпичьим жиром, они считают находку своей собственностью. Да и чем, собственно, отличается припасенный человеком продукт от погибшего и выброшенного на берег моржа или добытой кем-то ранее и оставленной недоеденной нерпы?

В Ушаковском под берегом напротив детского сада более десяти лет назад стоял жирник. Запахи пропитали вечную мерзлоту настолько, что проходящий мимо медведь мог часами разгребать землю в надежде найти что-то пригодное к употреблению в пищу.

Такая возможность, как и беспрепятственное передвижение по селу, предоставляется животным крайне редко. Интересно со стороны наблюдать, как изгоняется зверь с территории,

занятой человеком. Для начала устраивается шумовой концерт: запускаются моторы на двух-трех снегоходах, и кто-то из инспекторов или егерей начинает фланировать на легкой машине между жилыми домами. Для некоторых животных такого намека вполне достаточно, и они поспешно, но сохраняя при этом достоинство, удаляются. Более упрямого зверя приходится сопровождать до внешней косы бухты Роджерса ошеломляя окончательно выстрелами из ракетниц.

Часто я пытаюсь мысленно забраться в шкуру белого медведя: посмотреть на происходящее его глазами, подумать его головой. Я не стесняюсь откровенного антропоморфизма, в который могу впасть после возвращения назад в отведенное мне природой положение человека. То, что там я увидел и почувствовал, во многом сходно с человеческим видением и чувствованием, и это должно убедить меня в том, что живая природа едина. Там я многого не нашел из того, что заложено и имеется во мне — человеке, но все, что успел ощутить и отметить, знакомо и составляет часть моего человеческого бытия.

Я — белый медведь. В село к людям я забрел без злого умысла. Любопытно понаблюдать за ними поближе... Но как здесь становится шумно. Приходится уходить. Только без спешки. Не могу же я показать, что сильно напуган...

Малышев и Кривецкий оттесняют белого медведя от крутого берега. Остановились и ждут, когда зверь самостоятельно доберется до песчаной косы. Бухта покрыта крепким льдом но люди не спешат на своих быстрых снегоходах наступать ему на пятки — пусть белый медведь при отступлении сохранит достоинство.

Учил меня когда-то Кирилл Андреевич Дунаев: «Встретился в лесу с бурым медведем — сыном Турома, посмотри ему строго в глаза и скажи: ты что, ошни-ойка, собака, что ли, кусаться лезешь! стыдно станет «мужику в шубе», опустит он глаза к лапам и уйдет по следам своим в глухую тайгу».

Мудра старая вогульская притяжка. Да только я знаю, что манси Дунаев в своей таежной жизни далеко не всегда пытался вызвать чувство стыдливости у крупного хищника, встретившегося с ним на узкой тропе. Приходилось ему смолodu добывать зверя на приваде и на берлогах, выслеживать шатуна. В заповеднике не трогал медведя, так один хромой да старый ошни-ойка сам напал на лесника — вроде бы в отместку за прошлые охотничьи грехи. Отбилса тогда таежник от зверя с трудом, но при случае все же не переставал рассказывать людям вогульскую притяжку.

Вспоминал я про это, когда знакомился с научными рекомендациями, как вести себя при встрече с белым медведем. В них предписывается не паниковать, не пытаться сбежать

от зверя. Ну, в общем, старайся загипнотизировать суровым взглядом крупного хищника, подавить его волю.

Вспоминал каждый раз, когда приходилось наблюдать в естественной среде дикого свободного зверя и задумываться о многосложных мотивах его поведения, проявлениях индивидуальных черт характера. Можно ли вообще иметь такой набор рекомендаций, из которого легко найти нужную схему действий, выбрать ту единственную, гарантирующую человеку безопасность?

Людам нужны гарантии, что белый медведь не причинит им неприятности. Для этого, на мой взгляд, жители арктического побережья должны придерживаться очень простого правила: *на территории, занимаемой крупным хищником, человек всегда должен быть готов к встрече с ним.*

Эту прописную истину я стараюсь внушить тем, кто не

Медведь без труда переплывает большие полыньи

может смириться с многочисленными заходами зверя в поселки на Чукотском побережье. А у себя на Острове не забываю рассказать молодому егерю, впервые уходящему в полевую командировку на заповедную территорию, присказку старого манси.

При встрече с белым медведем вдали от населенного пункта — в горах или на побережье — возникает такое впечатление что на неожиданное для нас обоим событие мы реагируем почти одинаково. Если никто из нас сильно не озабочен, не раздражен, а погода и рельеф местности сделали возможным

загодя почувствовать и увидеть друг друга, мы продолжаем сближаться, замедляя шаг. Что руководит нами: обыкновенное любопытство или привычка, что все живое уступает нам дорогу? Дистанция в семьдесят — сто метров воспринимается как предельно допустимая, дальнейшее сближение по инициативе любого из нас может резко изменить ситуацию. Мы это понимаем и не переходим грань дозволенного.

Крупный зверь продолжает движение по невидимой черте круга, оставляя меня в центре и стремясь достичь подветренной стороны. Он привстает на задние лапы, и только тогда я воспринимаю истинные его размеры — самый высокий человек перед ним должен казаться всего лишь небольшим существом, а мне-то куда с моим ростом! Если бы зверь руководствовался только понятиями «весовой категории», мне пришлось бы туго. Но наши предки в течение сотен поколений учили и учились уровню взаимного общения, и наш рост и вес почти не имеют значения. Главное — с чем мы пришли друг к другу.

Медведь сильно втягивает в себя воздух, опускается на все четыре лапы, топчется нетерпеливо на них, раскачивая из стороны в сторону гибкое тело. Я стараюсь уловить малейшие изменения в настроении зверя, предугадать его действия.

Никто из нас не пытается запугать другого, обманным движением получить преимущества. Здесь нет хищника и жертвы. Два мирных путника повстречались на перекрестке дорог. Мы медленно расходимся, оглядываясь не потому, что между нами не хватает взаимного доверия, нам хочется узнать друг о друге немножко больше, чем мы знаем.

Совершенно другое поведение медведей-одиночек наблюдается при временной или постоянной потере ими страха перед человеком в обстоятельствах, когда они преследуют определенную цель. Я бы сказал, что медведи, как и люди, могут увлекаться настолько, что забывают про опасность.

В разгар лета в гнездовой период на колонии белого гуся появился упитанный и внешне здоровый медведь. Ему пришлось по вкусу гусиные яйца, и он решил задержаться вдали от моря в Теплой долине.

Работавшие на гнездовье научные сотрудники в течение нескольких дней наблюдали за гурманом. На вечерней радиосвязи медведю уделялось много времени: обсуждались особенности его поведения, высказывались предположения о развитии дальнейших событий. Естественные взаимоотношения животных на заповедной территории обычно не подлежат обсуждению, как бы они ни были с чьей-то стороны жестоки, да и один медведь не может причинить существенный урон колонии белого гуся. Меня тревожило появление зверя рядом с людьми, но научные сотрудники успокаивали тем, что медведь совершенно на них не обращает внимания.

— Что вы с ним цацкаетесь? — задавал я каждый вечер один и тот же вопрос.— Забрел он к вам случайно, а пагубную привычку приобретет на всю жизнь. Глядишь, и последователи у такого умного зверя появятся.

Через эфир приходят короткие ответы молодых ученых.

С пика Тундрового: «Природа умнее нас».

С ручья Прямого на речке Тундровой: «Природа умнее нас».

Но история имела продолжение.

Южнее гнездовья на одном из притоков реки Мамонтовой — ручье Совином базировался в одиночной палатке орнитолог Михаил Стишов. В тот день, когда медведь покинул гнездовье, ему посоветовали, хоть и полшутя, быть поосторожнее. К ужину, на который по случайности был приготовлен омлет из яичного порошка, действительно пожаловал без опозданий знакомый по описаниям зверь. Он не обратил на орнитолога серьезного внимания, но негромким рычанием сразу же предупредил, что не потерпит панибратства. Стол таким образом был освобожден. Возбужденный медведь прошагал к остывающей сковороде, слизнул одним движением языка все содержимое и, не задерживаясь больше, зашагал к морю через Вьючный перевал...

На узкой песчаной косе юго-западной оконечности Острова я нашел удобное место для наблюдений над белыми медведями. Давно разрушенный ветрами, людьми и медведями фанерный балочек не согревает в непогоду, но расположен в очень удобном месте. Не каждый год на песчаную косу выходят на лежбище моржи, но старые трупы, вымерзшие и обглоданные настолько, что и взять-то с них нечего, в голодное время привлекают большое количество белых медведей и их маленьких соседей — полярных лисиц.

Песцы с пользой для себя используют тягловую медвежью силу. Взрослому медведю не составляет большого труда выдернуть из вечной мерзлоты остатки моржовой шкуры. Распотрошив ее, он переходит к другой, а его место занимают песцы.

Маленькие зверьки шустрят, находятся в постоянном движении, на их мордашках написана неуверенность: правильно ли я делаю, что забираюсь так глубоко в моржовую шкуру, не слишком ли это опасно для меня? Песцы улавливают малейшие изменения в окружающей обстановке, суетливо перемещаются, часто перестраховываются, без видимых причин отскакивая в сторону и поглядывая на то место, где только что находились.

Медведи же абсолютно уверены, что находятся в своем доме и ничто им не может угрожать. Они спокойно добывают пищевые остатки, не утруждая себя посмотреть лишний раз до сторонам, и забываются настолько, что к ним можно подойти

почти вплотную. Увлекаясь, белый медведь подпускает человека на близкое расстояние, проходит мимо населенного пункта, не замечая людей и собак. Не это ли качество характера крупнейшего на суше хищника позволило человеку за сравнительно короткий срок сделать его исчезающим видом? Трудно представить более удобную мишень, чем белый медведь, так же как и поверить, что охота на него была сопряжена с большим риском для человека с карабином в руках...

Не могу понять, чем руководствуются белые медведи, когда производят бесцельную для себя работу? Большое пристрастие они питают к заброшенному человеком жилью, к пустующим стационарам, одиноким избушкам-балкам. Их привлекает любое техническое средство, появившееся на побережье, в горах или в тундре, брошенное людьми без присмотра хотя бы на несколько дней. Кто-то из их братии обязательно побьет стекла в оконных рамах, помнет тент на вездеходе — вот такая слабость имеется у белых медведей.

Небольшой группой из трех человек мы базировались на скалистом острове Геральд, входящем также в заповедную территорию. За полтора месяца познакомились со всеми его обитателями — птицы еще не прилетали, зато за каменистыми россыпями глубокого распада мелкала иногда дружная пара песцов, медведицы вскрывали на наших глазах берлоги, выводили на прогулку медвежат и незаметно покидали тихий остров.

Наше жилище состояло из капша — каркасной арктической палатки имени Шапошникова, небольшой брезентовой палатки, в которой был запечатан неприкосновенный запас продовольствия, и широкого подсобного помещения, сделанного по принципу снежного иглу. Капш также пришлось до половины обмуровать снежными кирпичами. Это было первое полустационарное поселение на необитаемом острове, и я невольно ждал каких-то непредвиденных осложнений, которые нам преподнесет остров с плохой репутацией. Этот вздыбленный более чем на триста метров осколок суши служил последним пристанищем для мореплавателей, потерпевших кораблекрушение. Раздавленные льдами корабли уходили на дно, люди с последней надеждой поднимались на темные холодные скалы и погибали там, вписав очередную трагическую строку в историю освоения Арктики.

Нередко случалось в прошлом, что льды, кочующие в неспокойном проливе Лонга, уносили с Чукотского побережья промысловика-охотника и бросали его к стопам безжизненного острова. Худая слава шла о нем...

Ничего сверхъестественного мы не нашли на острове, хоть, он и очень похож на сказочный замок Кощея Бессмертного. Лютый холод, плотные, растворяющие окружающий мир туманы,

частые и сильные пурги, глубокие пещеры в скалах — все было реального земного происхождения, но требовало к себе большого внимания — если человек не хотел попасть в беду.

Спуститься на припайный лед под скалы можно только з двух местах, вырубая на крутом снежнике ступеньки. Один из склонов оказался занятым берлогой, мы опасались (как позднее выяснилось, не напрасно), что и на втором может открыться берлога. На случай, если мы окажемся отрезанными от своей базы, было решено оставить внизу под скалами минимум продуктов и снаряжения. На небольшой песчаной косе противоположной от нас северо-западной части острова находился для использования при непредвиденных обстоятельствах снегоход «Буран». Оттуда, из-под скал, к нам и пришли первые неприятности.

С первых дней мы обнаружили свежие следы очень крупного медведя-одиночки, которые в разных направлениях приходили и уходили к нашему жилищу и вниз под скалы. Несколько раз мой пес тревожно лаял в темноту ночи, но близкое присутствие белого медведя нас мало беспокоило.

Только в очередной раз спустившись на лед, мы убедились, насколько неприятно медведю наше присутствие. Метрах в двадцати от склада поблескивали консервные банки, сухари темнели на льду богатыми россыпями, похожими на мелкие осколки камней. Мы бросились искать карабин, оставленный здесь в нарушение инструкции по хранению, и нашли его за голубым торосом.

Подозрение в том, что «хозяину» может не приглянуться и наш снегоход, усилилось после того, как мы встали на медвежий след, уходящий вдоль скал к северо-западу. Медведь так и прошел десять километров ровным неторопливым шагом, ни на что не отвлекаясь, и произвел внимательный осмотр снегохода.

Я собирался вывезти на Геральд свой «Буран», но в последний момент инспектор охраны студент-заочник Игорь Олейников легкомысленно предложил закрепленную за ним совсем еще новенькую технику. Теперь Игорь откровенно сожалел об этом: брезентовое покрывало изорвано в клочья, ветровое стекло разбито, по мягкому сиденью прошлась не один раз когтистая лапа, капот из пластика порван, как лист картона, на хромированных частях руля оставлены следы зубов.

— Что же ты, будущий охотовед, думаешь обо всем этом? — спрашиваю я Игоря с бестактной, быть может, поспешностью.

Он ответил коротко, что хотел бы увидеть на этом месте мой снегоход. Шутка пришлась к месту и рассмешила нас, а егеря — совсем молодой паренек, не сносивший еще «на

гражданке» свой армейский бушлат, посоветовал придумать наказание для медведя или просто его погугать.

И тогда Игорь серьезно ответил:

9. Конечно, это нахальство со стороны зверя, ради которого мы работаем на берлогах, бродим по необитаемым островам. Но снегоход действительно был оставлен на его территории, значит, претендовать на неприкосновенность не приходится...

За шутливыми словами инспектора заповедника чувствовалось, что он всегда помнит о правах Дикой Природы иметь «собственное мнение», жить по законам, не всегда понятным и удобным для человека.

Сухари мы аккуратно собрали, снегоход перевели поближе к ручью Ледяному, карабин не осмеливались больше оставлять без надзора. Возвратившись к капшу, мы убедились, что за время нашего отсутствия медведь-одиночка побывал и на нашей базе. Он прошелся мимо входных дверей, свернул несколько снежных кирпичей (так и напрашивается сказать: свернул стены в доме), потоптался у окна-иллюминатора и ушел за крутой распадок. Медведь мог бы забрать кусок оленины, на который чуть не наступил, но, видимо, так же, как и раньше, пожелал остаться в наших глазах бескорыстным служителем странного, но своего порядка. Прямые огромные следы с четкими отпечатками развернутых вовнутрь лап оставил сильный и здоровый зверь, умеющий добывать морских животных на раскалывающихся и гремящих океанских льдинах.

По окончании учетных работ мы не смогли снять смерзшийся капш и прилетели за ним через месяц теплым майским днем. Наше жилище представляло жалкое зрелище: верхний чехол болтался лохмотьями по ветру, иллюминаторы выбиты, железная печь перевернута. С северной стороны на нестывшей полосе плотного снега остались размытые солнцем крупные медвежьи следы.

С сожалением смотрели мы на остатки каркасной арктической палатки. Кто-то спросил у меня:

10. Продуктов много оставалось в палатке? Видно по всему, богато поживился здесь медведь.

Я показал на деревянный ящик с неприкосновенным запасом продуктов, который стоял на месте маленькой брезентовой палатки и совсем не заинтересовал медведя, придерживающегося своего особого принципа...

Белые медведи, как и люди, очень различаются по характеру. Возможно ли занимать с таким крупным хищником одну территорию, пусть и считая, что она принадлежит ему в большей степени, чем человеку, и не останавливать зверя, когда поведение его становится чересчур вызывающим или даже опасным?

Для теоретика, проживающего за тысячи километров от арктической заповедной земли, все решается очень просто по словарию великого Даля: «Заповедного не тронь!» Не одно десятилетие ученые и практики заповедного дела ломают копыя вокруг этой самой неприкосновенности. Вопрос запутали настолько, что к нему просто опасно подступиться. А решать-то порой требуется без промедления, даже если ты знаешь по печальному опыту, что всегда найдутся компетентные и строгие судьи. И осудят — одни за нерешительные действия, другие — за то, что посмел принять решение...

С бухты Сомнительной сообщают по радиосвязи, что в ползуброшенный поселок повадился белый медведь. Не боится и дразнит собак, взломал жирник у дома Чайвына, на выстрелы из ракетницы не реагирует, внимательно и с подозрительной настойчивостью следит за людьми.

Решение принято. Мы выезжаем в бухту Сомнительную. Большая ловчая клетка устанавливается у склада с моржовым мясом. Остается только ждать...

Если не удастся услышать шум падающей металлической решетки, то громкие резкие удары медвежьих лап обязательно привлекут чье-то внимание. Нужно только подойти к клетке сбоку, закончить железным стержнем входную решетку и спокойно ждать рассвета, если это событие происходит не в полярную ночь.

Временное лишение свободы медведи воспринимают довольно спокойно. Они продолжают доедать приманку, изредка отвлекаясь и пробуя отдельные части клетки на прочность. Со временем зверь убеждается, что сила ему здесь не поможет, и настроение его заметно портится. Его удручает, что от методичных подпрыгиваний железный пол не проваливается подобно молодому льду, а от мощного удара лапой не разваливаются стены. Пленник нервно расхаживает по ограниченному пространству места заточения, часто останавливается у входной решетки и близоруко вглядывается вдаль.

При приближении человека медведь делает молниеносные выпады в его сторону, пугает резким «уханьем». Движение лапы напоминает более всего хук или апперкот опытного боксера — металл содрогается от таких ударов.

От клетки с пойманным белым медведем собаки держатся на расстоянии большем, чем тогда, когда зверь гуляет на свободе. В этом нет ничего странного: они чувствуют зверя, но плохо видят, чем он занимается в ловушке, а в то, что ловушка может служить преградой, собаки просто не верят.

С большими предосторожностями пойманный медведь препровождается в небольшую транспортную клетку. Владимир Андреевич Гаев, который обычно принимает участие в операции по переселению белых медведей, обязательно подбросит «на дорожку» кусок копальхена. Без торжественных церемоний

клетка загружается в кузов автомашины, и мы тут же отправляемся в западную часть Острова по дороге вдоль побережья...

Пока мы везем зверя на мыс Блоссом, он, вымазавшись от головы до пят моржовым жиром, из белого становится бурым. И еще одно важное изменение происходит с пленником: шум автомобильного мотора, тряска, теснота клетки действуют на него настолько угнетающе, что освобожденный, он прямым ходом спешит в море, переплывает от льдины к льдине, не любопытствуя больше и не озираясь назад. Как же мы ему надоели!

Способ отлова и перевозки слишком назойливых зверей на расстояние всего лишь около шестидесяти километров действует настолько эффективно, что случаев возвращения их к человеческому жилью мы не наблюдали.

Иногда отлов животных сопровождается непредвиденными обстоятельствами, как было в ту позднюю осень, когда старая медведица с почти двухгодовалым сыном заставила нас отставить даже срочные дела и выехать в бухту Сомнительную.

За полторы недели медведица дважды взламывала склад, где хранился копальхен. Не помогали усиленные запоры, установка новой двери из толстых плах. В ночное время она обходила вблизи жилых и пустующих домов весь поселок, заглядывала в освещенные окна, подозрительно принюхивалась к собакам.

Иван Петрович Ульвелькот рассказал мне при встрече о поведении медведицы и предупредил:

— Она, должно быть, не одна пришла. Много копальхена утащила. Я ходил искать, но не нашел — очень далеко унесла.

Все лето Иван Петрович тяжело болел.

«Какой из него теперь ходок?» — с сожалением подумалось мне.

И предупреждение его как-то сразу забылось.

Ночью в ловушку попал зверь. Клетка была установлена рядом с домом, где я останавливаюсь всегда по приезде в бухту Сомнительную, и шум за окном поднял меня ото сна. При свете электрического фонаря я долго наблюдал, как резво топчется и подпрыгивает медведь в клетке, рычит и бросается в мою сторону, когда подхожу слишком близко и он не показался мне маленьким.

Шел мелкий сухой снег, небо казалось особенно темным. Изредка взлаивали на другом берегу реки у дома Ульвелькота собаки. Безотчетное чувство тревоги неожиданно нахлынуло на меня. Я не осознавал причину изменения своего настроения, но вокруг меня что-то сдвинулось с привычного места, что-то произошло — не уловимое прямым зрением или слухом. Я оглянулся по сторонам и тут же осудил себя за малодушие.

Нарочно громким голосом принялся «беседовать» с пленником.

— Вот до чего ты докатился,— говорю медведю.— Но это еще не клетка, а целый дворец. А завтра ты действительно потрясешься в тесной клетушке. Заслужил. Впредь поостережешься приходить к людям. Человек, знаешь, какое... А впрочем, свобода дается только тому, кто ею умеет пользоваться.

Медведь переваливается с боку на бок, как бы размышляя над моими словами, и снова начинает даже несколько весело прыгать, громко топоча лапами.

Я возвращаюсь в дом и на полпути натываюсь на свежий крупный медвежий след. Только успеваю заскочить в пристройку, как слышу неторопливые шаги, сопение, легкий удар лапой по нижнему бревну дома. Выключив свет в комнате, приглядываюсь, но ничего в ночной темноте за окном не могу различить. Уж не показалось ли мне все это?

Кто-то сильно трясет металлическую решетку ловушки. В наступившей тишине послышались громкие и по-детски жалобные всхлипывания. Я вышел из дома и выпустил одну за другой три ракеты в черное беззвездное небо. Крупная медведица резким галопом бросилась в сторону от ловушки. Молодой медведь притих, прижавшись к дальнему углу клетки.

Ни ночью, ни в течение следующего дня со стороны медведицы не последовало бурной реакции на пленение ее сына. Она ходила поодаль, часто становилась на задние лапы и пригнувалась. Конечно, ее интересовало, что затевают люди. А мы с большими опасениями работали у нее на виду — перевели молодого медведя в транспортную клетушку, загрузили в машину. Выехали, развернувшись демонстративно, сразу же на западную дорогу. Медведица не последовала за нами, но на следующий день ее уже не было в бухте Сомнительной.

Много выстрадав, молодой медведь с нашей помощью попал на мыс Блоссом. Можно не беспокоиться, в таком возрасте он, не пропадет и, вполне возможно, встретится с матерью. Нам предстояло выпустить его на волю и с чувством исполненного долга возвратиться домой. Но в этот раз все получалось несколько сложнее, чем обычно.

Песчаная коса оказалась занятой еще одним зверем, который ни за что не хотел ее покидать. Присмотревшись, мы увидели, что рядом с беспокойно расхаживающей по песку медведицей лежит в мелко выкопанной лунке мертвый медвежонок-сеголеток. Медведица с такой яростью набросилась на низко пролетающего над ним бургомистра, что стало понятно: для нее погибшее дитя остается живым, и она будет его оберегать от любой опасности. Поглядывая на нас, она издавала звуки, похожие на тяжелый стон,— так стонет человек при неутешном горе.

Молодого медведя мы решили все-таки выпустить здесь же.

В конце концов, он далеко уже не ребенок, по габаритам не уступит медведице, занявшей песчаную косу. Видно было, что он сильно притомился за дорогу, но как только его лапы коснулись мокрого песка, бросился напрямую к медведице с проворством, которого ни мы, ни она не ожидали. Он принял медведицу за свою мать, но она сделала несколько больших прыжков к нему навстречу и так громко рявкнула, что молодой медведь сразу же понял свое заблуждение. В его движениях и на физиономии, испачканной копальхеном, отразились недоумение и растерянность. Но реакции зверя быстры — он бросился к нам, но тут же понял и эту свою ошибку и, не раздумывая больше, плюхнулся в воду и поплыл к белой льдине, уходящей в море от конечной западной черты Острова.

Правильно было бы нам теперь удалиться или на большом расстоянии понаблюдать за медведицей, задержавшейся у мертвого медвежонка. Она сильно истощена, но медведи без пищи могут обходиться очень долго. Если она и покинет свое дитя, то не голод явится причиной этому.

На том, чтобы забрать медвежонка, настаивает Гаев. Не для установления причины его гибели, хотя говорит он как раз об этом. Гаев жалеет мать и не хочет продления ее мук — как только труп медвежонка исчезнет, она быстро успокоится.

Благословенны братья наши меньшие: имея великолепную память на события гораздо менее важные, они быстро смиряются с исчезновением или гибелью своих детей. И только человек несет свой крест до последнего дня жизни..

За семь лет моей жизни на Острове произошел только один случай откровенно агрессивного действия белого медведя. Его нельзя назвать исключением, потому что и раньше такое было, и в будущем никто не даст гарантии, что между человеком и белым медведем заключен вечный мир.

С вечера в бухте Сомнительной лаяли с надрывом собаки. Наступающая темнота сентябрьской ночи все больше их беспокоила.

Полуслепой старый вожак метался на короткой привязи, часто поворачивая голову в сторону светящегося окна в доме хозяина или поднимая ее высоко вверх к пустому темному небу. Он не видел на небе звезд, а хозяйское окно казалось большим расплывшимся пятном света. Все органы чувств его притупились к старости, но в окружающей жизни он не стал ориентироваться хуже — взамен пришел даже не столько опыт, но нечто такое, что можно назвать предчувствием. Сейчас он предчувствовал надвигающуюся опасность — тяжелую, как темное небо над головой, неясную, как пятно света в доме хозяина.

«О-у-у-у! О-у-у-у!» — звук вибрировал глубоко в горле и

медленно разливался над селом, уплывая в сторону морской бухты.

Молодые собаки азартно подхватили начало песни. Дружный вой опрокинул вечернюю тишину у северного предгорья, спугнул задремавшего песца и погнал его в горы к каменистым россыпям.

Только что я спустился с Вьючного перевала. Сильно спешил и теперь мокрый от пота и расслабленный сидел спиной к теплой печке в доме Ульвелькота и прислушивался к «волчьему» концерту ездовых собак. Чуть запоздай я сегодня, и пришлось бы услышать такое в пути по ночной тундре.

11. Опять медведь шатается близко, — говорю, обращаясь к Ивану Петровичу, и стараюсь выкинуть из головы видение холодной и мрачной ночной тундры, по которой медленно бредет усталый одинокий путник.

Жена Ульвелькота тетья Клюк блеснула из-под нахмуренных густых бровей карими глазами и, не разжимая губ, буркнула что-то невнятное. Ульвелькот улыбается ей в ответ и переводит для меня сказанное ею:

12. Обязательно медведь. Вожак думает, что к нему в гости идет.

13. Откуда такая уверенность, что медведь подойдет к вашей собаке? — переспрашиваю я тетю Клюк, принимая слова ее за шутку и желая, чтобы она была продолжена. Хозяйка понимает немного русский язык, но сама говорит по-чукотски. Обычно молчаливая, теперь и она расправила брови — ей нравится разговаривать через переводчика.

14. Медведь сильно боится Ульвелькота и его собак. Но когда он узнает, что чукча стал старым и больным, а его Вожак ослеп, он забудет страх. Так будет.

Ульвелькот перевел слова тети Клюк весело, как будто они его и вовсе не касались. Я прислушался к голосу Вожака и хотя хорошо его знал, тревожный вой не показался мне необычным. Просто в окрестностях бухты Сомнительной бродит медведь, еще один из тех, кто из любопытства может подойти близко к человеческому жилью.

Ночью из села Ушаковского пришел вездеход. Водитель Нанаун был настроен тут же возвращаться обратно, и мы распрощались с хозяевами бухты Сомнительной. Вожак проводил нас молча, стоя на высохших от старости лапах, Проходя мимо, я положил на его не привыкшую к ласке голову свою ладонь. Пес мелко дрожал как в ознобе.

Утром старика на радиосвязи не было, и только к вечеру мы узнали, что произошло после нашего отъезда.

К утру собаки притихли. Могло это означать, что зверь или удалился, или находится совсем рядом в поселке. Собака на привязи знает свою беспомощность и не решается подать голос.

Неожиданно у самого дома Ульвелькота послышалась грубая возня, собаки разом громко взвыли. Первое, что увидел Ульвелькот, проворно вышедший на крыльцо, было неестественно скорченное тело Вожака, неподвижное, с обрывком цепи, туго захлестнувшим его туловище. Чуть поодаль медведь рвал другую собаку.

Ульвелькот наклонился над Вожаком и попытался сдернуть с него ошейник. И тут зверь пошел на него.

В доли секунды егерь заповедника превратился в того, кем он был большую часть своей жизни. Охотник-промысловик отступил к веранде, где всегда на своем месте стояло остро отточенное копые. Почувствовав его тяжесть в руке, он прыгнул кошачьим мягким движением на землю и приблизился к зверю. Ничего что чукча стар и врач выписывает ему бюллетени, а Вожака его мертв и не сможет помочь.

Чукча ударил копыем раз и другой — под лопатку и в шею, ударил бы и в третий раз, но зверь бросился от него в сторону.

На обязательной вечерней связи Иван Петрович пригласил меня к микрофону и спокойно сказал:

15. Приезжай, начальник, протокол на меня составлять. Ранил я медведицу. С большим медвежонком ушла она к Чертовому оврагу. Не смог убить, рука стала совсем слабая.

Я подробно расспросил Ульвелькота о случившемся. Рядом со мною находились научный руководитель государственного заповедника и заместитель главного государственного инспектора по охране природы заповедника, но все мы вместе не имели права принимать решение не в пользу крупного хищника. Краснокнижный зверь неприкасаем. Мы должны осудить поведение Ульвелькота. А если считаем, что зверя нужно отстрелять, необходимо затеять переписку с Главохотой РСФСР, но и наше ведомство не вправе поставить точку... Что ответить Ивану Петровичу Ульвелькоту? Пауза недопустимо затягивалась.

16. Ваши действия мы считаем правильными,— сказал я Ульвелькоту.— Через полчаса Малышев и Кривецкий выезжают на Сомнительную, им дано распоряжение пристрелить зверя, если он появится в поселке. Завтра я тоже подъеду к вам.

В последующие дни мы патрулировали в окрестностях бухты Сомнительной и отработали все следы медведицы с полуторагодовалым медвежонком. Они пришли по молодому льду с южной стороны, возможно, с Чукотского побережья. За Чертовым оврагом на косе медвежья семья задержалась у трупа моржа, выброшенного последним осенним штормом. Не голод управлял медведицей в то утро, когда Ульвелькот схватился за копые. По следам мы прочли, что раны оказались не смертельными, по крайней мере кровотечение быстро прекратилось, и звери прямой тропой уходили подалее от Острова.

Через пять дней в заповедник пришло официальное разрешение на отстрел медведицы. Это был нормальный срок по обмену телеграфными сообщениями арктического Острова с любым из центральных районов страны.

В журнале «Охота и охотничье хозяйство» шла дискуссия «Крупный хищник и человек: стратегия отношений». Суть ее заключалась в следующем. Благодаря большим усилиям науки, природоохранной практики, совершенствованию законодательного права в нашей стране некоторые виды животных, находящиеся в недавнем прошлом на грани исчезновения или бывшие редкими, восстановили свою численность настолько, что стали слишком заметными на тех территориях, которые они занимают совместно с человеком. Изменилось их поведение.. Человек не увидел признательности со стороны крупного хищника за заботу о его сохранении.

Я принял участие в дискуссии, потому что белый медведь находится снова в опасности. Вспомним, как быстро менялось отношение людей к хищным птицам, к волку, а в настоящее время к дальневосточному тигру. Если плоды охраны белого медведя начали сказываться через четверть века, то введение даже ограниченного промысла станет роковым для северо-восточной популяции в течение двух-трех лет. А такая идея витает в воздухе, она подкрепляется каждой новой выходкой крупного хищника, направленной на нарушение мира, предложенной ему человеком. На то он и есть — крупный хищник. Чем же ответит на это человек, считающий себя единственным разумным существом на Земле?

Четыре-пять тысяч белых медведей живут в северо-восточном секторе советской Арктики. За тридцать лет мы научились охранять зверя, по праву считая его национальным богатством, символом современной Арктики. Никакие законы не в силах оградить белого медведя от уничтожения, если отношение северян, проживающих на арктическом побережье, вдруг изменится к нему.

Что же происходит сейчас с белым медведем на Чукотском побережье?

Без сомнения, это тот же самый белый медведь, с которым мы так часто встречаемся на заповедном Острове. Несколько лет назад мы провели совместно с окружной Госохотинспекцией учеты берлог по побережью. Выявлены новые места концентрации берлог на мысе Аачим, в горном районе между поселком Мыс Шмидта и мысом Эммытаген, в районе горы Элеткун, на полуострове Дауркина. Нет сомнения, что медведицы с малыми медвежатами будут вести себя так же, как и на заповедной земле, не причиняя человеку беспокойства. Им бы спокойно перезимовать, подрастить детвору и увести ее весенним днем во льды.

Звонок охотоведа Шмидтовского района убеждает меня

в существовании каких-то сложностей у наших соседей.

17. Что делать? У села Рыркайпий медведица залегла в берлогу. Есть свидетели — трое рабочих совхоза «Пионер».

Отвечаю ему неуверенно:

18. Можно написать красивое сообщение в местную газету. Вот, мол, какие результаты приносит охрана животного, занесенного в Красную книгу. Полезная пропаганда.

19. О какой пропаганде речь? — взволнованно говорит охотвед.— После случая с медвежонком, которого пристрелили, меня за горло берут, требуют принять меры.

20. Ну, тогда вкопайте в плотный снег неподалеку от берлоги столб, навесьте табличку: «Осторожно. Берлога белого медведя. Охраняется Законом».

Снова звонок через несколько дней:

21. Знак поставили, дали объявление в газету, чтобы все жители соблюдали осторожность. С берлогой-то что делать будем?

Насколько же человек привык «действовать» при встрече с Дикой Природой!

А предпринимать в том случае ничего и не надо было. После полярной ночи придет солнце, растопит верхнюю часть снежного покрова и... столб с табличкой упадет. Медведица с медвежатами-сеголетками в это время уже будет далеко от села Рыркайпий во льдах Чукотского моря.

Ученые задумываются о путях управления популяцией животных. Казалось бы, практика отлова крупных хищников у населенных пунктов должна получить широкое распространение. Она не трудоемка, не опасна для исполнителей — идеальный элемент управления поведением животных. Но населенные пункты по побережью практически не имеют приспособлений для вылова назойливых зверей. Кто должен заниматься отловом? В каждом районе есть служба госохотнадзора, общественные инспектора.

Один заместитель председателя райисполкома признался мне:

22. Черт бы побрал и ловушку, и приманку, и медведя. Взялся я однажды сам за такое мероприятие. Думаю, покажу, как нужно делать, а потом потребую наладить систему отлова. До сих пор не знаем, куда списать затраты, особенно сгущенку. Скормили целый ящик, а медведя так и не поймали. Никто не поверит.

И снова Мыс Шмидта.

23. Пропадаем. Более двадцати медведей атакуют районный центр.

Узнаем, что вблизи на побережье выбросило труп кита. Местные охотники используют тушу как приманку на песца и собравшихся здесь медведей отгоняют всеми возможными транспортными средствами. Дары моря испокон принадлежали

дикому зверю. Белые медведи не соглашаются на отступление, но и голод утолить не могут. Вот и идут самые решительные, а за ними и те, кто поскромней, в поселок на мусорные свалки.

Мы посоветовали отдать тушу кита медведям. И сразу же в поселке установился порядок. Прекратились и звонки к нам.

Давнишняя традиция людей называть скопища белых медведей чуть ли не организованной бандой, угрожающей людям. Белый медведь — отшельник и большой индивидуалист. Он живет и промышляет в одиночку. Единственно постоянная группа — медведица с подрастающими медвежатами — может существовать до двух лет. Когда во льдах или на побережье встречается большая группа зверей, можно быть уверенным в отсутствии у них направленных против человека замыслов. Их привлекли остатки моржей, туша кита, или открытый участок моря препятствует продвижению по бескрайним белым тропам Арктики.

Наша работа на Чукотском побережье должна помочь людям, осваивающим суровый край, лучше узнать одного из интереснейших животных нашей планеты, крупнейшего на суше хищного зверя — белого медведя. Подумаем о будущем этого зверя.

Повышение экологической культуры людей, проживающих в Арктике, позволит избежать многих конфликтных ситуаций с «добрым и умным умкой» и «злым ошкуем». И человек, наблюдающий белого медведя среди нагромождений льдов на пустынном берегу Ледовитого моря, никогда не почувствует страх одиночества в этом мире и сможет черпать духовную силу из вечного источника, каким является для всего живого Дикая Природа Земли.

ЗНАКИ НЕОБИТАЕМОГО ОСТРОВА

В ясный солнечный день, каких немного в восточной части острова Врангеля, с мыса Уэринг можно увидеть плывущую над горизонтом голубую землю. За тридцать пять морских миль чистая атмосфера растворяет реальные очертания отвесных скал, заснеженные вершины, создает иллюзию сказочности далекого за морем острова. Необитаемый осколок земли притягивает к себе с силой, быть может, равной физическому земному притяжению — извечно стремление человека заглянуть «за край земли». На пути к Северному полюсу в восточном секторе советской Арктики нет других островов. Он первым встает на пути ураганных ветров, кочующих в ледовитом море тяжелых льдов. Реальность арктического острова сурова и жестока, она остается таковой и в наши дни — для каждого, кто, повинувшись силе притяжения, ступит на малоисследованную землю. Люди никогда не строили здесь своих жилищ...

Остров Геральд входит в состав территории арктического заповедника. Во время комплексной экспедиции советских ученых на ледоколе «Красин» в 1935 году были составлены описания береговых контуров, произведены астрофизические наблюдения, гидрографические зарисовки берегов, составлена крупномасштабная карта. Общая площадь острова около шестнадцати квадратных километров. Наибольшая протяженность его составляет девять километров, а ширина в головной юго-восточной части чуть больше трех километров. Отдельные высоты превышают триста метров над уровнем моря.

Существует только общее представление о животном и растительном мире острова. С проходящих судов в отдельные годы наблюдались лежбища моржей и скопления птиц, населяющих птичьи базары. Лет двадцать над островом пролетел известный ученый-биолог, определивший, что скалистый остров «не пригоден для устройства берлог белыми медведями»; повторив облет через год, он писал о необычайно высокой концентрации берлог, которые на отдельных снежных склонах располагались в два этажа.

Когда об осколке суши мало что известно достоверного, люди уверены: в их отсутствие именно здесь должны происходить явления таинственные и привлекательные. Прибрежные чукчи рассказывают о «водяном человеке» — мимликимо-

равитляне, который, вполне возможно, не обходит стороной необитаемый остров. Иван Петрович Ульвелькот поведал мне однажды историю о белом медведе, получившем от людей имя собственное, а также судьбу необычную. Ульвелькот оставался долгие годы уверенным, что большой и темный медведь Нук не может пропасть просто так, и если в последние годы он не приходит в село Ушаковское, то причина — в его отшельничестве на острове Геральд, отказе от бродяжничества и нежелании встречаться с людьми.

Об острове написано немного. Но то, что удастся прочесть, оставит и у самого искушенного в приключенческой литературе читателя волнующее чувство прикосновения к таинственным событиям, неразгаданным знакам в каменных пирамидах — гуриях, к памяти о трагедиях людей, происходивших на путях освоения Арктики...

Не каждый год нам удавалось облететь остров Геральд на вертолете, и уж только в случае особо благоприятной погоды мы могли производить здесь кратковременные посадки.

Тогда орнитолог спешил к краю серых скал. Под ними глухой гул беспокойного моря смешивается с неистовым гомоном тысяч пернатых существ, населяющих птичий базар. Научному сотруднику спуститься бы вниз под скалы, пройти по узкому песчаному пляжу, подняться по карнизу отвесной стены. Но он должен уже возвращаться к вертолету.

Ботаник уходил вдоль ручья, часто склоняясь над прижатыми к влажному камню лепестками худосочных растений. Только в Ленинградском ботаническом институте хранится тонкая папка гербарных листов растений острова Геральд. Но руки ботаника осторожно прикасаются к мелким озябшим стеблям, не пытаясь разъединить корни живого растения с каменной холодной поверхностью. Поработать бы на острове хоть один летний сезон над крупномасштабной геоботанической картой, составить список растений, определить фенологические даты их сезонного развития.

Я торопливо пересекал долину в широкой ее части по диагонали, стараясь отыскать следы людей, побывавших на острове до нас.

На необитаемых островах должно встречать только следы-знаки. Не кучи отбросов, старого железа, битого стекла, не изорванный покров земли, беззащитной перед человеком арктической пустыни ожидаю увидеть, но святыне для потомков каменные гурии, деревянные столбы, пирамиды, скромные надгробные знаки. Испокон веков арктические путешественники знали, что страна вечной мерзлоты тем дальше хранит память о делах и людях, чем меньше следов оставалось на ее теле.

Однажды мне удалось дойти до Южного мыса. Там должен находиться Знак острова Геральд, Он отмечен в лоциях на

советских и иностранных судах, проходящих мимо острова, на всех крупномасштабных картах. Подойдя почти вплотную к обрыву, за которым круто в море спускались целой толпой светлые кекуры, я увидел на верхней площадке деревянную пирамиду. От нее вверх поднималось невысоко изломанное древко флаштока. Сам флаг, склепанный шесть десятилетий назад советскими моряками из корабельного железа, лежал в расщелине скалы. Какими же ветрами был сорван он и смят, как лист картона?!

В это время с долины, на которой приземлился вертолет, протянулись к небу шлейфы от сигнальных ракет. Густая полоса тумана с севера ударилась о скалы, поднялась над островом и потекла к нам. Нужно спешно покидать остров. Я успеваю только перетащить остатки флага к пирамиде и аккуратно уложить их на каменистой россыпи. Некогда записать в полевом дневнике надписи на брусках пирамиды, сохранившиеся только потому, что дерево здесь не гниет. Спускаюсь в долину, повторяя вслух:

«1926 год, август» — Да, так и должно быть. Семнадцатого августа того года экипаж судна «Ставрополь» под командованием капитана Миловзорова на пути с острова Врангеля установил Знак принадлежности этой земли нашей стране.

«1935. 15 сентября. Дубовцев В. Ф., Раминых И. Н.» — в тридцать пятом на ледоколе «Красин» проводилась комплексная экспедиция в этом районе Арктики. Капитан Ратманов не оставил на пирамиде своей подписи. Жаль...

«Темп» — 23.07.49». — Лаконично, почти по-военному. Как на крепости, взятой штурмом в бою.

Раскручиваются лопасти вертолета. Уже с воздуха при развороте на юго-запад еще раз вижу деревянную пирамиду над толпой светлых кекуров. Еще через минуту каменное тело острова начинает растворяться в темной пелене, все больше напоминая сказочного динозавра, восставшего из морской пучины.

В одно из следующих кратковременных посещений острова с нами были подростки Коля Тымкувги, Толя Каургин и мой сын Константин. Под крутым склоном ложбины в центральной части острова, по рассказу комэска Шмидтовского аэропорта А. А. Рашевского, есть что-то напоминающее полуразрушенную землянку. Ребята убедили нас, что только они могут оперативно преодолеть трехкилометровое расстояние с перепадами высот более ста метров, крутыми спусками и подъемами. И они действительно возвратились к вертолетной стоянке к назначенному времени — мокрые, с разбитыми подошвами сапог. Сомнительное сооружение оказалось большим плоским камнем.

Погода не торопила нас. И в утешение за напрасные труды я подвел мальчишек к гурию, с которым связана нераскрытая

до сих пор тайна письма с острова Геральд. Они знали о ней, но увидеть каменную пирамиду, под которой было найдено письмо из прошлого века!..

— Никогда не разрушайте старые и новые Знаки, поставленные людьми на вечной мерзлоте,— сказал я им совершенно напрасно, потому что и без меня они знали цену следам-знакам, взятым под охрану на заповедной территории.

На одном из четырех холмов в бухте Роджерса совсем рядом с селом Ушаковским где-то под камнем в вечной мерзлоте должна находиться первая карта острова Врангеля, составленная капитаном Берри. Тайна эта связана с гурием на Геральде, у которого мы стояли с ребятами.

Тридцать с небольшим лет назад к острову Геральд подошло гидрографическое судно «Донец». Для определения точного местоположения острова на нем высадились группа астрономов. Они-то и нашли среди плоских камней осевшего от времени гурия четырехгранную бутылку из-под виски с запиской, пролежавшей здесь многие десятилетия. Пожелтевшую бумагу приложили к отчету, и она, к большому сожалению, оставалась непрочитанной еще в течение семнадцати лет...

В 1971 году из Ленинградского гидрографического предприятия находка поступила в лабораторию реставрации и консервации документов при Ленинградском отделении Академии наук и прошла качественную обработку и восстановление. Не весь текст удалось тогда прочесть. Еще через десять лет материал о письме, найденном на острове Геральд, был опубликован в «Известиях Всесоюзного географического общества».

«Судно Соединенных Штатов «Роджерс», командир лейтенант Роберт Берри... контора «Нью-Йорк геральд»... поисках «Жаинетты»... остров Врангеля гавань Роджерса поставлен гурий... схематическая карта... помощи спасшимся... партия с «Роджерса» будет зимовать на сибирском берегу... 29 сентября 1881 года».

Два судна «Корвин» и «Роджерс» в тот год вели поисковые работы в Чукотском море пропавшей без вести «Жаннетты». Никто еще не знал о судьбе исследовательского судна, раздавленного льдами, и гибели отважного полярного исследователя Де-Лонга почти со всем экипажем в устье сибирской реки Лены. Как повелевал высший человеческий долг, люди шли на поиск людей, рискнувшие пытались оказать помощь рискнувшим. Так на протяжении веков писалась белая книга Арктики.

Восстановленное письмо рассказало о большем, чем удалось прочесть вначале.

«...На острове Врангеля на широте 70°57'N и долготе 178°10'W «Роджерс» поставил гурий, в котором можно найти схематическую карту этого острова, а также карту гавани Роджерса, находящуюся в указанных координатах.

Гурий сложен из обломков скал наподобие этому, наверху его поставлены торчком сани. Этот гурий находится на вершине левого из двух холмов, к северу от оконечности песчаной косы, образующей вход в гавань.

Опознавательный гурий находится на обрывистом берегу напротив оконечности песчаной косы. Этот второй гурий также сложен из обломков скал, в его центре установлен столб высотой 25 футов... направление для идущего... главное... на вершине четвертого холма».

Сохранившийся текст, написанный рукой полярного исследователя С. Ф. Путнэма, сам по себе имеет важное значение не только потому, что он содержит сведения о документах, заложенных в бухте Роджерса капитаном Робертом Берри. Здесь впервые остров Врангеля назван именем русского офицера, приоритет которого в открытии арктической земли подтвердила команда американского судна. Сам Путнэм вскоре трагически погиб вблизи бухты Лаврентия, а судно «Роджерс» через два месяца после захода на остров Геральд полностью сгорело во время начавшейся зимовки. Русские власти оказали погорельцам помощь. Экипаж разместили в эскимосском селении, и весной 1882 года «Корвин» принял на борт потерпевших бедствие моряков.

Наше кратковременное пребывание на острове Геральд пробудило в моем сыне стремление отыскать первую карту острова, составленную капитаном «Роджерса». Он часто уходил свободными вечерами к четырем холмам близ села Ушаковское, но кроме забытой могилки коренной жительницы острова Нанухак следов из прошлого не нашел...

Мне же с каждой встречей необитаемая земля казалась все более таинственной, и я мечтал о том дне, когда на остров Геральд отправится экспедиция.

И вот весной 1986 года мы наконец стали готовиться к экспедиционной работе. В задачу входило: наземное обследование острова Геральд, изучение условий залегания в берлоги белых медведей, общие экологические наблюдения, описание исторических памятников, восстановление нарушенного временем флага нашей страны.

24. На этом диком осколке камня никогда не бывает нормальной погоды,— предупреждал меня работник полярной станции, проживший на Врангеле более десяти лет и понимающий, что там мы встретимся с непривычными даже для полярников метеоусловиями.

25. В случае непредвиденных обстоятельств,— говорил дошлый работник охраны заповедника,— мы не гарантируем оперативную помощь. Группа может надолго остаться отрезанной от заповедника. На авиацию надежды мало—«непредвиденные» возникают по закону бутерброда в пурговую погоду.

Беспокойство другого порядка — наивное и трогательное — проявила камчадалка Мария Степановна Попова. Она видела вблизи остров Геральд и поделилась со мною своими страхами.

Совсем еще девочкой-подростком Мария Степановна вместе с родителями переселилась на остров Врангеля. Было это в 1935 году. С палубы ледокола «Красин», вставшего на якоря у скалистой земли, камчадалы и береговые чукчи-переселенцы с ужасом рассматривали каменное чудовище, о которое разбивались выбрасываемые морем глыбы льда.

26. Черный камень. Дом для мимликморавитляна — водяного человека, — сказал кто-то из старших. И дети заплакали.

Переселенцам объяснили, что это не та земля, куда они держат путь. Но теперь островная Арктика представлялась им в образе темного чудовища, застывшего среди холодного и мрачного моря.

С ледокола на воду были спущены шлюпки. Их быстро накрыла тень от высоких скал и растворила в свинцовой мгле. Там, где только что мелькали их силуэты, тяжелая волна разбилась о камни...

Воспоминания полувековой давности заставили сжаться в комочек эту спокойную сдержанную женщину. Свой детский страх перед диким необитаемым островом она сохранила до старости.

27. Шлюпки с ледокола «Красин» пощадил тогда водяной человек. Но остерегайтесь, никто не знает меру его добра и зла к людям, которые тревожат его сны, — так закончила свой рассказ Мария Степановна и долго качала головой, слушая мои возражения.

Состав полевой группы определился за неделю до начала экспедиции. Орнитолог готовился к защите диссертации, и отрывать его от такого важного дела было бы несправедливо. Ботаник сокрушался о сроках. Он очень хотел принять участие в экспедиции, но, конечно, только в период короткого арктического лета.

В состав экспедиции были включены Олейников и Корявченко, с которыми я надеялся выполнить программу работ за полтора месяца. Инспектор охраны Игорь Олейников имел трехлетний стаж в заповеднике. Помню его солдатские письма с Чукотки: мягкие, спокойные, доверительные. Ни слова о тяготах срочной службы, а все порою наивные описания северной природы. Письма сопровождались фотографиями прирученного к солдатским рукам евражки, снятой крупным планом веселой и бойкой пуночки. В наш век мужская наивность ценится дорого — со временем она превращается в доброту. Мы пригласили Олейникова после окончания срочной службы в армии в заповедник. И не ошиблись. Он легко освоился, стал

надежным работником охраны, пытливым наблюдателем. Поступление его в Иркутский сельхозинститут на факультет охотоведения воспринялось как должное на пути становления настоящего специалиста заповедного дела. Вот насчет молодого Олега Корявченко мы сомневались: тихоня, совсем еще не имеет практического опыта. Но я твердо решил включить его в состав экспедиционной группы. Привлекало в Олеге ровное поведение и какое-то безразличие к комфорту. Была и еще одна причина. После службы в армии он не поехал даже на побывку домой. Не верилось, что парень с таким характером может быть неблагодарным и бездушным; скорее он напоминал человека, выросшего в нелегкой семье. И это оказалось правдой. В минуту откровенности он посвятил меня в свою тайну, но я не рискну углубляться в нее.

Во второй половине февраля мы забросили на остров каркасную арктическую палатку (капш), метеорологическую будку, топливо. После этого остров закрылся надолго плотными облаками. На пятый день, пролетая над долиной Базовой, мы увидели палатку. На краю обрыва ее красное полотнище развевалось на ветру. Приземлиться не удалось — по всей долине белой рекой текла поземка. Нужно было возвращаться на остров Врангеля, но и там погода резко ухудшилась. Для радиосвязи с аэропортом Мыс Шмидта вертолет по спирали набирал высоту. По мере удаления от плоских вершин острова поземка становилась прозрачней, палатка вырисовывалась четко и впечатление создавалось такое, что она установлена на самом краю обрыва и вот-вот должна слететь в море.

Не сразу мы заметили цепочку следов в направлении к палатке. Следы оставляла грязно-желтое пятно, раскачивающееся из стороны в сторону и быстро продвигающееся к капшу. Зрение наблюдателя, работающего с дикими животными, особенно резко улавливает движущиеся предметы. Я увидел огромного по величине медведя, необычайно темного, что не могло не броситься сразу в глаза. Он не обращал внимания на шум вертолета, и когда мы стали быстро удаляться прямым курсом на остров Врангеля, он находился уже совсем близко от палатки.

Земля встретила нас густой поземкой. Сильный ветер разбалтывал лопасти вертолета, и мы поспешили помочь экипажу стреножить, как норовистого коня, беспомощно вздрагивающую легкую машину. За нами уже вышел вездеход. Сумеют ли водители отыскать в белой пелене гору Туманную, на вершину которой командир смог посадить наш вертолет?

Страшна поземка на арктическом острове. Северо-восточный ветер при скорости свыше двадцати метров в секунду поднимает сухие кристаллы снега на высоту всего несколько метров, и нескончаемая река бурными потоками устремляется через вставшую на ее пути землю. В отличие от настоящих рек,

бунтующих в половодье, снежные реки с долин легко поднимаются на возвышенности, преодолевают барьеры — отвесные скалы, крутые речные берега и даже увеличивают в таких местах скорость своего течения. Нет у поземки преград. Поземка обманчива. Водитель видит над головой яркое солнце и ничего не различает в нескольких метрах впереди себя. Приспосабливаясь к рельефу местности, белая река разделяется на потоки, меняет направление движения и нередко вопреки человеческой логике разворачивается навстречу ветрам, породившим ее. Этого бывает достаточно, чтобы запутать, утопить в слепом мареве застигнутого непогодой в тундре человека.

Взрослый медведь

Их двое — Луговцов и Нанаун. С каждым из них много раз мне приходилось попадать в критические ситуации, и сейчас я мысленно с ними. Они уже должны пройти перевал к реке Нашей. Леонид Федорович Луговцов вглядывается сквозь темные очки под гусеницы вездехода и резковато советует Леве Нанауну: «Держись вдоль застрогов. Не спеши, за ручьем повернем на Туманную».

Нанаун отпускает рычаги и на ходу посматривает на карту: «Ни черта не видно. Где-то рядом должны быть старые следы

«Бурана» с санями. Они на Тракторный перевал уходят и дальше к верховьям Красного Флага».

Вместе они решают сейчас старую как мир задачу: из точки А проложить путь в точку Б. Не всегда на арктическом острове она оказывается простой. Много лет назад в такую же погоду вездеход с людьми рухнул с мыса Пролетарского...

Экспедиция наша еще не началась, но на нее работало уже множество людей. Женщины ремонтировали меховую одежду и обувь, мужчины помогли надежно упаковывать снаряжение, загрузить и разгрузить вертолет или садиться, когда было необходимо, за рычаги вездехода. Все понимали серьезность планов, но когда наша группа вместе с вертолетчиками возвратилась в село, не обошлось без шуток. Вспомнились и предостережения Марии Степановны Поповой. Необитаемый остров не хотел нас принимать.

Но перещеголяло всех Всесоюзное радио, передавшее по «Маяку» о высадке сотрудников заповедника на острове Геральд. Как выяснилось, утечка информации прошла по каналам тропосферной связи, установленной сравнительно недавно на нашем «краю света». Не привыкшие к междугородным переговорам островитяне рассматривали каждый звонок «оттуда» важным событием. Не жалко собственных ног, чтобы пробежать в конец села и пригласить к телефонной трубке необходимого человека, приятно и самому ответить на вопросы. Об основных новостях на острове Врангеля и даже на необитаемом Геральде охотно сообщила тихая и покладистая уборщица. Да, человек не представился ей, но поблагодарил дважды — в начале и в конце телефонного разговора. Куда ж нам деться от простодушия островитян и напористости далеких корреспондентов...

Еще несколько дней вертолет находился в тундре. Высказывались опасения, что его может подрать любопытный медведь, и бортмеханик подsunул старшему инспектору заповедника журнал для росписи о приемке техники на ответственное хранение.

Утром двадцать четвертого февраля собаки рвались с поводков и азартно перелаивались. Это на собачьей упряжке приехал спозаранку с бухты Сомнительной Ульвелькот. Местные лайки побаивались и потому относились недружелюбно к ездовым собакам, всегда устраивая при встрече шумный концерт.

Мой пес Юган подвывал глухо и скорбно. В молодости он был отдан на воспитание в бухту Сомнительную и теперь вспоминал злого Вожака, жесткий алык из нерпичьей шкуры, разбитые в кровь лапы, кусок мерзлого копальхена, проглатываемый целиком. Но, может быть, он жалел о той прошлой жизни, и мне — его хозяину — никогда не понять того, что чувствует и о чем тревожится живое существо, когда судороги

сводят его скулы и в горле рождаются стонущие звуки.

«Ульвелькот пустился в дорогу, значит, погода наладится»,— думал я. А тут он и сам уже появился на пороге. Раздеваться не хочет, посидит на низкой скамеечке так просто, чай попьет, немножко поразговаривает... Ульвелькот — Маленький Камень На Берегу Моря. Мудрый старик не придет просто так по мелочам к человеку, когда тот собирается в дорогу, не станет отвлекать от дела, которое нужно делать не спеша и в одиночку. Я организовываю чай, расспрашиваю о здоровье его и тети Ключ.

28. На Геральде тебя медведи заждались,— говорит старый чукча.— Ветер изменился. Скоро стихнет. Так до вечера будет. Мне тоже нужно успеть возвратиться в бухту Сомнительную.

29. Ну, спасибо, Иван Петрович, обнадежил,— отвечаю старику, с легкостью доверившись его предсказанию.— Да если вертолет прилетит с горы Туманной, мы тебя с собачками первым делом отправим домой.

Старик прикладывает сухими обветренными губами к кружке с горячим чаем и потом долго и беззвучно смеется над моей, как он считает, шуткой.

30. Моих собачек нельзя возить вертолетом. Они потом совсем откажутся бегать. Скажут: вези нас, дедушка, снова по воздуху, так легче. Я что пришел,— перестал смеяться Ульвелькот.— Люди сказали, ты совсем старого медведя на Геральде видел. Совсем темный, как после охоты на нерпу. Или где на песчаной косе моржа доедает, вымазался весь. Но ты и сам бы догадался об этом, посмотрелся на всяких и в бухте Сомнительной и на мысе Блоссом... Может быть, это Нука еще не умер, только много ему лет тогда. Сильно темный зверь был. А Нуком его ребятишки прозвали. Если память не потерял, имя свое помнить должен.

Мне позвонили, что Лева Нанаун привез экипаж к вертолету. Ульвелькот заторопился с чаем. Но я был давно уже собран к отлету и попросил старого охотника рассказать о белом медведе, который получил на арктическом острове от людей имя собственное...

Маленький Камень На Берегу Моря поведал эту историю так, как будто он долгие годы бродил с белым медведем. Иногда он даже размышлял от его имени, предавался переживаниям. Казалось, что всю ответственность за странную судьбу дикого зверя старик взвалил на свои плечи. Я понимал, что он сильно воодушевлен подтверждением его давнишней догадки — с тех пор, как этот медведь перестал приходить к людям, только он один продолжал считать Нука живым — поселив его на необитаемом острове. Было ли все так, как рассказал Ульвелькот, меня этот вопрос не беспокоил. Любой домysel

старого чукчи мог быть только дополнением разыгравшегося воображения к большой правде о жизни дикого зверя. Вот этот рассказ.

Не свойственная белым медведям оседлость проявилась у него давно. Уж он-то смолоду был бродягой: с дрейфующими льдами не раз обошел Восточно-Сибирское море и Чукотское, добирался через горло Берингова пролива до южной кромки льдов и возвращался на север сухопутным путем через Чукотский полуостров. Тогда у него была повторяющаяся ежегодно конечная цель движения — возвратиться к двум островам, лежащим в море, которое никогда не очищается полностью ото льдов. Там начинался его новый круг жизни.

Маленький скалистый остров притягивал его с непонятной силой. Попадая на него поздней осенью, он бесцельно бродил по припайному льду, песчаным косам, забредал в глубокие пустые пещеры, поднимался на верхние склоны. В эту пору молодые сильные медведицы подходили к заснеженной земле и устраивали в прошлогодних снежниках или свежих надувах с подветренной стороны родовые берлоги. Его не интересовали медведицы поздней осенью. Несколько месяцев назад ради любой из них он готов был померяться силой с соперником, но природа отмерила диким животным короткий период страстей, необходимый только для продолжения рода.

Он оставался безразличным и к устройству берлог, хотя однажды на другой стороне пролива в землях, мало знакомых и даже ему, бродяге, казавшихся слишком далекими, приходилось наблюдать, как медведи-самцы устраивались под снегом на время свирепых пург.

Так, побродив по скалистой островку, он — неожиданно для тех зверей, которые видели его громадную фигуру, передвигающуюся спокойным шагом, и, может быть, опасались агрессивного поведения, — исчезал незаметно.

Он не помнил берлогу своей матери, но первый Большой переход по льдам остался в его памяти. Этим путем медведь попал на соседний остров, населенный людьми, которые сыграли в его жизни роковую роль. Где-то в конце шестидесятых годов на острове Врангеля была убита медведица. Закон об охране белых медведей, принятый более десяти лет назад странами, заинтересованными в сохранении ставшего редким крупного полярного хищника, не смог защитить от браконьерской пули именно эту медведицу, не помешал осиротить именно этого медвежонка. Когда обрывается чья-то жизнь или резко меняются жизненные обстоятельства, мы — люди — задумываемся о превратностях судьбы, пытаемся понять: почему она избрала объектом своих действий того, а не иного человека. В памяти каждого из нас хранятся отзвуки многих судеб дорогих и близких людей. Животные не отделяют себя от происходящих событий, но в памяти мы отказать им не

можем. То, что сильно подействовало на них или необходимо в борьбе за существование, помнится долго и прочно. Если бы медвежонок рос с матерью, он расстался бы с ней, как и положено повзрослевшему медведю, через два года и вскоре забыл бы о ней — так природа оберегает животных от переставших быть необходимыми родственных привязанностей. На он пережил смерть матери в том возрасте, когда она была ему очень нужна. И она осталась в его памяти на всю жизнь. Он запомнил вкус материнского молока, теплую шерсть материнского бока, когда на Большом переходе приходилось бежать вприпрыжку под ее животом, облизывая на ходу горячие соски, взбираться при большой усталости на ее спину. Выросший в громадного даже среди своих сородичей зверя, он не освободился от памяти последнего дня, проведенного с матерью, она преследовала его в коротких снах, вызывая стон и заставляя мелко трепетать расслабленные мышцы.

Тогда он впервые увидел людей. И выполняющих их волю злобных собак. Страх матери передался ему. В панике они бежали, но он не поспевал, путался в ее ногах, громко скулил. Медведица останавливалась, громко шипела, бросалась на собак. Негромкий выстрел успокоил ее. Она прилегла на снег, как делала это перед кормлением медвежонка, и уткнулась в большие теплые лапы. Собаки выволокли медвежонка из-под брюха медведицы, но громкий окрик человека остановил их.

— Какой он грязный! — с жалостью сказала женщина, когда к ней в дом принесли медвежонка. И она прикоснулась к нему теплыми руками. Человек, окрик которого заставил недавно собак отступить от медвежонка, сказал спокойно:

Такая странная у этого звереныша шерсть. Как бы его для зоопарка не забраковали. Ты поддержи его у себя. Мать его где-то затерялась. Сгущенки я принесу и клетку сделаю. Может, заберут его для зверинца, так все затраты окупятся.

Медвежонок не понимал слов, но ухватился за руку женщины. Ему нужен был кто-то рядом, один он не мог существовать на этой земле. Теплая и мягкая рука успокаивала его. Сельская детвора назвала его Нуком. Ребятишки любили с ним играть, отгоняли собак, подходивших к медвежонку со своим интересом. Нук забывался на время, как любой ребенок, разыгравшийся на снежной горке, но вдруг бросал игры и с детским плачем бежал к женщине.

— Они убили твою мать, — говорила женщина, поглаживая медвежонка по широкому лбу. — Я видела кровь на собачьих мордах в тот день, когда они тебя «нашли». Да и людей этих я знаю...

Медвежонок быстро засыпал под мягкий говор женщины. Мышцы его расслаблялись, он мелко вздрагивал и всхлипывал во сне.

Через полтора месяца на Мыс Шмидта прилетел специалист, чтобы забрать нескольких медвежат, отловленных и найденных на Чукотском побережье. Утренним рейсом он собирался вылететь на остров Врангеля, рассчитаться с ловцами на личными и забрать медвежонка. Но накануне ночью произошло непонятное даже для старожиллов происшествие. Одиночная медведица, которую видели несколько дней подряд вблизи села, взломала клетку с приготовленным для отправки медвежонком и увела его за собой. Один из «ловцов» попросил Ульвелькота протропить след зверя, зная его умение и надеясь, быть может, привлечь опытного охотника к незаконной добыче медведей.

— Да они нам скоро на голову сядут — говорил «ловец» чукче-охотнику, промышлявшему на законных правах песка и морского зверя.— И медвежонка жалко. Медведица все равно съест чужого детеныша...

В устье реки Хищников Ульвелькот нагнал медведицу, укравшую темного медвежонка Нука. Она пыталась увести его во льды, подталкивала носом, но приемыш не хотел удалиться от береговой черты и все время уклонялся в сторону.

— Он должен еще привыкнуть к новой матери, к вкусу ее молока,— рассуждал вслух Ульвелькот.— Голодный желудок примирит его и сделает послушным. Разве это не настоящая семья? Я не буду забирать у медведицы ее приемного сына.

На пути к дому Ульвелькот размышлял о странном случае, свидетелем которого он только что был. Белым медведям несвойственно проявлять заботу о чужом потомстве. В трех поколениях прибрежных чукчей известен только один подобный случай, о котором рассказывал дед Ульвелькота. Но тогда от медвежонка, затерявшегося среди ледовых торосов, не пахло человеческими руками. Ульвелькот решил не говорить сельчанам о том, что видел в устье реки Хищников. А людиглянули на пустую котомку, с которой возвратился из тундры охотник, и не стали понапрасну его расспрашивать.

Темный медвежонок Нук перестал существовать для всех, кроме Ульвелькота и женщины, у которой были теплые руки.

Медвежонок тяжело свыкался с новым теперь для него положением. Зверь, который хоть раз ощутил тепло человеческой руки, навсегда теряет единство с Дикой Природой и перестает принадлежать только ей.

Через полтора года к поселку на южном побережье арктического острова подошел медведь, отличавшийся необычайно темной шкурой и тем, что не испытывал страха перед человеком, а искал встречи с ним. Он расшвырял собак, окруживших его, подошел к дому на краю поселка и ткнулся мордой в дверь. На отчаянный лай самых смелых собак выходили из теплых квартир спокойные островитяне, освещали сигнальными ракетами и фальшфейерами погруженный в темень поляр-

ной ночи поселок и, довольные произведенным световым и шумовым эффектом, возвращались по своим домам. Теперь оставалось только прислушиваться к собачьему лаю и определять, в какую сторону погонят псы перепуганного зверя. Дверь, у которой стоял медведь, тоже открылась. На пороге показалась женщина, и медведь сделал к ней полшага, не больше. Ока вскрикнула, ударила неумело каким-то подвернувшимся предметом зверя и поспешно захлопнула дверь. Это была не та женщина, руки которой помнил медведь. Собаки распались зная по опыту, что зверь не выдержит натиска такой оравы и, ссутулившись, озираясь по сторонам, припустится бежать. Вот сладостный миг победы даже для самой трусливой шавки.

Медведь развернулся резко и выхватил из своры крепкого пса. Он смешал его со снегом и, переступив через останки, двинулся на собак. Несколько охотничьих лаек остались неподалеку от него, а остальные с воплями и визгом улепетывали к домам своих хозяев.

Снова захлопали двери. Сигнальные ракеты разогнали: темноту. Человек, который когда-то получил ящик водки за белую шкуру матери Нука, взвыл не своим голосом:

— Ах, чтоб тебя, лучшую мою собаку задавил! Да они скоро по нашим головам ходить будут! Без всякого разрешения пристрелю убийцу!

Он долго еще кричал, но при людях не решался стрелять, хотя заряженный карабин был у него в руках.

— Какая темная у медведя шерсть! — сказал совсем еще новичок на острове молодой егерь заказника.

— Нук! Маленький Нук! — вскричали разом несколько подростков, прилетевших недавно на зимние каникулы из школы-интерната.

— Убери карабин, — сказал подошедший к крикливому человеку Ульвелькот. — Видишь, люди узнали Нука. Он сейчас сам уйдет.

Несколько собак, вяло и несмело влаивая, проводили медведя до песчаной косы, уходящей в скованное льдом море. Поселок погрузился в тишину полярной ночи.

Понял ли Нук, что женщина, заменившая ему мать, не живет уже на острове, но только он больше не приходил к ее дому...

И доходили до острова слухи с Чукотского побережья, с кораблей, пробивающихся через льды Лонга, о громадном медведе необыкновенно темного окраса, который безбоязненно подходил к человеческому жилью, не уступал дорогу охотнику-промысловнику в тундре, приближался к морским судам у пристаней и во льдах.

В зависимости от того, при каких обстоятельствах происходила встреча, люди в страхе отступали перед зверем, отпугивали сигнальными ракетами или пытались завязать знакомство

и бросали ему банки со сгущенным молоком. В глухом месте без свидетелей кто-то стрелял в медведя из охотничьего карабина. Пуля пробила шейные мышцы, рана зарубцевалась, и с тех пор у Нука появилось постоянное потряхивание головой, что делало его еще более узнаваемым.

Нук не проявлял агрессивности к людям. Был случай, когда в прибрежном поселке на краю его он встретился с ребенком. Ни зверь, ни маленький человек не испытали страха, медведь отошел в сторону и не спеша удалился. От залива Креста до поселка Биллингс на северном побережье передавались о Нуке были и небывицы.

— Этот странный медведь не может жить без людей. Но, похоже, он постоянно кого-то ищет,— говорили одни.

Другие были настроены более жестко:

— Дикий зверь не боится человека и потому опасен. Таких медведей нужно стрелять.

Положение Нука осложнялось тем, что он питал настоящую ненависть к собакам. Лучшие промысловые лайки платили своей жизнью за попытку остановить зверя или загнать его в торосы. Хозяева погибших собак настаивали на отстреле, обещая, что они и без разрешительного документа сделают это при первой возможности.

Нука спасало знание повадок собак и людей, а также то, что в осенний период начала промысловой охоты на песца, когда все охотники находятся в тундре, где выстрел без свидетелей часто производится раньше, чем человек задумывается об ответственности, он уходил надолго к двум северным островам через пролив Лонга. От скалистой необитаемой земли Нук шагал по льду к острову Врангеля. По большому кругу обходил зверь поселок, пока собаки не начинали преследовать его. Он уводил их на внешнюю косу бухты Роджерса и там устраивал кровавую расправу. Медведь давно был обречен на смерть. Казалось, только необыкновенные обстоятельства сохраняли его среди людей, с которыми так настойчиво и нелепо искал он встречи. Но смерть не приходила. Зато ему пришлось испытать нечто более страшное. В период, когда медведи-самцы и медведицы настойчиво ищут друг друга, в небе над побережьем кружил вертолет. Группа приезжих ученых апробировала методику обездвиживания и мечения крупных хищников. Среди научных сотрудников находилась женщина, которая когда-то жила на острове Врангеля.

С вертолета заметили большого темного медведя. На малой высоте машина зависла над ним, и тонкий шприц из ствола кеп-чура был послан меткой рукой одного из опытных стрелков. Вертолет набрал высоту, сделал большой круг и приземлился рядом со зверем, лежащим в параличе с открытыми глазами.

Каждый знал свое дело. Зверя взвесили на специальных

весах, произвели промеры и удивились полученным результатам — зверь был огромен.

— Какая темная ость! — сказал молоденький лаборант.— Этот медведь недавно удачно поохотился.

Лаборанту хотелось показать свою осведомленность, но его не поддержали. Старший группы предложил ему собрать всю шерсть от стрижки на боку животного, которая необходима перед нанесением краской больших цифр.

Над зверем торопливо трудились: выдернули зуб бесцеремонно и грубо, сняли длинный черный коготь...

— Пора заканчивать,— сказал старший группы, внимательно рассматривая подпуш, жесткую ость и кожу в тех местах, где шерстный покров был редок.

— Мне приходилось видеть темного медвежонка,— вспомнила женщина.— Кажется, его звали Нуком...

В конвульсиях мелко трепетало огромное тело зверя. Люди заспешили к вертолету. Женщине показалось, что медведь может задохнуться, и она развернула на бок его тяжелую голову и вытерла с морды выступившую пену...

Нук очнулся, когда вертолет далеко у горизонта кружил над другим медведем. Кто из нас — людей вправе прочувствовать и домыслить состояние зверя, подвергнутого подобному испытанию?! Было ли это отравлением, воздействием на психику неизвестным в тонкостях препаратом, последствием глубокого шока или захлестнувшей все другие чувства болью от нахлынувшей памяти о женщине с теплыми руками,— только зверь, потерявший единство с Дикой Природой и не нашедший его с Человеком, сделался с той поры отшельником, поселившись на острове Геральд...

Маленький Камень На Берегу Моря раскурил глиняную трубку и молча сидел, пока меня не вызвали к вертолету.

Кроме нас троих на острове Геральд еще два живых существа — мой пес Юган, специализирующийся на поисках берлог белого медведя, и не имеющий определенных занятий и обязанностей, но избалованный до предела вниманием и лаской в молодежном общезитии кот Пеликен, под мужским именем которого, как выяснилось позже, скрывалась обыкновенная и вздорная по характеру кошка.

Каркасная палатка удерживается четырьмя специально сплетенными тросами, закрепленными железными кольями в скальный грунт. За те дни, что палатка простояла без людей на острове, ветер изрядно ее потрепал. Полотнище поднято высоко на крышу, брезентовый пол сорван и прижат к алюминиевому каркасу.

— Здесь кто-то побывал без нас,— простодушно восклицает Корявченко, показывая на крупные отпечатки следов на плотном снегу.

Я обращаюсь к Олейникову:

— Как будущий охотовед определи: кто, когда и зачем?

— Белый медведь, понятно,— сообщает Игорь.— Крупный старый самец. Цель прихода не ясна, так как прошел сквозь палатку, будто ее и не заметил. Не останавливался, ни к чему не прикасался. Ну а поскольку следы находятся у нас в палатке и скоро могут быть затоптаны, есть предложение поручить заботу о них нашему молодому егерю.

Так с легкой руки Игоря Олег Корявченко был назначен Хранителем Медвежьего Следа. За автором этого торжественно прозвучавшего имени мы тут же закрепляем профессиональную кличку Охотовед. И не заглазно, как это делалось раньше, а в открытую мои товарищи называли меня Дедом. Таким образом, традиция малочисленного замкнутого коллектива не оказалась нарушенной. Я склонен думать, что за элементом игры проявляется в этом стремление обновить и упростить взаимоотношения людей, оторвавших себя от многолюдья и цивилизации, когда от каждого из них зависит так много в успехе или неудаче общего дела.

Мы не успеваем разжечь печь, разобрать оборудование в продукты, как начинается пурга. Порывы ветра доходят до двадцати пяти метров в секунду. Легкий капш сотрясается стеганое полотно палатки сбивает алюминиевые трубки каркаса, сухой колющий снег, наэлектризованный и истертый в мельчайшую пыль, застилает глаза, сбивает дыхание.

Мы пытаемся укреплять капш, но его спасают только туго натянутые струны троса. Вот сейчас лопнет одна из стонущих струн, жилище взвоет воздушным шаром и, гонимое дикой силой, рухнет с двухсотметровой высоты к подножию неприютного острова.

Впрягаемся в нарты, возим снежные кирпичи, которые выпиливаем ножовками в пологом логу метрах в ста от капша. Мне приходилось не однажды строить снежные иглу и ночевать в них. Снег — самый доступный, а ныне незаслуженно забытый строительный материал в Арктике. Сколько людей застигнутых непогодой в тундре и на дорогах Крайнего Севера, доверившихся железным коробам автомашин, тракторов, вездеходов, могли бы избежать худого конца, умей они использовать такой простой теплозащитный, спасительный материал — плотный снег, лежащий у них под ногами!

Три ряда снежных кирпичей придали устойчивость всему нашему сооружению. Мокрые, уставшие, с воспаленными глазами, мы забираемся в его нетопленое нутро. Охотовед затапливает печь и первым делом ставит на нее чайник. Хранитель Медвежьего Следа, поколебавшись, решает все же немедленно установить приборы в метеорологической будке. Тяжело снова выходить на пургу. Я настраиваю на короткой антенне радиостанцию — в заповеднике ждут на прослушивании нас.

— Чибис-один! Я — Пума-четырнадцать! У нас все нормально. Как слышите? Прием...

Какие все-таки дурацкие позывные! Но не мы их придумываем, не нам их выбирать...

Через несколько часов мы окончательно отогреваемся в капше. Раскаленная печь источает столько тепла, что Пеликешка спускается из-под потолка на нижнюю полку, а мы сбрасываем с себя кухлянки.

В палатке определяется место под обеденный стол, перестилается заново оленьими шкурами спальня. Всем требуется отдых, но мы не решаемся оставить без присмотра палатку. Первым на дежурстве по его просьбе остается Охотовед. Сквозь сон слышно, как за брезентовым пологом лютует пурга. Несколько раз отрывисто и зло принимается лаять Юган. Как ему, должно быть, не хочется вскакивать с нагретого в снежном сугробе места. Но у каждого свои обязанности. По голосу собаки можно догадаться, что совсем, близко от палатки бродит белый медведь. Ему-то что не спится, не лежится?

Ночью ветер часто менял направление, разноголосо завывая со всех сторон, но не унимался — не весь снежный заряд пронес он над островом. Перед рассветом, когда я заступил на дежурство, тяжелые удары в стены капша почти прекратились. Мне нужно установить несколько в стороне от капша небольшую аварийную палатку, в которой до последнего часа работы на острове будет храниться неприкосновенный запас продуктов, одежда, запасная радиостанция. Это на случай пожара, самого жестокого бедствия в практике арктических экспедиций. В стране холода спасительный источник тепла огонь легко превращается в безжалостную стихию. В считанные минуты огонь способен разрушить хорошо продуманные планы, надломить характеры людей и, обогрев последним теплом на пепелище, бросить в объятия холода и мрака.

Такое случилось и на острове Врангеля. Экспедиции Станислава Беликова еще повезло, что она полностью не погорела на стационаре Дрем-Хеда. Люди не пострадали от огня, да и кое-что из продуктов и одежды удалось спасти. Время было дозаповедное. Радиостанция старенькая, маломощная, не могла пробиться сквозь помехи в эфире. Их не слышали на полярной станции. Наконец какой-то голос с английским или японским акцентом запросил: «Соопчите ваше координат. Мы оказывать помочь пелье, галеты, палатка». Ходили в те годы вблизи советских арктических островов иностранные суда с разной целью. Американский ледокол «Нортуинд», японское судно «Ошоро-Мару» проводили океанографические наблюдения, результаты которых позднее были опубликованы и у нас в стране. Но откуда протягивалась рука помощи погорельцам с Дрем-Хеда? По здравому размышлению поблагодарили

погорельцы иноземного радиста, так хорошо владеющего русским языком, и принялись за строительство снежного иглу...

Я занимаюсь установкой палатки и не сразу замечаю, какие разительные перемены происходят в окружающей природе. Лунный свет рассеивается по склонам сопок, отражается глянцем от снежной долины, сгущает морщины падающих в море скал. Запоздавшим эхом пролетевших ветров издалека приплывает глухой рокот с моря — там сталкиваются и крошат друг друга ледовые поля. Природа острова улыбается мягко и дружелюбно. Где-то за морем пробивается к небу большое оранжевое солнце, лунный свет бледнеет, растворяется в малиновых красках, плотный серп луны становится невесомым и прозрачным.

Глаза еще воспалены от недавно слепящей снежной пыли, тяжело привыкают к нежным краскам тихого рассвета. Редко где приходится встретить столь откровенное притворство стихии, переметнувшейся в одночасье от жестокости повеления к тихой ласке. Мы верим в Арктику, подчиняясь ее законам. Человеку с таким характером не было бы веры...

Юган навострил уши, чуть потряхивая ими. Долину Базовую пересекает в сторону южного распадка медведь. Он действительно огромен, шкура его грязна. Неестественно развернутая набок голова тяжело держится на длинной шее и раскачивается не в такт неторопливому движению всего тела.

— Нук! Нук! — кричу я громко, уверенный в том, что вижу того медведя, о котором рассказывал Ульвелькот.

Ни один мускул не дрогнул у зверя в ответ на мой призыв.

— Чего это Дед расшумелся там? — слышится глухой голос Охотоведа.

В кашпе зашевелились, брезентовый полог откидывается, ж две заспанные физиономии моих товарищей высовываются на свет. Я показываю им рукою на выплывающий не яркий еще диск солнца, раскрасивший в розовое морской лед, на чистое небо, на силуэт медведя, спускающегося по распадку, как будто все это было создано моим желанием, пока они спали, уставшие от физического напряжения первого экспедиционного дня и непогоды.

Сорок три дня мы прожили на острове Геральд. На наших глазах белые медведицы вскрывали берлоги, приучали малых медвежат к яркому весеннему свету и уводили по припайному льду к разводьям. Когда берлоги освобождались, мы забирались в снежные хижины и аккуратно обследовали их, замеряли длину коридоров, площадь комнат-камер. В полевых дневниках, на карте-схеме, в толстых журналах наподобие тех, в которых бухгалтерские работники ведут дебет-кредит, появлялись короткие записи и выразительные знаки, обозначающие состояние погоды, расположение каждой берлоги на скло-

не, экспозицию, абсолютную и относительную высоту, время вскрытия и ухода из нее медвежьего семейства, количество медвежат и еще многое, что предусмотрено нашей программой.

Косвенно по пустым гнездам моевок, подтекам на скалах можно было оценить мощность птичьих базаров. Мы уделили внимание и поискам леммингов и окончательно убедились, что на такой малой и ограниченной со всех сторон территории этот зверек не живет. Часто остров посещали полярные лисы — песцы. Нам удалось пронаблюдать взаимоотношения песцов с медведями, и они оказались более тесными, чем можно было ожидать по научным наблюдениям некоторых авторов. Явно прослеживалась обоюдная заинтересованность: песцы получали объедки «с барского стола» при удачных охотах медведей на нерпу, но сами, шныряя по припайному льду, по береговой кромке островов и побережья Чукотки, наводили крупных хищников на останки китов и моржей.

Первое время, когда мы осваивались на острове, нас устраивало количество географических названий, имеющих на официальной карте: мыс Южный, залив Микояна, мыс Дмитриева, залив Южный. Но все чаще и чаще, отправляясь в очередной маршрут, мы условились о месте встречи на каком-нибудь безымянном ручье или в безымянной долине. Имен на карте острова было явно маловато...

В первый день нашей высадки на острове долина, на которой был установлен капш, получила название Базовой. По общему согласию мы присваивали имена только тем географическим объектам, в чьих паспортах по-настоящему нуждались. Так появился ручей Ледяной — одно из немногих мест, где можно с немалым трудом спуститься на припайный лед и подняться на сам остров. Мыс Юбилейный был назван так в честь шестидесятилетия установления Знака острова Геральд. Одну из небольших долин в центральной части острова, закрытую с северной стороны крутыми скалами, единогласно и с большим энтузиазмом именовали долиной Островитянок. Это произошло накануне Международного женского праздника 8 Марта. Приживутся ли эти и другие названия — зависит уже от тех, кто будет работать когда-нибудь на необитаемом острове.

Обследуя верхнюю часть острова, мы останавливались у каждого знака, выложенного рукой человека. Гурии хранили чьи-то тайны и чьи-то надежды. Людей, оставивших знаки, уже не нужно спасать от нависшей беды, искать на арктическом побережье. Им необходима только память потомков. Я так и не сумел объяснить своим младшим товарищам, почему мы не должны прикасаться к знакам.

— Только не сейчас,— говорил я им.— Пусть на острове останется все, как было до нашего появления. Не нужно спешить. Еще очень много времени впереди.

Даже наверняка зная из книги Г. А. Ушакова «Остров метелей» о документе, оставленном капитаном Миловzorовым при установлении флага нашей страны, мы не вскрыли гурий у Знака острова Геральд.

Восстановление флага — установление прочного флагштока, закрепление его на стальных растяжках на прежнем месте — также потребовало бы частичной разборки старого Знака. И я принял на себя ответственность восстановить флаг на новом месте, оставляя старый Знак на Южном мысе в том виде, каким хранят и разрушают его проходящие годы и десятилетия.

Рано утром 14 марта мы сообщили по радиосвязи погоду в районе острова, и на Геральд вылетел вертолет с представителями, как водится, «общественных и партийных организаций». На краю Юбилейного мыса был восстановлен Знак острова. Металлический флаг от легкого ветра развернулся к югу, в ту сторону, где за Чукотским морем лежала Большая земля, кровной частицей которой с незапамятных времен был наш остров — маленький осколок древней Берингии, И на этой крохотной земле, где никогда не было войн и редко появляющиеся люди не убивали друг друга и даже не уничтожали животных, раздались выстрелы из карабинов, пистолетов, ракетниц, отсалютовавшие Знаку острова Геральд.

Поиски знаков, оставленных людьми, продолжались и по скалами в нижней части острова. Ближе к мысу Островершинному обнаружили пещеры, уходящие в глубину иногда более чем на пятьдесят метров. Темные и мрачные, они вполне подходили для обитания сверхъестественных сил, не оставляющих необитаемый остров в покое, а в одной, самой глубокой и запутанной, смог бы проживать даже «водяной человек» — мимликиморавитлян.

Более всего я желал отыскать знак Четырех — следы реально существовавших людей, погибших на этом острове. Зная в подробностях трагическую историю четырех участников экспедиции В. Стефансона, мы не имеем сведений о том, что произошло с ними на земле, на которой они искали, но не нашли спасения. Теперь, имея представление о реальных условиях существования на острове, я домысливал их действия, предугадывал сложности, оказавшиеся для них непреодолимыми. Семьдесят с лишним лет прошло после событий, о которых поведал людям капитан Бартлетт, а для меня время двинулось, десятилетия смешались, действие происходило на моих глазах, при моем участии. В суровую зиму 1913 года дрейфуя во льдах, экспедиционное судно «Карлук» было раздавлено и затонуло вблизи острова Геральд. Известный полярный капитан Роберт Бартлетт на месте гибели судна организует ледовый лагерь. Для того чтобы вывести экипаж, научных сотрудников к острову Врангеля, оборудуются промежуточные базы, строятся иглу. Все это среди грохочущего

льда, нагромождения торосов, расплзающихся трещин, черной дымящейся воды неспокойного моря. Четыре человека не выдерживают испытания и решают самостоятельно искать спасения. Доктор Робе Мэккей и океанограф Джемс Меррей имеют опыт работы в Антарктиде, Стенлей Морис — профессиональный моряк, и только у антрополога из Франции Генри Бэша нет достаточной практики.

Переубедить их невозможно. Роберт Бартлетт раскуривает короткую изогнутую трубку и наконец предлагает:

— Вы, джентльмены, должны снять с меня всю ответственность за ваши судьбы. Письменно подтвердить ваше добровольное решение. В таком случае вы получите экипировку, продукты, топливо, нарты, собак...

Они отказываются от ездовых собак и упорно изо дня в день тащат за собой нарты. Их путь лежит к острову Врангеля, но голубая полоска земли, именуемая островом Геральд, привораживает своей близостью, легкодоступностью. И они изменяют первоначальное направление пути. Через полторы недели их видят в последний раз. Француз-антрополог с отмороженными руками и ногами в состоянии полупомешательства бредет на полмили сзади. Матрос отрезает ему левую руку ножом, но начинается заражение крови и, как сообщают Бартлетту, к ночи Бэшу суждено умереть. На предложение возвратиться в базовый лагерь все они отвечают отказом.

Через несколько лет их останки нашли на острове Геральд и вывезли на родину.

В этой истории я искал причину гибели людей, обеспеченных всем необходимым для того, чтобы зацепиться на любом клочке земли и выжить. Где-то сравнительно рядом, в условиях не менее суровых, группа Бартлетта пробивалась на соседний большой остров. Знаменитый капитан вывел людей на остров Врангеля. Для спасения экспедиции он совершил единственный за всю историю самостоятельный переход через пролив Лонга и с помощью береговых чукчей добрался до восточного побережья Чукотского полуострова. Через полгода на спасательном судне он возвратился к острову Врангеля, чтобы снять с него оставшихся в живых членов экспедиции. Почему Бартлетт смог, а они не смогли? Ответить не просто. Это живые, возвращающиеся из страны холода, рассказывали о суровых испытаниях, выпавших на их долю, о той «гостеприимной Арктике», которая в конце концов шадила их. Мертвые не составляли подробных отчетов о своей гибели. Их понять сложнее... Но это как раз и необходимо сегодня нам, нашему поколению, чтобы не потерять реальное представление о сегодняшней Арктике. Она не изменила свой нрав, это люди, окружив себя техническими средствами, кажутся сильнее своих предшественников.

На острове Геральд сохранились следы пребывания Чет-

верых, на острове Врангеля следы стоянки Бартлетта. Искать их лучше в короткое лето, когда на открытых участках стаивает снег...

В первых числах апреля мы начали готовиться к возвращению в село Ушаковское. Арктическая каркасная палатка казалась нам в эти дни особенно уютной. У каждого здесь сложился свой собственный мирок, который теперь в связи с отъездом нужно было разрушить. Охотовед укладывал во въючные ящики учебники, конспекты, контрольные работы. В часы ночных дежурств и пурговые дни он усиленно готовился к сессии.

Хранитель Медвежьего Следа, как настоящий демобилизованный солдат, почти не имел при себе личных вещей. Но за недолгий период экспедиционной работы на его полках и у изголовья появилось столько изделий из камуса и оленьих шкур, что ему можно было позавидовать. Мы с Охотоведом подарили ему многие из взятых с собою книг, и теперь он имел богатую библиотеку. Кроме того, он считал почти что своей собственностью медвежий след, сохранявшийся под брезентовым полом и оленьими шкурами. Мне кажется, что из всех нас он наиболее естественно воспринимал переломы в погоде, труд и отдых, горячую пищу и скудный паек на маршруте. Упаковываться он не спешил, как будто отъезд его не касался вовсе. Он считал, что с острова Геральд куда-то опоздать просто невозможно.

Утром седьмого апреля мы в последний раз вышли на радиосвязь. Тихой солнечной погодой провожал нас снова становившийся необитаемым остров. Теперь мы знали, что на нем нет ничего сказочного. Но, пролетая над островом, я опять подумал, что скалы, долины, ребристые кекуры — сказочный динозавр, восставший из морской пучины. Расстояние меняло очертания и краски. Когда вертолет пересек пролив и развернулся от мыса Уэринг вдоль побережья острова Врангеля, у горизонта можно было увидеть плывущую в море голубую землю...

Вечером в селе Ушаковском отчаянно выли собаки. Ульвелькот узнал о нашем возвращении и приехал из бухты Сомнительной. Рассказываю ему о старом медведе Нуке, который причинил нам много хлопот. Он не проявлял агрессивности, но постоянно ходил по нашим следам. Медведь измял оставленный на северо-западной песчаной косе снегоход «Буран», а когда мы перегнали технику к ручью Ледяному, разворотил его окончательно. Он находил и разбрасывал по сторонам наши скромные продовольственные базы, которые мы оставляли внизу под скалами на случай внезапного ухудшения погоды, когда путь к верхней части острова может оказаться закрытым.

Юган нам ничем не мог помочь. Он не был охотничьим псом, знающим запах крови. Его дело — найти берлогу-белого медведя или отогнать зверя, подошедшего близко к жилью хозяина. Нук понял это сразу же, и они всегда соблюдали между собой дистанцию. Я признаюсь Ульвелькоте, что так и не понял мотивы, какими руководствовался старый Нук как бы специально досаждая нам и вызывая нас на принятие активных мер.

Слушая меня, Ульвелькот подолгу беззвучно смеется. Для него я — один из тех, кто хочет знать больше, чем способен на это человек. Но Маленький Камень На Берегу Моря очень доволен, что я задаю ему такие сложные вопросы — значит, живет еще на необитаемом острове старый Нук, и пришло время, когда человек учится если не понимать, то прощать зверю то, чего не захотел бы простить человеку...

БЕЛЫЙ МОРЖ

Ульвелькот умирал. Мы видели это по его согнутой усохшей фигуре, отрешенному и уже потустороннему взгляду. Он как бы отодвигался от нас, чтобы разглядеть со стороны и запомнить...

Однажды он показал мне на крутые склоны гор, с которых скатывалась река Сомнительная.

— Там меня похоронишь,— сказал он просто и спокойно, как будто речь шла о каком-то привычном деле.

Но мне не пришлось исполнить его просьбу. Я находился в командировке, и в Магадане меня застала весть о его смерти.

По возвращении на Остров я заспешил в бухту Сомнительную — поклониться его памяти. На узкой террасе серой горы отыскал холмик сухого щебня, наполовину присыпанный снегом. Рядом лежали нарты с остолом и собачьей упряжкой. И широкое деревянное весло, без которого он никогда не выходил в море.

Полярная ночь уже накрыла Остров. Но за проливом Лонга раскатывалась по горизонту алая полоса света, подсвечивая застывшие в бухте льды успокоенного моря, деревянные домики у заснеженного устья реки. Умиротворенность открывшейся картины казалась отзвуком растаявшей жизни мудрого островитянина. Жил человек на земле и ничего не требовал для себя лишнего ни от природы, ни от людей. В одежде признавал только хлопчатобумажную ткань да натуральный мех, пищу употреблял только в таком количестве, чтобы поддержать тело. Работу знал честную и не смотрел по сторонам — кто сделал больше. Был он смолоду промысловиком-охотником, но и запрет охоты на заповедном Острове принял как нечто необходимое. Он-то понимал, что не его карабин создал опасность для Дикой Природы, которую нужно теперь сохранять.

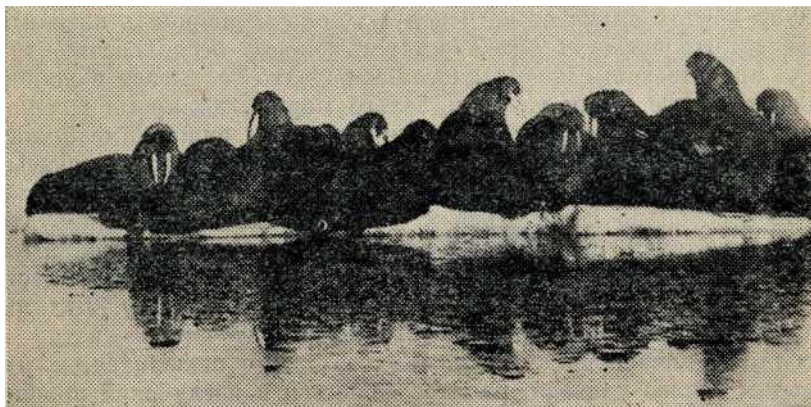
С благодарностью думая о его уроках, я спускался в долину к людям. Я хотел рассказать им о последней моей встрече с Маленьким Камнем На Берегу Моря. Так, как будто она происходила сейчас...

Часто меня направление, вельбот медленно продвигается между плоскими льдинами-перелетками по темной воде. Плавание у берегов Острова всегда риск, люди решаются на него только ради важного дела. Одно из них — охота на морского зверя. Каждый год мы отстреливаем несколько моржей для

коренного населения. Им свежее мясо и жир морского животного, копальхен в зимнюю пору что россиянину хлеб да шмат соленого сала. Берем зверя не на заповедной территории, а рядом в морских водах с проплывающих нескончаемой вереницей плоских льдин.

Рулевой Павлов следит внимательно, как бы утлое суденышко не попало в ледяной мешок. Первый стрелок Нанаун стоит неподвижно на носу вельбота и вглядывается в ту сторону, откуда слышен рев моржей. Остальные с кажущимся безразличием ждут команды старшего на вельботе Ивана Петровича Ульвелькота. Но старик молчит, прислушиваясь сосредоточенно к крикам моржей, глухим ударам сталкивающихся льдин, ровному гулу мотора.

По судовой роли я — второй стрелок. Устроившись удобно на носу вельбота, я перезаряжаю фотоаппаратуру и вспоминаю, с какой неохотой передал свой карабин гарпунщику Диме Тымкувги. Обещал с прошлого года и выполнил обещание.

Моржи на льдинах

Но чего же больше в моем неудовлетворении: того, что не я остановлю жизнь зверя, или неуверенности в метком выстреле Тымкувги?

Мы все работаем в заповеднике, и каждый раз я ревниво размышляю о глубине охотничьего инстинкта, заложенного в каждом из нас — хранителях Дикой Природы. На заповедной территории он совершенно не проявляет себя, но вот сделан шаг в сторону и голос предка-охотника призывает к действию. Почему? — хочу понять.

Вельбот наползает на мелкий осколок льдины и тяжело переваливается на борт. С подвесным мотором суетится Григорий Каургин. Рядом с ним застыл напряженно Гаев, только смолистая борода его колыхается на ветру.

От моржей, отдыхающих на большой льдине, нас отделяет расстояние не менее километра.

— Белый морж,— спокойно говорит молодой Нанаун и показывает биноклем совсем близко чуть в сторону по ходу движения вельбота.

Веки узких глаз Ульвелькота вздрагивают, он смотрит внимательно на Нанауна, произносит свое привычное «может быть» и снова опускает глаза. Старого охотника трудно удивить, а мы напряженно всматриваемся в том направлении куда показал первый стрелок.

Павлов направляет вельбот к высокой голубой льдине. Лучи солнца преломляются в ней, как в драгоценном камне, оживляют холодное пространство плоских льдин и темной воды. Голубая льдина кажется живой и теплой.

Мотор глохнет неожиданно. В монотонный гул моря впе­таются шорохи льда и тревожные крики бургомистров.

Впереди широкое разводье перекрывают две льдины. На ближней дремлет моржиха с моржонок. Мать поднимает голову и вяло опускает ее в полусне, опять упершись клыками в лед. Но все-таки она чувствует неясное беспокойство, тут же привстает высоко на лапах и надолго застывает в неподвижной позе. Ищу глазами белого моржа, но кроме грязно-желтого пятна на другой льдине ничего не вижу. Мне никогда не приходилось встречать альбиноса. Ульвелькот рассказывал, что белый морж изредка приплывает к Острову и приводит с собой большие стада моржей. В такие годы они будто бы обязательно выходят на лежбище на песчаной косе мыса Блоссом и в бухте Сомнительной. Это похоже на сказку.

Вельбот слегка покачивает и относит в сторону. Льдины медленно разворачиваются, обнажая подточенные водой и солнцем почерневшие края. Желтое пятно шевелится, и мы видим белого медведя, распластавшегося в неглубокой ложбине. Льдины сходятся с хрустом, по черной воде идет рябь. Мать-моржиха подает тревожный сигнал, моржонок торопливо семенит и одновременно с нею отталкивается от края льдины. Неуклюжие при ходьбе их тела приобретают обтекаемые черты, каждый мускул вибрирует туго натянутой струной. Один миг в воздухе — и настоящий свободный полет начнется в родной стихии — там, где трудно найти равных по силе и ловкости племени моржей.

Резкими прыжками медведь пересекает небольшое расстояние. Выхватывает моржонка и бросает обратно на льдину, Мышцы моржонка расслабляются после сильного удара медвежьей лапы, тело теряет форму, но колышется и медленно сползает снова к краю льдины. Медведь бьет лапой еще раз...

На вельботе происходит движение. Это тяжелый Дима Тымкувги выхватывает из-под гарпуна деревянное весло и резко колотит им о борт.

— Пошел, пошел! Нельзя трогать! — выкрикивает он сиплым голосом. Лицо его перекошено от злости. Будь мы сейчас на льдине, этот опытный в прошлом оленевод, который мог, играя своей силой, скрутить шею быку, бросился бы на медведя с голыми руками. Напади медведь на взрослого моржа, Тымкувги приветствовал бы борьбу равного с равным. Но его ослепила сейчас несправедливость, как понимал он ее в этой жизни,— несоответствие сил хищника и жертвы.

Разъяренный морж

— Камака. Конец. Шуметь не надо. Уходить надо,— скороговоркой говорит Ульвелькот, и его негромкие слова останавливают Тымкувги и подгоняют моториста. Каургин наконец догадывается, что кончился бензин в баке, нужно перебросить шланг на другой, стоящий под сиденьем.

— Гребь веслами к льдине,— командует вдруг рулевой Павлов.— Моржонок наш. Гребь, пока белый не сожрал его.

Никто не берется за весла. Нанаун зло смотрит на рулевого и снова прислушивается напряженно к чему-то неслышному для меня, происходящему в глубине моря. Мне припоминается, что именно он перед началом промысла сказал: «Старшой шлюпки назначается обычно рулевой, но у нас будет дедушка Ульвелькот».

За все это время я не вспоминаю о моржихе-матери, но даже если бы и подумал, то скорее всего представил бы ее скользящей в воде к своему стаду, всплывающей изредка на по-

верхность моря и призывающей криками моржонка присоединиться к ней. Не будучи свидетелем, она никогда не поймет истинной причины исчезновения моржонка и по счастливой способности представителей животного мира быстро забывать потери удовлетворится обществом себе подобных. Так продлится ее жизнь...

Движением воды нас медленно разворачивает бортом ко льдине. Медведь возится с добычей. Весь он и льдина становятся грязного цвета. Только легкий пар, поднимающийся от туши моржонка, приобретает чисто розовый оттенок. Он наплывает на нас, и мы чувствуем сладковатый его привкус.

Из глубины моря исходит неясный гул. Он нарастает по мере его быстрого приближения и взрывается леденящим душу ревом — моржиха высоко взметнулась над льдиной, потрясая клыками.

Возбужденный медведь бросается к ней навстречу, не пускает из воды, но сам держится при этом на безопасном расстоянии. Моржиха проваливается в свинцовую воду и еще выше выскальзывает из нее. Желтые клыки впиваются в прочную льдину, проскальзывают, и огромное неуклюжее тело морского зверя медленно сползает вниз. Она торопится, могучие клыки ей нужны для борьбы, и потому попытки взобраться на льдину остаются неудачными.

Мы на вельботе — невольные свидетели чужого горя. Разве оно не сродни человеческому?! И муки матери, и ее бесполезная борьба естественны для живого существа, способного страдать не только от собственной физической боли.

Медведь в какой-то момент чувствует присутствие людей. Он быстро пересекает льдину, бесшумно прыгает в воду и плывет, сильно выгибая шею и оглядываясь в нашу сторону. Метрах в трехстах он облюбовывает себе плавучий остров, где, не встряхнувшись от стекавшей влаги, принимается расхаживать взад-вперед, коротко и раздраженно рывкая. Мы явно здесь ненужные и лишние свидетели. Зато группа моржей, привлеченная криками моржихи, спешно покидает свою плавучую базу и с криками, уханьем и мычанием движется в нашу сторону. Голоса моржей внушают тревогу.

— Давай мотор,— требует Ульвелькот у моториста. Теперь и мне кажется, что Каургин слишком медлителен. А еще нужно подкачать топливо в карбюратор, рвануть на себя ручку стартера...

Разъяренная моржиха всплывает рядом с вельботом. Всю отчаянную решимость к борьбе она готова перенести на нас. Налитые кровью глаза ее слепы от ярости, голова дергается из стороны в сторону, широкие толстые губы судорожно трепещут, усиливая стонущие звуки. «О-о-о-м-у-у!» — клыки чиркают по деревянному корпусу вельбота. Сейчас последует удар.

Я ничего не успеваю предпринять, только чувствую за своей

спиной, как низко наклоняется над бортом гарпунщик Тымкувги, да вижу потемневшие расширенные зрачки у молодого Нанауна.

— Стреляй мамку! — резко командует Ульвелькот. Голос его сливается с глухим ударом гарпуна, попавшего в цель, и сухим звуком выстрела...

Мы раньше обычного возвращаемся с моря. Медленно среди плоских льдин вельбот проходит к чистой воде, которая широкой полосой тянется вдоль берега. Море отражает свинцовый блеск полярного дня, и он задерживается на лицах моих спутников.

Больше всех суетится Каургин — мотор работает ровно, но он уже не доверяет ему. Рядом со мною Дима Тымкувги укладывает аккуратно сыромятный ремень от гарпуна, а потом разряжает не понадобившийся ни ему ни мне карабин и передает его без сожаления.

Нанаун пересел поближе к научному сотруднику, и до меня доносится несколько фраз обычно молчаливого Владимира Гаева: «...Тебе трудно понять... Ты не пережил в детстве такого голода. Павлов его испытал... Морж — продукт промысла, источник жизни... Страх перед голодом умирает вместе с тем, кто его испытал однажды...»

Нанаун мягко протягивает руку в сторону Ульвелькота, и я догадываюсь, о чем он тихо говорит Гаеву.

Поверх наших голов скользит холодный взгляд рулевого. Павлов мрачнее обычного, и нужно хорошо знать этого человека, чтобы почувствовать, что сегодняшний день не прошел мимо него. Он переводит взгляд на молодого Нанауна, будто угадывая, что разговор идет о нем. Но мысли его быстро возвращаются к управлению вельботом, и он, не отрываясь более, глядит в сторону приближающегося берега.

Неподвижен на своем месте Ульвелькот. Он снова уходит мыслями в себя. Внешнее течение жизни, в которой нужно по необходимости принимать участие, уже не может добавить ему силы и здоровья. Он будет тратить их с толком и экономно.

На открытой воде ближе к берегу мы все почти одновременно замечаем на небольшой одиночной льдине необыкновенного моржа. Его шкура выцвела, волос стал редким и седым. Так вот он какой — белый морж, патриарх великого племени морских существ, которые живут, не причиняя никому зла, не требуя от природы большего, чем им дано, а от людей — признания их разума или хотя бы способности на любовь, душевные страдания, ненависть...

Рулевой Павлов уводит круто в сторону вельбот. Но мне кажется, что белый морж глух и можно было не опасаться его побеспокоить.

— Будет большое лежбище,— говорит, ни к кому не обращаясь, Ульвелькот.

ГОД ЛЕММИНГА

На тетрадном листе корявым почерком короткое послание: «Есть Остров, оторванный от материка. Заманчиво он красотой своей, но принять не каждого может. Но коль прожил ты на нем семь лет, так знай, что мы не прощаемся с тобою... Григорий Каургин — коренной житель острова Врангеля». Орфографические ошибки не в счет. Суть в том, что обетованный с двадцатых годов нашего века арктический остров стал местом активной деятельности многих людей, но закрепились там в третьем и четвертом поколении лишь единицы. Великолепная модель становления человеческой популяции на относительно замкнутой территории, осколок суши среди океана, через который прошли, устремляясь дальше, многие судьбы. В движении этом можно уловить закономерность, но есть в нем и нечто необъяснимое...

С Ушаковым на Остров приехали эскимосские семьи, но за исключением потомков Тагью никто не закрепил здесь свои корни. Климатические условия были те же, что и на их родине, а основное занятие — промысел морского зверя — удовлетворялось богатством прибрежных вод. Но фактор отдаленности от родного племени с годами все более довлел над самыми непритязательными на нашей планете детьми природы. Для них Чаплино и Сиреники оставались центром мира, и они спешили возвратиться к нему.

Русские люди всегда чувствовали себя здесь оторванными от своего центра мира. Первый начальник Острова Ушаков покинул его через три года, сменивший его Минеев задержался на пять лет. Те из старожилов, кого я знал — Старченко, Акуленковы, Браницкие, Гусак, — прожили на Острове более двух десятков лет, но так и не перебороли в себе этого чувства. Тяжела и печальна для человека такая двойственность. Только в третьем поколении к потомкам приходит утерянное их предками спокойствие, они от рождения признают свою малую родину.

За первопроходцами через четверть века на Остров пришли береговые чукчи с мыса Северного, с Ванкарема. Они развивали оленеводство, промышляли песца и морского зверя, поддерживали контакт с материком и совершенно не страдали от ностальгии. Их родина была совсем рядом — за проливом Лонга.

Чукча Каургин закономерно считал себя коренным жителем. В отличие от других он так и не примирился с необходимостью прощаться навсегда с живыми людьми. Физическую смерть сын своего племени воспринимал гораздо более естественно, чем отъезд «в никуда».

Мы захватили на Острове еще то время, когда следы трехкопильных упругих нарт можно было встретить и на мысе Блоссом, и на перевале к горе Мамонтовой.

Дети коренных островитян еще играли в школе-трехлетке в каюров, оленеводов, охотников-промысловиков. Все они знали вкус моржового мяса и старались попасть в августе в бухту

Песец — проворный хищник

Сомнительную, где, используя квоту, мы помогали их родителям добыть несколько моржей.

Это был общий для всех праздник, и долго потом продолжалось обсуждение: кто, растерявшись, раньше времени выбросил надутую воздухом нерпичью шкуру — пых-пых с вельбота, кто произвел меткий выстрел, кто загарпунил животное. Охота на моржа опасна, детей в море не брали, но они не хуже нас знали, что происходит там в море, и потом со знанием дела играли в свои игры.

Заповедь земли запрещала охоту на суше. Но на Острове

обитало одичавшее стадо северного оленя, и регулирование численности тоже входило в нашу обязанность. Коррида начиналась в конце октября и продолжалась иногда и в полярную ночь. На снегоходах необходимо было вывезти отдельные стада в Тундру Академии, соединить их там, направить в узкий проход долины реки Насхок к перевалу Нюко, удержать стадо на пути к морскому побережью и заставить пройти между крыльев коралла, расположенного рядом с поселком.

На Острове жили еще женщины, знающие древнее ремесло выделки лахтачьих, нерпршых, моржовых и оленьих шкур умеющие сшить красивую меховую одежду, собрать разноцветную нить из бисера.

Но время делало свое дело. Забывалось никому не нужное искусство изготовления байдар. Последним напоминанием торчали ребра полусгнившей байдары на озере Кмо. Со смертью Ивана Петровича Ульвелькота и отъездом в Ванкарем Семена Чайвына оказались бесхозными нарты, оставшиеся собаки стали ленивы и быстро состарились. Чукотские и эскимосские дети возвращались из школ-интернатов Эвкеинота и Рыркайпия на летние каникулы и не знали уже, в какие игры им играть. Отвыкшие от них родители разговаривали с ними на русском языке и даже не пытались передать навыки древних ремесел, национальную культуру. Все это происходило на Острове, повторяя всеобщий процесс деформации уклада и самой философии жизни коренных народностей Севера по всей нашей стране. Государственная машина примитивно и однообразно нивелировала манси, чукчу, эскимоса и такого же, как они, бесправного крестьянина средней полосы России. Ничего не могли изменить многочисленные льготы, которые раздавались по принципу «всем сестрам по серьгам», и общие благие намерения вытащить всех из вековой отсталости. Самое безысходное заключалось в том, что, оставаясь на своей территории, эти народности шли «в никуда».

Острова не коснулось насильственное переселение коренных жителей. А в Ханты-Мансийском округе, где я работал до Острова, в шестидесятых годах, люди почти насильно вывозились на Обь, там получали добротные жилища, учились пользоваться электричеством, приобретать продукты в сельмагах...

На Оби я как-то познакомился с одним из переселенцев Григорием Смолиным.

— Здесь мы хорошо живем,— говорил подвыпивший хант.— Все у нас есть и на охоту ходить не надо.

Он затащил меня к себе в дом, обставленный городской мебелью. Много пил и куражился: как прекрасно живет старый хант. А потом сник, задремал, сидя за столом. Очнулся другим человеком — вытащил из дальнего угла самодельную пантуру и долго рассказывал нараспев под заунывные звуки:

трепещущих лосиных жил историю о таежном народе с Малой Сосывы и Конды, теперь разбросанном по Оби. Кажется, от него я услышал впервые о таинственных азиатских бобрах — «речных людях», о манси Кирилле Дунаеве, спрятавшем свое семейство в тайге и не пожелавшем подчиниться властям...

Григорий Каургин — отец многочисленного семейства, в котором растут самотеком свои и приемные дети. Так и хочется слухавить, что, мол, он примерный глава семейства, отдает всего себя воспитанию... Да ничему он себя не отдает. Рассеивает вокруг и добрые дела, и добрые мысли, не приемлет зла людского, но делает все это легко и не задумываясь, не утруждая себя тяжелой физической работой, нервными перегрузками, заботой о дне завтрашнем. Он терпеливо сносил годами спивавшуюся жену, проводил ее на принудительное лечение не по своей инициативе и не торопясь разошелся, потому что она и не думала возвращаться в семью. Я не замечал, чтобы он специально занимался воспитанием детей, учил или наказывал их, они росли как бурьян при дороге.

В нашем обществе Каургин проявлял несколько другие качества. Он был достаточно цивилизован и бравировал этим. Григорий любил по утрам появляться в моем кабинете, особенно если надеялся застать там приезжих с Большой земли — ученых, журналистов или высокое начальство. В аккуратно выглаженном костюме (уж где он хранил его дома?!) он здоровался запанибрата, представлялся солидно: «Коренной житель Григорий Каургин», — усаживался на стул удобно и надолго и включался в разговор на любую тему — рассудительно и уверенно. Я ему никогда не мешал.

Он очень любил быть старшим. При отгрузке бочкотары при выезде в тундру, сопровождении приезжей экспедиционной группы — он весь светился от ответственности, которая ложилась на него. Читатель может представить, как реагировали на эти его маленькие слабости молодые сотрудники заповедника. Они подтрунивали над Каургиным — не всегда беззлобно. Но Григорий вообще не обращал внимания на реплики.

Пожилые островитяне говорили, что внешне и по характеру он был похож на первопоселенца Острова Аналькака, хотя и в дальнем родстве с ним не состоял. Аналькак умел заговаривать болезни и скрытно от властей шаманил — в конце двадцатых годов это было небезопасно. Григорию нравилось, когда его называли шаманом. В медицину он не лез, но когда в руках оказывался бубен, преображался, возможно, становясь по-настоящему самим собой.

Движения тела приобрели мягкость, взгляд затуманился, не отражая из глубины зрачков ни одного лучика света,

гортанные звуки бились в такт затихающего или усиливающегося голоса бубна. В танце возникали простые сюжеты окружающего нас островного мирка, населенного людьми, дикими животными, одушевленными силами Природы. Только иногда Каургин вырывался за эти рамки, и тогда можно было оценить, как внимательно собирает он отрывочные сведения от нас о неизвестных ему народностях, материковой природе, животных. Сам-то он только к тридцати пяти годам осмелился выезжать ненадолго на материк, и все для него оставалось там незнакомым.

С моих слов он знал, что в глухом сибирском углу есть такой манси Кирилл Дунаев, часто я рассказывал ему и о таинственных азиатских бобрах. Манси и ханты почитают бобра-инквоя за священное животное, они издавна связывали свое благополучие с сохранением «речного человека», передавали из поколения в поколение заповеди-запреты на его добычу, выражая это, как и у любого народа, не имеющего письменности, в красивых и умных сказках, ритуальных и игровых танцах. Каургин запоминал, как я убедился вскоре, все это до мельчайших подробностей.

...В первую для меня полярную ночь я в какой-то момент почувствовал нарастающую депрессию, навалившуюся такой тяжестью, что свет стал не мил, и перебороть ее, казалось, не хватит воли. Каургин разгадал мое критическое состояние и зачастил вечерами. Правда, не всегда бескорыстно, так как знал, что стопарь водки у заскучавшего хозяина найдется.

Иногда он приносил бубен и под его размеренные звуки танцевал. Бубен созывал проходивших мимо сослуживцев; в небольшой комнатке, которую я занимал, становилосьлюдно, и Каургин продолжал танец с особым вдохновением.

...Вот после короткой паузы он отступает в угол, застывает там, требуя тишины. Резкий взмах рук, характерный наклон туловища и головы, резкий гортанный крик. И взмыла чайка в воздух, закружила, подхваченная ветром. В такт движениям гудит бубен, то затихая, то возвышая голос. Чайка скользит над землей, взмывает в небо и зорко всматривается в отдаляющуюся линию горизонта. Неожиданно она круто падает, почти подломив крылья, на морскую волну и с трепещущей добычей тяжело поднимается в воздух...

В той же легкой кухлянке, торбасах, меховых из нерпичьей шкуры штанах Каургин с легкостью превращался в отдыхающего на льдине ленивого моржа, в бесшумно скользящую над тундрой полярную сову. В его импровизациях появлялись люди, и мы узнавали с удовольствием самих себя, будто застигнутых врасплох, скрытой камерой, в естественной для каждого из нас обстановке.

В один из таких вечеров он удивил меня, напомнив старую сказку, родившуюся за тысячи километров от Острова

в таежном краю Сосьвинского Приобья. Пальцы Каургина прикоснулись к бубну. В такт осторожным прикосновениям стали тяжело раскачиваться бедра, ступни ног перекатываться с носка на пятку. Голова втянута в плечи и поворачивается вместе с телом, на лице маска: верхняя губа приподнята, нижняя челюсть укоротилась, и обнажились пожелтевшие зубы. Маска грызуна. Так это бобр, нет, бобреха, догадался я по мягким движениям сразу будто бы ожиревшего тела.

Я не готов был воспринять от Каургина такое и с пристрастием наблюдал, как он может изображать то, чего никогда не видел. Но все происходило так естественно и красиво, что память моя приняла подарок Каургина.

По заснеженной равнине водораздела рек Малой Сосвы и Тапсуя тянется странный широкий след. Он слегка отклоняется, обходя стороною проталины топкого болота, и уходит к широкому Тапсую. Дед Кирилла Дунаева, промышлявший в том районе оленя, встал с утра на этот след. Только к вечеру пересек он рямовое болото и у кромки пойменного леса догнал бобреху. Очень медленны и тяжелы ее движения, а перед собою толкает она саночки, сплетенные из тальника» в которых лежит малый бобренок. Манси-охотник идет рядом, но бобреха поворачивается к нему, и из глаз ее катятся слезы.

— Возьми меня, но оставь в живых бобренка,— просит бобреха.

— Мне интересно было посмотреть след, и я шел за тобой,— сказал ей манси-охотник.— Но ты боишься меня, и я вернусь на свою тропу...

Почти в изнеможении закончив танец, Каургин садится на пол, скрестив ноги и продолжая осторожным движением кисти прирагиваться к бубну. У меня возникло почти реальное представление, что под тихий шепот бубна перелистываются мои годы прожитой жизни, а вот сейчас чуть изменится ритм звучания и приоткроются страницы еще не прожитых лет.

Кто научил тебя этому искусству, Григорий Каургин?! Сознаешь ли ты сам рождаемую тобой силу?

Не думаю, что мы всегда готовы были понять его до конца. Мешала его всегдашняя простоватость, а может быть, наше неумение открыться сердцем. Все-то мы пытаемся понять умом.

Вот и тогда на пути в бухту Сомнительную, наблюдая одно из самых загадочных явлений живой природы Арктики — миграцию леммингов, я не готов был воспринять происходящее на наших глазах в том значении и с той глубиной, как мой спутник Григорий Каургин.

Это было в первый год моей жизни на Острове. Рано поутру мы вышли налегке в бухту Сомнительную. В конце мая погода на Острове неустойчива, и где-то к полудню мы почув-

ствовали это. Низкие, наполненные снегом облака тяжело переползали через хребты Центральных гор и скатывались по прибрежной долине к морю. В полном безветрии тундра становилась все более холодной, пустынной и мрачной. Тишина настораживала, прижимала к земле. Воздух пропах снегом, и чувствовалось, что вот-вот эта тишина взорвется завыванием ветра и арктический остров утонет в пурге.

— Успеть бы к дому Павлова,— сказал Каургин настороженно и с сожалением посмотрел на мою короткую меховую куртешку, в которой я самонадеянно двинулся в пятидесятикилометровый путь. Сам он вышел из поселка в кухлянке, и я тогда, помню, еще посмеялся над ним.

Мы находились в полутора километрах от реки Хищников а от нее до пустующего домика охотника несколько часов пути. Что могло задержать нас в дороге?

В окружающую тишину стали все явственнее вплетаться неопределенные звуки. Казалось, что по долине накатывается снежный вихрь, и дальние сопки действительно уже покрылись матовой белизной. Но Каургин снял малахай, прислушался на одно ухо и показал рукой ближе к устью реки:

— Лемминги. Там много леммингов. Они вышли в кочевку — так бывает...

Я что-то уже читал и слышал о Годе лемминга. Маленький зверек величиною с пуховую детскую рукавичку издревле заселяет Остров и оказывает исключительное влияние на состояние растительности, преобразование почв, численность песка и хищных птиц. Живет он неброско, стараясь все больше находиться в норах да по неглубоким трещинам, прикрытым прошлогодними сухими травами. Но однажды в жизни лемминга все меняется: тысячи, десятки тысяч зверьков покидают убежища и пускаются в странствие — опасное и бессмысленное с позиций нормальной человеческой логики и инстинкта любого существа к самосохранению. Это и есть неразгаданный до конца современной наукой Год лемминга.

Я всматривался в направлении взмаха руки моего спутника, но увидел не то, что готов был увидеть. В полной тишине распластав широкие крылья, низко над землей скользили бургомистры. Между белоснежными их силуэтами мелькали проворные тени поморников. Ближе к нам на возвышении появился песец. Зимняя шуба его до конца еще не вылиняла, и он хорошо был заметен на сером фоне. Сиплый лай песка разорвал тишину, и тут же стали слышны шорохи крыльев птиц, отдаленные крики поморников. Холодный сухой ветер ударил нам в лицо и бросил первую горсть колючего снега. Но оторваться от открывающегося перед нами зрелища было уже невозможно.

Первые лемминги перебежали рядом с нами от кочки к кочке, почти не прячась. Они не испытывали чувства страха, и

птицам не доставляло особого труда выхватывать на лету отдельных особей. Песец просто сдавливал добычу, прикапывал тут же в землю, влаивал сипло взхлеб, призывая свою подругу присоединиться к нему и одновременно предупреждая о появлении людей. Не сходя с места, я насчитывал одновременно в поле моего зрения десятки леммингов. Сталкиваясь друг с другом, они агрессивно цокали зубами, верещали, запугивая соседа, но общий поток уводил их, на ходу примиряя, вдоль побережья и на морской лед — «в никуда». Бессмысленность движения, искаженность инстинктов, противоестественность поведения... Может ли так обмануться Дикая Природа?!

Лемминг — абориген острова

Ученые ищут и не находят причины колебаний численности популяций лемминга от полной депрессии к восстановлению номинальной численности, резкому возрастанию ее и наступлению Года лемминга — этого взрыва изнутри самой популяции, за которым следует опять депрессия. Климатические условия, эпизоотии, изменения эндокринной системы не объясняют до конца действующего во времени маятника, так как не всегда возможно отличить причину от следствия.

Я почти не замечал пурги, окутавшей нас. Мы не видели и не слышали птиц, бесследно исчез суетливый песец. Только маленькие зверьки из-под снега и по снегу продолжали свой

роковой путь и многие застывали неподвижно, израсходовав до конца заложенную в них жизненную энергию. Плотный снег тут же покрывал их скорченные тела.

Каургин давно уже торопил меня. Я, чувствуя, что промок насквозь и замерзаю, безропотно наконец поплелся за своим проводником.

За семь лет работы в Арктике, участия в сложных, в том числе и спасательных экспедициях, тот путь к домику Павлова, находящемуся где-то рядом с нами, оказался для меня самым тяжелым. Только за полночь в снежной круговерти мы натолкнулись на бревенчатые стены, и это в той обстановке больше походило на случайность. К утру я метался в жару, Григорий укрывал меня кухлянкой, пытался отпаивать крепким чаем. Я, кажется, бредил, звал Каургина в тщетной надежде вырваться из обступившей меня страшной шевелящейся массы и с ужасом понимал, что не вырваться, что я — один из них... Когда мой собственный голос доходил с трудом до сознания, становилось стыдно за то, что мелю чепуху.

Пурга не утихала. Позднее мы узнали, что из-за помех радиосвязь не работала, и в бухте Сомнительной ничего не знали о нашем выходе к ним. Ночью все же собаки Чайвына сильно выли, с другого берега реки Сомнительной им вторили собаки Ульвелькота.

— Думали, медведь бродит, сильно остерегались,— объяснял Семен Чайвын, приехавший через двое суток к нам на собачьей упряжке.— Это тетя Клюк подсказала, что люди близко.

Вскоре мы оказались в бухте Сомнительной. Иван Петрович Ульвелькот ругался незлобно, глядя на мою одежду, а тетя Клюк отпаивала чаем на травах. Через несколько дней над Островом установилась ясная погода. Яркий снег слепил глаза, а солнце обжигало губы. Возвращаясь на вездеходе в поселок, я не заметил близ устья реки Хищников каких-либо следов недавнего трагического путешествия леммингов. Они действительно ушли «в никуда».

Мне казалось, что Григорий Каургин быстро забыл эту маленькую историю. Но он напомнил ее перед самым моим отъездом с Острова.

— Лучше бы к нам вообще не приезжали люди,— сказал он как-то жестко и вызывающе.— Только привыкнешь, как приходится расставаться. Для всех вас, приезжающих на Остров, тоже наступает Год лемминга.

В тот раз он принес с собою старый бубен. Обод из кости, обтянутый темно-коричневой кожей из дубленой полосы моржового желудка. Бубен был особенно послушен в его руках, и мне представилось, что это и есть тот самый бубен шамана Аналькука, который, по слухам, хранился у Григория Каургина.

Каургин сделал лишь какое-то неопределенное движение телом, потом сел удобно, неподвижно и передал нас обоих во власть своего универсального инструмента...

Сужается круг. Судьба Григория Каургина — и его малочисленного народа, судьба Кирилла Дунаева — и его малочисленного народа. Лишенные в течение нескольких десятилетий земли, развращаемые алкоголем, зараженные чуждыми для их генофонда болезнями, угнетенные насильственным втягиванием — из гуманных соображений — в так называемую современную цивилизацию... Это их Год лемминга...

И если человек покидает Остров, то, быть может, это и есть его Год лемминга...

Ты, Григорий Каургин, настоящий шаман. Но дано ли тебе предвидеть будущее? Человек ищет приводной механизм вселенского маятника и стремится им управлять.

Маленькая загадка *стремящихся в никуда* снова возникает остро, как тогда в нездоровом жару на границе сознания и того неведомого, чем не научился человек, слава богу, еще управлять. Как просто ее разгадать, признав Год лемминга проявлением всеобщего ритма, подчиняющего все живое в Природе.

И сам человек совсем не исключение из общего правила...

Сколько мучительных вопросов. На один из них я, кажется, знаю ответ: *уничтожая с великой жадностью Природу Земли, человеческая популяция стремительно движется в никуда, к своему Году лемминга*. Но маятник, приводимый в движение не нами, сменит свое направление, и люди по крупницам начнут собирать и беречь то живое, что осталось еще рядом с ними.

